

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2018 г., том 25, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Ананьев Д.А. Англо- и германоязычные историки о проблемах общественно-политического развития Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в.	5
Кискидосова Т.А. Енисейск второй половины XIX – начала XX в. в мемуарах современников.	12
Белянин Д.Н. Государственная политика в сфере церковного строительства в переселенческих поселках Сибири на рубеже XIX–XX вв.	17
Назыров П.Ф. От округа к губернии: формирование административного центра в Челябинске в годы гражданской войны (1918–1919 гг.)	22
Савин А.И. «Зигзаги» советской религиозной политики (1923–1966 гг.)	28
Семенов М.А. Развитие системы здравоохранения Новосибирской области в предвоенный период (1938–1940 гг.)	33
Бурматов А.А. Миграция населения Западной Сибири в 1950–1970 гг.: причины и последствия	39
Дашинамжилов О.Б. Урбанизация в Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: территориальные особенности смертности	46
Кедров Н.Г. Николай Яковлевич Гущин в дискуссиях о коллективизации 1960–1990-х гг.	51
Запороженко Г.М., Шелегина О.Н. Достопримечательное место «новосибирский Академгородок» как новая форма публичной памяти	57
Альшевская О.Н. Основные каналы реализации детской книги в Сибири и на Дальнем Востоке	62
Лизунова И.В. Издательские стратегии XXI в.: понятие, сущность, значение	67

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Чернова (Козлова) И.С. Сибирские журналисты и региональная интеллигенция второй половины XIX – начала XX в.	73
Старышкина А.А. Эго-документы Л.Я. Гуревич как источник для изучения борьбы за лидерство в русской журналистике конца XIX в.	78
Оськин М.В. Ветеринарное обеспечение русской армии в период Первой мировой войны	83
Кырчиков М.С. Ишимский округ в территориальных спорах Урала и Сибири первой половины 1920-х гг.	89
Маклюков А.В. Электрификация сельского хозяйства Дальнего Востока в середине 1920-х – начале 1950-х гг.	94
Расказимов А.А. Всеобщая забастовка 1930 г. в Сибири как средство ликвидации концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед» ...	100
Лапердин В.Б. Проекты аграрного освоения Кулундинской степи в 1930-е гг.	105
Кожевников С.В. Роль хирурга-консультанта В.Ф. Войно-Ясенецкого в консультативной работе эвакогоспиталей Красноярского края и г. Красноярска (1941–1942 гг.)	110
Исаев В.И., Исунов В.А. Рец. на кн.: И.Н. Стась. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 1990-х гг.)	116
VI Сибирский исторический форум (г. Красноярск, 24–25 октября 2018 г.)	118

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук, д-р ист. наук *Н.З. Зайц* (Словения), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), профессор *С. Чулуун* (Монголия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7-383) 330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемужева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 29.12.18. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 306.

Адрес издательства и типографии:
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2. Издательство Сибирского отделения Российской академии наук

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2018, vol. 25, N 4

CONTENTS

RUSSIAN HISTORY

Ananyev D.A. English- and german-language scholarship on the problems of socio-political development of Siberia and Far East in the second half of the XIX – early XX century	5
Kiskidosova T.A. Yeniseysk of the second half of the XIX – early XX centuries in contemporaries' memoirs	12
Belyanin D.N. State policy in the sphere of church construction in the resettlement villages of Siberia in the XIX–XX centuries	17
Nazyrov P.F. From a district to a province: forming a new administrative center in Chelyabinsk during the Civil War (1918–1919)	22
Savin A.I. “Zigzags” of the Soviet religious policy (1923–1966)	28
Semenov M.A. Development of the healthcare system in the Novosibirsk Region during prewar period (1938–1940)	33
Burmatov A.A. Migration of West Siberian population in 1950–1970: causes and consequences	39
Dashinamzhilov O.B. Western Siberian urbanization in 1960s–1980s: area-specific mortality	46
Kedrov N.G. Nickolay Gushchin in discussions on collectivization of 1960–1990s	51
Zaporozhchenko G.M., Shelegina O.N. Place of interest “Novosibirsk Akademgorodok” as a new form of public memory	57
Alshevskaya O.N. Main channels of children’s books implementation in Siberia and the Far East	62
Lizunova I.V. Publishing strategies in the XXI century: the concept, essence, value	67

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Chernova (Kozlova) I.S. The place of Siberian journalists among the regional intelligentsia in the second half of XIX – early XX centuries	73
Staryshkina A.A. L. Gurevich’s ego-documents as a source to study the struggle for leadership of the Russian journalism in the late XIX century	78
Os’kin M.V. The veterinary care of the Russian army during the First World War	83
Kyrchikov M.S. Ishimsky district in territorial disputes of the Urals and Siberia of the early 1920	89
Maklyukov A.V. Electrification of agriculture in the Far East in the mid-1920s – early 1950s	94
Rasskazimov A.A. The general strike of 1930 in Siberia as a mean to liquidate the concession “Lena goldfields Ltd”	100
Laperdin V.B. Projects of agrarian development of Kulunda steppe in the 1930s	105
Kozhevnikov S.V. V. F. Voyno-Yasenetsky, a surgeon-consultant, activity in the advisory work of evacuation hospitals in the city of Krasnoyarsk and the Krasnoyarsk Krai (1941–1942)	110
Isaev V.I., Isupov V.A. Rec. ad op.: Stas' I.N. From settlements to cities and back: history of city-planning policy in the Khanty-Mansiysk district (1960s–early 1990s). Surgut: Defis, 2016. 258 p.	116
The VI Sibirian Historical Forum (Krasnoyarsk, Oktober 24–25 2018)	118

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Professor *S. Chuluun* (Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Doctor *M. Junge* (Germany), Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *N.Z. Zajc* (Slovenia)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

E d i t o r i a l a d d r e s s : Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20180401
УДК 930(571.1/5)“1850/1917”

Д.А. АНАНЬЕВ

АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОРИКИ О ПРОБЛЕМАХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Институт истории СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируются основные работы современных англо-американских и немецких авторов, посвященные различным сюжетам истории общественно-политического развития Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. Это эволюция идеологии и деятельность представителей сибирского «областничества»; история протестного движения; общественно-политические процессы в регионе в годы Первой русской революции и межреволюционный период и др. Показан вклад западных исследователей в разработку данной темы: прежде всего более объективное освещение роли представителей различных общественных движений и политических партий в революционных событиях начала XX в. Особое внимание уделяется концепциям, связанным с «культурным» и «пространственным поворотом» (С. Штух) в историографии, «новой имперской историей» (Д. Рэйнбоу) и др.

Ключевые слова: западная историография, история Сибири, сибирское областничество, Первая русская революция 1905–1907 гг.

D.A. ANANYEV

ENGLISH- AND GERMAN-LANGUAGE SCHOLARSHIP ON THE PROBLEMS OF SOCIO-POLITICAL DEVELOPMENT OF SIBERIA AND FAR EAST IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Over the decades, the Western scholars (mostly representatives of English- and German-language historiography) have been attempting to clarify the issue of possible alternative development of the Russian state and society during the pre-revolutionary period; to determine the causes of the collapse of monarchy and to identify factors that eventually led to the Bolsheviks' rise to power. While focusing on the events in European Russia, Western historians have just recently turned to studying the social-political processes in the Asian periphery of the empire. The objective of the paper is to analyze the major works of Western authors on the history of social and political development of Siberia and the Russian Far East in the second half of the XIX – early XX centuries and to evaluate their contribution to the study of this topic. The paper shows that their research covers a wide range of issues, such as: the evolution of ideas and activities of members of the Siberian regionalist movement (S. Watrous, D. von Mohrenschildt, W. Foust et al.); the history of protest movement (M. Melancon, H. Reichman, D. Wolff); social and political processes in the region during the Russian Revolution of 1905 (E.-M. Stolberg, A. Wood, D. Dahlmann) and inter-revolutionary period (R. Snow et al.). The researchers draw on the theories of “frontier” (S. Watrous, E.-M. Stolberg et al.), “regionalism” (W. Faust) and “modernization” (D. Dahlmann), in the last decades – concepts relating

Денис Анатольевич Ананьев – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: denis.ananyev@gmail.com

Denis A. Ananyev – candidate of historical sciences, senior researcher, Institute of History SB RAS.

to the “cultural and spatial turns” (S. Stuch) in historical science, “new imperial history” (D. Rainbow). The author proves that Western scholars specified and revised some conclusions of the Soviet historiography, in particular – better assessed the role of members of various social movements and political parties in the revolutionary events in the early XX century.

Key words: Western historiography, history of Siberia, Siberian regionalism, the Russian Revolution of 1905.

На Западе проблемам общественно-политического развития России в позднеимперский период посвящена обширная литература [1; 2], что объясняется устойчивым стремлением нескольких поколений исследователей (прежде всего, представителей англо-германоязычной историографии) прояснить вопрос о возможных альтернативах развития Российской государственности и общества в предреволюционные десятилетия, установить причины крушения монархии и определить факторы, в конечном счете обусловившие приход к власти большевиков.

Уделяя основное внимание событиям, происшедшим в центральных регионах России, западные историки лишь сравнительно недавно обратились к изучению общественно-политических процессов на окраинах империи, в том числе в Азиатской России. Цель настоящей статьи – проанализировать основные работы современных англо-американских и немецких авторов, посвященные истории общественно-политического развития Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в., и оценить их вклад в изучение темы.

Значительный интерес для западных сибиреведов представляет история «сибирского областничества» – общественно-политического и культурного движения, сторонники которого добивались для своего родного края прав, свобод и возможностей, которыми пользовалось население Европейской России и, вместе с тем, отстаивали идею автономного развития Сибири с учетом ее географических, социально-экономических и культурных особенностей.

В 1970 г. к изучению проблем «сибирского регионализма» обратился американский историк С.Д. Уотрус, который впервые в англоязычной историографии достаточно подробно осветил жизненный путь ведущих областников – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Историк пришел к выводу, что их деятельность, как и идея «сибирского регионального сознания», более, чем любой другой фактор, способствовала «пробуждению» сибирского общества и восприятию им ценностей и взглядов эпохи «модерна», хотя к концу XIX в., после смерти Н.М. Ядринцева, областничество по форме и содержанию уже не было доминирующим интеллектуальным течением среди местной интеллигенции. Как оказалось, влияние идей и институтов, изначально породивших областническое движение, изменило общественную и городскую жизнь Сибири в значительно большей степени, чем поначалу ожидали лидеры областничества [3].

В 1970-х гг. американские историки Г. Хэнсон [4, 5] и Д. фон Мореншильдт [6] в серии публикаций попытались прояснить характер взаимоотношений членов сибирского землячества с А.П. Щаповым. В част-

ности, Д. фон Мореншильдт писал о необходимости более тщательного изучения эволюции общественно-политических взглядов А.П. Щапова, который, выступая против излишней централизации, нерационального использования природных богатств Сибири, а также указывая на необходимость решения сибирских проблем в самом регионе, все же никогда не выдвигал лозунг о его отделении от России.

В Германии центром изучения сибирского областничества стал Кельнский университет. В 1962 г. диссертацию, посвященную научному наследию А.П. Щапова, здесь защитил Й. Вахендорф [7]. В условиях возросшего интереса европейской общественности к проблемам регионализма другой выпускник университета В. Фауст исследовал историю сибирского областничества во второй половине XIX в. [8]. В отличие от Д. Уотруса, не имевшего доступа к западносибирской периодике второй половины XIX в., В. Фауст использовал более широкий круг источников, в том числе многочисленные публикации «областников» в сибирских газетах.

В. Фауст показал, что без изучения истории «областничества» трудно понять историю «модернизации» и «европеизации» (по сути, «колонизации») Сибири. Он полагает, что именно идея «сибирского патриотизма» сыграла решающую роль в культурной, политической и экономической интеграции региона в общеимперское пространство, поскольку способствовала преодолению «колониального прошлого»; впервые вызвала в сибирской общественности горячее желание во всем сравняться с «метрополией»; создала предпосылки для действительного вступления Сибири в Новое время и заложила основы будущего мирового значения региона.

С. Штух посвятил свою диссертацию следующему по хронологии периоду истории сибирского областничества – началу XX в. В его представлении, формирование «регионального сознания» и возможности региональной «идентификации» в указанный период определялись, в первую очередь, общим стремлением местной интеллигенции уравнивать сибирскую окраину в правах с регионами Европейской России, тогда как географические особенности и культурно-этническое многообразие населения имели меньшее значение [9].

Американский историк Д. Рэйнбоу защитил в 2013 г. в Университете Нью-Йорка диссертацию на тему «Сибирские патриоты: партиципаторная автократия и Российское имперское государство, 1858–1920». Его работа стала первым на Западе обобщающим исследованием, посвященным всему периоду существования областнического движения. Следуя в русле историографии «новой имперской истории», автор основное внимание уделяет проблеме взаимо-

отношений «областников» (которых он предпочитает называть «сибирскими патриотами») с имперской властью в Сибири. Как отмечает Д. Рэйнбоу, областники, отчасти вдохновленные колониальным опытом в обеих Америках, Индии и Австралии, трудились во имя «развития» и «прогресса» в Сибири, стремясь сделать ее более независимой от остальных частей империи. В течение рассматриваемого периода это движение претерпело радикальную трансформацию: если в 1860-х гг. областников можно было охарактеризовать как «сепаратистов», то после 1917 г. они превратились в «государственников», боровшихся за территориальное единство империи в войне против большевиков [10].

Канадский историк Норман Перейра подробно остановился на участии областников в общественно-политических процессах периода Первой русской революции 1905–1907 гг. [11]. По его мнению, революция естественным образом стимулировала новый подъем областнического движения. В конце августа 1905 г. в Томске состоялся съезд Сибирского областного союза, на котором был принят программный документ – «Основные положения Сибирского областного союза», подчеркивавший право региона на самоуправление. Многие участники съезда выражали озабоченность по поводу того, что областническое движение не имело широкой поддержки в народе, его главной опорой оставалась местная интеллигенция. Г.Н. Потанин признавал, что идея Сибирской Областной Думы была по-прежнему чужда сибирскому крестьянству, хотя П.М. Головачев настаивал, что почти все сибиряки были областниками по своей сути. По мнению Н. Перейры, слабость областников была очевидна и правительству; революция не изменила баланс сил в регионе, который даже не был должным образом представлен в Государственной Думе.

Общественно-политические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Первой русской революции и межреволюционный период анализируются в обобщающих исследованиях Э.-М. Столберг [12], А. Вуда [13], Д. Дальмана [14]. Немецкая исследовательница Э.-М. Столберг среди важнейших причин революции 1905–1907 гг. называет неудачный ход войны с Японией, что имело особое значение для развития ситуации на восточных окраинах империи. По ее словам, начало войны не вызвало в регионе ни эйфории, ни патриотического подъема, к тому же большинство населения рассчитывало на ее скорое завершение. Со временем обстановка в сибирском тылу начала ухудшаться, чему способствовали нехватка продуктов, инфляция, рост преступности; мобилизация и отправка войск из Сибири на Дальний Восток (ввиду предполагаемого нападения японцев на Приморье); агитация, которую вели «политические радикалы» – ссыльные социал-демократы (первые марксистские кружки в Сибири возникли еще в конце 1890-х гг.).

Признавая, что в Сибири организации политических партий пользовались заметной поддержкой со стороны местного населения, Э.-М. Столберг пишет

о союзе кадетов и части предпринимательских кругов, разделявших идеи сибирской автономии и учреждения земства; отмечает, что большевики пользовались авторитетом среди железнодорожных рабочих, а меньшевики – среди студенчества, ремесленников и печатников (при этом автор сообщает о малочисленности социал-демократов и их слабом взаимодействии с центральными партийными органами).

Постепенно ситуация становилась все более взрывоопасной, на что указывали в своих сообщениях и местные власти, и региональная печать. События 9 января 1905 г. в столице вызвали волну забастовок в регионе (которые Э.-М. Столберг призывает рассматривать в одном ряду с забастовками строителей Транссиба в конце XIX в. и Ленскими событиями 1912 г.). В то же время она замечает, что в отличие от социал-демократов, выступавших с политическими лозунгами прекращения войны и свержения самодержавия, рабочие в основном выступали с экономическими требованиями (повышения зарплаты, введения 8-часового рабочего дня и т.п.).

По определению Э.-М. Столберг, к концу 1905 г. крушение гражданского и военного авторитета самодержавия на «диком Востоке» России стало очевидным. Местные власти, не получавшие из центра ни внятных инструкций, ни своевременной поддержки, были готовы пойти на уступки (как, например, иркутский генерал-губернатор П.И. Кутайсов, после издания Октябрьского манифеста объявивший о свободе слова, прессы и собраний). Однако правительство вскоре ответило на действия восставших отправкой карательных экспедиций и расправами, которые, по мнению Э.-М. Столберг, «в психологических условиях войны и социального конфликта проявились скорее, как факторы, стимулировавшие насилие, а не смягчавшие его». В свою очередь, консервативно настроенные городские низы также были заняты поиском виновных, что привело к серии погромов, направленных, прежде всего, против «чужаков» – евреев, поляков, выходцев с Кавказа, китайцев.

Главным «горючим материалом» для социального взрыва в Сибири и на Дальнем Востоке немецкая исследовательница считает «солдатскую массу». Самодержавие не смогло использовать измотанных войной солдат для подавления беспорядков – тому препятствовало угнетенное моральное состояние и тяжелое материальное положение фронтовиков, а также неспособность властей организовать их своевременную отставку с Маньчжурского театра военных действий (прежде всего, из-за начавшейся забастовки железнодорожников). Хотя в ряде городов военнослужащие поддерживали бастующих и отказывались стрелять в гражданское население, это, по мнению Э.-М. Столберг, никоим образом не означало, что основная масса солдат солидаризировалась с революционным движением. На «внутреннем фронте» большинство из них демонстрировали явное нежелание занимать чью-либо сторону. Бунт во Владивостоке 30–31 октября 1905 г. наиболее ярко проде-

монстрировал действительные настроения «праздных и бахвалящихся» военнослужащих.

Британский историк А. Вуд полагает, что социальный конфликт в Сибири приобрел более жесткий характер, чем в центральных регионах империи. Недовольство народных масс, вызванное внешнеполитическими авантюрами правительства и действиями коррумпированных местных властей, привело к созданию органов самоуправления – Советов. Для самодержавия Сибирь оказалась одним из наиболее опасных регионов, который не был умиротворен даже после издания Октябрьского манифеста 1905 г. Подавить беспорядки удалось лишь с помощью лояльных войск и карательных экспедиций И.И. Меллер-Закомельского и П.К. Реннекампа.

Ключевую роль в революционных событиях за Уралом А. Вуд также отводит железнодорожным рабочим, восприимчивым к агитации политических ссыльных, и восставшим солдатам. Вместе с тем, историк (основываясь на данных новосибирских исследователей, опубликованных в середине 1980-х гг. [15]), полагает, что не следует недооценивать степень недовольства сибирских крестьян, продемонстрировавших свое отрицательное отношение к режиму серией аграрных волнений.

В отличие от А. Вуда, немецкий историк Д. Дальманн не склонен преувеличивать меру активности сибирских крестьян в период революции, что, по его мнению, отличало Сибирь от большинства регионов Европейской России. За Уралом исключение составляли те регионы, в которых позиции общин были более прочными, а экономическая ситуация менее благоприятной, как, например, на Алтае, в Забайкалье, в Енисейской губернии.

В отличие от Э.-М. Столберг и А. Вуда, Д. Дальманн полагает, что в целом в Сибири беспорядки не достигли той силы, как, например, на Кавказе и в Европейской России, хотя развернувшиеся на рубеже веков процессы индустриализации и модернизации заметно поколебали существующее в регионе социальное, экономическое и политическое положение. О нарастающих противоречиях свидетельствовали начавшееся еще в 1890-х гг. забастовочное движение, крестьянские выступления, общий рост оппозиционных настроений.

В представлении Д. Дальманна, особенностью Сибири были более низкие темпы урбанизации и уровень грамотности, более заметные различия между городом и деревней, а также крайне немногочисленный пролетариат. Вместе с тем, именно рабочие (прежде всего, железнодорожники), поддержанные военнослужащими, стали ведущей силой в революционном процессе (как и в Европейской России), хотя образованные ими Советы рабочих и солдатских депутатов были не столь влиятельны, как в Москве и Санкт-Петербурге. Историк признает, что большую роль в революционных событиях сыграли политические радикалы – эсеры и эсдеки (замечая при этом, что вплоть до революции 1917 г. деление сибирских социал-демо-

кратов на большевиков и меньшевиков следует признать достаточно условным).

После издания октябрьского манифеста по всей стране, в том числе в Сибири, революционное движение пошло на спад, за исключением ряда городов (Красноярск, Чита, Владивосток), где произошли серьезные беспорядки. Одним из достижений революции Д. Дальманн считает возникновение и развитие в России парламентаризма (пусть и в рудиментарной форме), для характеристики которого использует термин «псевдоконституционализм», предложенный в свое время М. Вебером. В Государственной Думе Сибирь представляли депутаты, избранные из рядов буржуазной оппозиции и социалистических партий, что, по мнению Д. Дальманна, лишним раз подчеркивало дистанцию между центром и сибирской окраиной.

Участие железнодорожных рабочих Транссиба и солдат железнодорожных батальонов в революционных событиях за Уралом более обстоятельно рассмотрено в трудах американских историков Г. Райхмана [16] и Д. Вольфа [17]. По мнению Г. Райхмана, своеобразии забастовочного движения на Транссибирской магистрали определялось «полуфронтальным» характером и относительно низким уровнем развития региона (чью инфраструктуру исследователь характеризует как «примитивную»), а также ходом мобилизации и демобилизации войск (Г. Райхман замечает, что когда восставшие солдаты начали возвращаться с Дальнего Востока, главной задачей бастующих железнодорожников являлось не прекращение, а продолжение работы магистрали). К концу декабря 1905 г., когда Сибирь находилась под властью железнодорожных рабочих, с одной стороны, и восставших солдат – с другой, нетрудно было предположить, что обе группы начнут сотрудничать друг с другом.

«Катализаторами» или «посредниками» такого сотрудничества стали железнодорожные войска, послужившие объектом специального исследования Д. Вольфа. В отличие от советских историков, обычно не акцентировавших внимание на той роли, которую играли в революционных событиях железнодорожные бригады и батальоны, и предпочитавших изучать более явные примеры «классовой и профессиональной солидарности», Д. Вольф утверждает, что «гибридные» военно-гражданские подразделения представляют не меньший интерес. «Дуалистический» характер железнодорожных войск позволял им обеспечивать «каналы коммуникации» между войсками и восставшими рабочими, а также гражданским населением в целом.

Вместе с тем исследователь пытается ответить на вопрос, почему одни железнодорожные подразделения поддержали восставших, а другие остались на стороне официальных властей, как, например, военнослужащие Заамурской железнодорожной бригады, части которой были сосредоточены в Маньчжурии. По мнению Д. Вольфа, позиция начальника бригады Д.Л. Хорвата, а также близость фронта в немалой степени способ-

ствовавали поддержанию воинской дисциплины и лояльного отношения солдат к властям. По мере удаления от фронта дисциплина в войсках падала, о чем свидетельствовали примеры 2-го резервного железнодорожного батальона в Красноярске и 3-го резервного железнодорожного батальона в Чите. Солдаты этих батальонов активно поддерживали революционные организации, возглавившие так называемые Читинскую и Красноярскую республики в конце 1905 г. В январе 1906 г. в волнениях во Владивостоке участвовали солдаты Уссурийской железнодорожной бригады.

Вслед за Дж. Бушнеллом [18] Д. Вольф готов признать, что «технические подразделения» (например, понтонные, саперные или железнодорожные), по-видимому, были особенно уязвимы для революционной пропаганды, поскольку в годы Первой русской революции на их долю приходилось более 50 % всех волнений в армии. Историк приходит к выводу, что хотя железнодорожные бригады в свое время возникли как «инновационный компромисс» между гражданскими и военными властями, непредвиденные последствия такого организационного решения лишней раз продемонстрировали опасности и риски экспериментов в сфере «социальной инженерии».

Для первых послереволюционных лет исследователи отмечают спад забастовочного движения в регионе. Переломным событием стал Ленский расстрел 1912 г. – по мнению западных историков, это был такой же поворотный момент в русской истории, каким в свое время стало «кровавое воскресенье». События на Ленских приисках послужили предметом специального исследования, которое предпринял М. Меланкон [19].

Основываясь на широком круге источников (в том числе архивных материалах из ГАРФ, Института Гувера и др.), американский историк подробно излагает историю золотодобычи и забастовочного движения на Ленских приисках; характеризует материальное положение рабочих и условия их труда (в частности, приводит данные о том, что на работу в «Лензото» в основном нанимались крестьяне, приехавшие из Европейской России и попадавшие, как и члены их семей, в полную зависимость от руководства компании); реконструирует предысторию и ход Ленских событий 1912 г., выясняет причины и последствия забастовки.

М. Меланкон подчеркивает, что забастовка была спонтанной и носила экономический характер, несмотря на попытки руководства «Лензото» назвать ее политической, указав в качестве доказательства на наличие забастовочного комитета (к созданию которого в свое время призывало само руководство компании). Американский историк признает определенное влияние представителей социалистических партий (в первую очередь, эсеров, но не большевиков) на бастующих рабочих, однако приходит к выводу, что их влияние не было значительным, поскольку призывы политических ссыльных прекратить забастовку и предостеречь тем самым трагическую развязку не были услышаны.

Главной причиной трагедии историк считает действия руководства компании и представителей власти. Правительство оказалось не в состоянии защитить рабочих, но при этом не позволяло им самим защищать себя, тем более с помощью представителей политических партий. Расправы над ленскими рабочими в 1912 г. (как и над костромскими и иваново-вознесенскими в 1915 г.) разрушили остатки общественного консенсуса, возникшего после 1905 г., и заставили крестьянство и большую часть образованного общества отвернуться от самодержавия и крупной буржуазии, ставших, по словам историка, такими «странными союзниками» в позднимперский период.

Общественно-политическую ситуацию в Сибири накануне Февральской революции проанализировал в своей монографии (1978) американский историк Р. Сноу [20]. В вступительном разделе его книги освещена деятельность сибирских большевиков в предреволюционный период, главным образом во время Первой мировой войны. Главной своей задачей Р. Сноу полагал опровержение утверждения советской историографии о том, что В.И. Ленин и ЦК РСДРП осуществляли непрерывное руководство действиями большевиков за Уралом. По словам Р. Сноу, сибирские большевики, используя партийную философию и директивы ЦК только тогда, когда им это было удобно, умело адаптировали свою стратегию и тактику к конкретным ситуациям и обстоятельствам. Многие из них не считали себя «ленинцами», при необходимости шли на сближение с меньшевиками и эсерами, подчиняя идеологические различия целям практической революционной работы.

По определению Р. Сноу, к 1914 г. социал-демократы в Сибири бездействовали, но «война оживила русскую социал-демократию и превратила ее в русский коммунизм». В Сибирь вернулась подпольная работа, поскольку призыв политических ссыльных на военную службу облегчил им возможности для передвижения с целью политической агитации, которая становилась все более эффективной по мере ухудшения ситуации. Объединение социал-демократов (большевиков и меньшевиков) происходило на основе принципов «сибирского циммервальдизма», сторонники которого призывали избегать крайностей позиций общественного патриотизма (по сути, оборончества), с одной стороны, и пораженчества – с другой; не поддерживать войну и участие в работе военно-промышленных комитетов и в целом не содействовать интересам буржуазной революции, жертвуя интересами мировой социалистической революции.

На этой основе складывалась широкая антивоенная коалиция социалистов, создавших несколько подпольных организаций – «Союз сибирских рабочих», «Военно-социалистический союз» и др. Дополнительные возможности для пропаганды своих взглядов социалисты получали благодаря работе в легальных организациях – кооперативах, профсоюзах и др. Власти отвечали арестами, разгромами типографий и т. п., но,

по признанию Р. Сноу, их реакция была запоздалой, а размах репрессий невелик.

В мемуарах большевиков, опубликованных в советский период, подчеркивалась ведущая роль их авторов в революционной деятельности на местах до 1917 г., при этом ими целенаправленно замалчивался действительный масштаб сотрудничества с меньшевиками и эсерами, которое облегчалось благодаря прочным личным связям, сложившимся в условиях политической ссылки. Вместе с тем, по заключению Р. Сноу, от недолгой деятельности подпольных организаций социалистов более других выиграли именно большевики, установившие контакт с солдатами — вчерашними крестьянами, и заручившиеся доверием и поддержкой рабочих в городах. Все эти действия позволили им после Февральской революции оказаться на авансцене общественно-политической жизни.

Таким образом, западные историки осветили широкий круг вопросов, связанных с историей общественно-политического развития Азиатской России во второй половине XIX – начале XX в., а именно: эволюция идеологии и деятельности представителей сибирского «областничества»; история протестного движения; общественно-политические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Первой русской революции и межреволюционный период и др. Авторы исследований опирались на теории «фронттира», «регионализма», «модернизации», в последние десятилетия – на концепции, связанные с «культурным» и «протестантским поворотом» в историографии, «новой имперской историей».

Признавая приоритет в изучении указанной темы за советскими и российскими историками, англо- и германоязычные исследователи стремились уточнить ряд положений и выводов отечественной историографии, в частности, более объективно осветить роль представителей различных общественных движений и политических партий в революционных событиях начала XX в. Как представляется, суждения западных историков заслуживают внимания со стороны российских специалистов, особенно на фоне характерного для последних десятилетий снижения интереса к истории протестного движения в дореволюционной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Любичанковский С.В. Состояние власти позднеимперской России в оценке англо-американской историографии 2-й пол. XX – начала XXI в. // Известия Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2007. Т. 9, № 2, С. 342–347.
2. Макаров Н. Российская империя в Первой мировой войне: современная англо-американская историография // Вопросы истории. 2014. № 5. С. 36–49.
3. Watrous S.D. Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819 – 1894: PhD. thesis. Seattle: University of Washington, 1970.
4. Hanson G.A. Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker: PhD thesis. University of Wisconsin, 1971.

5. Hanson G.A. Siberian Regionalism in the 1860s // Topic. 1974. Vol. 27. P. 62–75.
6. Mohrenschildt D., von. Shchapov: Exponent of Regionalism and the Federal School in Russian History // The Russian Review. 1978. Vol. 37, N 4 (Oct.). P. 387–404.
7. Wachendorf J. Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A.P. Schchapov. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Universitaet zu Koeln. 1964. 216 S.
8. Faust W. Russlands Goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Haelfte des 19 Jahrhunderts. Koeln; Wien, 1980. 683 S.
9. Stuch S. Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert. Koeln, 2003. 353 S.
10. Rainbow D. Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. Ph.D. thesis. Department of History, New York University, 2013. 404 p.
11. Pereira N.G.O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers. 1988. Vol. 30, N 1 (March). P. 112–133.
12. Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009. 420 S.
13. Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011.
14. Dahlmann D. Sibirien: Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart Gebundenes Buch. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2009. 435 S.
15. Крестьянское движение в Сибири: 1861–1917 гг. хроника и историография. Новосибирск, 1985.
16. Reichman H. The 1905 Revolution on the Siberian Railroad // The Russian Review. 1988. Vol. 47. P. 25–48.
17. Wolff D. Between War and Revolution: Railway Brigades in Siberia, 1905–1907 // Russian History. 1996. Vol. 23. N 1/4; Labor, Thought and Society in Russia and the Soviet Union: [SPRING–SUMMER–FALL–WINTER], 1996. P. 95–114.
18. Bushnell J. Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–1906. Bloomington: Indian University Press, 1985. 334 p.
19. Melancon M. The Lena Goldfields Massacre and the Crisis of the Late Tsarist State. (Eugenia and Hugh M. Stewart 26 Series on Eastern Europe.) College Station: Texas A&M University Press. 2006. 238 p.
20. Snow R.E. The Bolsheviks in Siberia, 1917–1918. Rutherford, Madison, Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press, 1977. 269 p.

REFERENCES

1. Lyubichanovskiy S.V. The State of Government in the Late Imperial Russia as Evaluated by the Anglo-American Historiography in the Second Half of the 19 – Early 20 century. *Izvestiya Samarskogo nauch. tsentra. Ros.Akad.nauk.* 2007, vol. 9, no. 2, pp. 342–347. (In Russ.)
2. Makarov N. The Russian Empire in the First World War: contemporary Anglo-American historiography. *Voprosy istorii.* 2014, no. 5, pp. 36–49. (In Russ.)
3. Watrous S.D. Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819 – 1894: PhD. thesis. University of Washington. Seattle, 1970. 774 p.
4. Hanson G.A. Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker: PhD thesis. University of Wisconsin, 1971. 716 p.
5. Hanson G.A. Siberian Regionalism in the 1860s. *Topic.* 1974, vol. 27, pp. 62–75.
6. Mohrenschildt D., von. Shchapov: Exponent of Regionalism and the Federal School in Russian History. *The Russian Review.* 1978, vol. 37, no. 4 (Oct.), pp. 387–404.

7. *Wachendorf J.* Regionalism, Schism and People as Main Problems of the Russian History as Viewed by A.P.Shchapov. Ph.D. Dissertation. University of Cologne, 1964, 216 p. (in Germ.)
8. *Faust W.* Russia's Golden Land: the Siberian Regionalism in the Second Half of the 19th Century. Cologne, Wien, 1980, 683 p.
9. *Stuch S.* Regionalism in Siberia in the early 20 century. Cologne, 2003, 353 p.
10. *Rainbow D.* Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858–1920. Ph.D. thesis. Department of History, New York University, 2013, 404 p.
11. *Pereira N.G.O.* Regional consciousness in Siberia before and after October 1917. *Canadian Slavonic Papers*. 1988, vol. 30, no. 1, (March), pp. 112–133.
12. *Stolberg E.-M.* Siberia: Russia's "Wild East". Myths and Social Reality in the 19th and 20 Centuries. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009, 420 p.
13. *Wood A.* Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011, 272 p.
14. *Dahlmann D.* Siberia: from the 16th Century to the Present. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2009, 435 p.
15. *Krestyanskoye dvizheniye v Sibiri: 1861–1917, khronika i istoriografiya.* [Peasant Movement in Siberia: 1861–1917. Chronicle and historiography]. Novosibirsk, 1985, 331 p. (In Russ.)
16. *Reichman H.* The 1905 Revolution on the Siberian Railroad. *The Russian Review*. 1988, vol. 47, pp. 25–48.
17. *Wolff D.* Between War and Revolution: Railway Brigades in Siberia, 1905–1907. *Russian History*. 1996, vol. 23, no. 1/4. Labor, Thought and Society in Russia and the Soviet Union: [SPRING–SUMMER–FALL–WINTER], pp. 95–114.
18. *Bushnell J.* Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905-1906. Bloomington: Indian University Press, 1985, 334 p.
19. *Melancon M.* The Lena Goldfields Massacre and the Crisis of the Late Tsarist State. (Eugenia and Hugh M. Stewart 26 Series on Eastern Europe.) College Station: Texas A&M University Press, 2006, 238 p.
20. *Snow R.E.* The Bolsheviks in Siberia, 1917–1918. Rutherford, Madison, Teaneck: Fairleigh Dickinson University Press, 1977, 269 p.

Статья принята
редакцией 4.09.2018

DOI: 10.15372/HSS20180402
УДК 94(571.5)“1850/1917”

Т.А. КИСКИДОСОВА

ЕНИСЕЙСК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННОКОВ

Хакасский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории
РФ, 655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23

В статье дана характеристика мемуаров современников, которые писали или упоминали о городе Енисейске и его жителях во второй половине XIX – начале XX в. Перечислены авторы мемуаров, определен их социально-профессиональный статус. Проанализировано основное содержание мемуарных произведений. Главной темой большинства мемуаров стала золотопромышленность, оказавшая влияние на различные сферы жизни Енисейска. Авторы обращали внимание на нравы местного общества и перспективы развития городской среды. Мемуарные произведения позволяют исследовать разнообразные стороны повседневной жизни сибирского города.

Ключевые слова: Сибирь, город Енисейск, эпоха, мемуары, горожане, события, общественная деятельность, автобиография.

T.A. KISKIDOSOVA

YENISEYSK OF THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES IN CONTEMPORARIES' MEMOIRS

The Khakass Researcher Institute of Language, Literature and History,
23, Shchetinkin str., Abakan, 655017, Russian Federation

The article presents characteristics of contemporaries' memoirs about Yeniseysk and its inhabitants in the second half of the XIX – early XX centuries. It examines not only works dedicated directly to Yeniseysk, but papers, where the town was mentioned. The author defines main types of memoiristics about the town: autobiographies, diaries, memoirs, travel notes; lists main authors of memoirs; determines their social and professional status. Memoires were written by citizens permanently or temporarily living in Yeniseysk or persons passing through it. They were representatives of different estates and various occupations: businessmen, officials, intellectuals and clergy. Many memoir works reflected specific features of Yeniseysk economic development. Practically all the memoirists touched upon the fateful role of the gold industry for the city, and its influencing various spheres of the town life. Often in the writings one can find statements about the negative role of the “gold rush” on the morality of the Yeniseysk citizens. A number of memoirs were local lore essays, where the author's personal life had a secondary role. Their writers focused on the description of geographical features, living conditions, household and morals. The memoirists often touched upon the problems of town improvement, development of education and health care, cultural and social life of citizens. Many of the memoir writers gave a description and assessment of activities of Yeniseysk residents based on their own observations. The authors drew attention to the morals of local society and prospects for the development of the urban environment. Memoir works make it possible to observe different sides of everyday life of the town inhabitants. Studying memoirs will clarify and supplement many issues of the Siberian town history.

Key words: Siberia, Yeniseysk, town, memoirs, citizens.

Для современных исследователей одним из самых востребованных исторических источников являются мемуары. В мемуарных сочинениях содержится ценная информация, они являются важной частью духовного наследия, позволяют передать колорит эпохи.

Мемуары можно рассматривать как произведения, отражающие и специфику эпохи в целом, и ценностные приоритеты авторов [1, с. 305].

К мемуаристике относятся написанные от первого лица воспоминания автора о минувших событиях,

Татьяна Александровна Кискидосова – канд. ист. наук, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, e-mail: tak_74@mail.ru.

Tat'yana A. Kiskidosova – candidate of historical science, Khakass Research Institute of Language, Literature and History.

в которых он принимал непосредственное участие. Во многих произведениях мемуарного характера авторы осознают свою причастность к событиям исторического значения и стремятся зафиксировать и эти события, и участие в них отдельных лиц, и собственную к ним причастность [2, с. 14]. Как правило, мемуаристы представляют события и лично себя в выгодном свете, с расчетом на публику. Следовательно, мемуары субъективны, основаны на личных впечатлениях, создаются с целью закрепления и сохранения личной информации. Для привлечения интереса читателей повествованию придается литературность. Важно отделять мемуаристику от беллетристики, публицистики и деловых документов [2, с. 11].

В современной историографии существует несколько подходов к источникам мемуарного характера. Любая классификация источников личного происхождения требует исключений и уточнений при ее практическом применении. В данной статье используется классификация, предложенная Н.П. Матхановой. К источникам мемуарного характера, или мемуаристике, она относит воспоминания (или собственно мемуары, мемуары в узком смысле слова), автобиографии, путевые записки и дневники. Все они имеют общие признаки: субъективны, основаны на личных впечатлениях, созданы с целью закрепления и сохранения личной информации [3, с. 6]. Сибирскими мемуарами она считает как сочинения постоянных жителей или сибирских уроженцев, так и мемуары временных обитателей сибирского края. К последним относятся произведения даже тех, кто жил в Сибири недолго или был в ней проездом [2, с. 11].

Мемуарные сочинения о Енисейске писали горожане, постоянно или временно проживавшие в Енисейске, а также оказавшиеся в городе проездом. А.И. Кытманов, М.П. Миндаровский и Н.В. Скорняков являлись уроженцами и жителями Енисейска, они прежде всего освещали нужды города, описывали особо значимые события, давали характеристику отдельным личностям и т.д. Мемуаристы В.Д. Скарятин, А.И. Баркова, В.Д. Касьянов, А.Л. Яворский временно проживали в городе и писали свои мемуары позже, основываясь на своих воспоминаниях. Иностранцы Ф. Нансен и Й. Лид оказались проездом в Енисейске. В своих мемуарах о Сибири они уделили внимание и к этому городу, поделились собственными впечатлениями об увиденном.

По мнению А.А. Григорьева, в сибирской мемуаристике авторы в большей степени, чем в других регионах страны, были связаны с золотопромышленностью и торговлей. Особенность социального состава сибирских мемуаристов указывает, по его мнению, на ведущую роль предпринимателей не только в экономической, но и в общественной, и в культурной жизни региона¹. Однако с данным утверждением нельзя согласиться. Мемуары о Енисейске и его жителях оставили

представители разных социальных слоев и различного рода занятий: предприниматели, чиновники, представители интеллигенции и духовенства.

Некоторые авторы мемуаров либо являлись членами купеческой семьи, либо сами занимались предпринимательством. Мемуаристка А.И. Баркова была женой купца и золотопромышленника. В 1849 г. она приехала со своим супругом, выходцем из томского купечества, в Енисейск. Здесь она прожила с семьей десять лет, за это время ее супруг стал крупным сибирским золотопромышленником [4, с. 57]. Выходцем из чиновной среды был В.Д. Скарятин. Он занимался золотопромышленностью и свои воспоминания посвятил искателям золота [3, с. 116].

Протоиерей В.Д. Касьянов происходил из семьи священника. После окончания Иркутской духовной семинарии в 1836 г. его назначили инспектором Енисейского духовного училища. Через шесть лет Василий Дмитриевич получил назначение благочинным в Енисейское духовное правление. В 1857 г. он переехал в Красноярск, стал протоиереем Воскресенского собора².

А.Л. Яворский являлся выходцем из чиновничьей среды, свое детство провел в Енисейске, учился в Енисейской прогимназии. Затем, поскольку семья переехала в Красноярск, обучался в Красноярской гимназии. Окончив ее, учился в Киевском университете на биологическом факультете, а затем вернулся в Красноярск. Здесь его профессиональная деятельность была связана с Красноярским краеведческим музеем и заповедником «Столбы»³. По роду деятельности он являлся сибирским интеллигентом.

К представителям местной интеллигенции можно отнести Н.В. Скорнякова и М.П. Миндаровского. Н.В. Скорняков был выходцем из енисейской купеческой семьи, однако он не стал предпринимателем, а предпочел интеллектуальный род деятельности: работал учителем уездного училища, был одним из основателей Енисейского краеведческого музея, публицистом и литературным критиком [5, с. 55]. М.П. Миндаровский происходил из мещан, по окончании Енисейского уездного училища состоял на службе в казначействе, городском самоуправлении, занимался публицистикой и общественной деятельностью.

Александра Игнатьевича Кытманова по роду его деятельности можно причислить как к деловым кругам, так и к представителям местной интеллигенции. Он был выходцем из купеческой семьи, имел блестящее по тем временам образование – окончил университет в Санкт-Петербурге и получил степень магистра наук. Вернувшись в Енисейск, А.И. Кытманов продолжил семейный бизнес и одновременно стал активно заниматься общественной и научной деятельностью [4, с. 411].

² Касьяновский дом. Музейно-просветительский центр духовной культуры Красноярского района. URL: <http://kasdom.ru/protoierejvasilij-kasyanov/> (дата обращения: 27.11.2017).

³ Яворский Александр Леопольдович // Энциклопедия Красноярского края. URL: <http://my.krskstate.ru/docs/explorers/yavorskiy-aleksandr-leopoldovich/> (дата обращения: 2.02.2018).

¹ Григорьев А.А. Сибирская мемуаристика первой половины XIX века как исторический источник. URL: <http://sib-sibethnos.narod.ru/grigorev1.htm> (дата обращения: 9.08.2017).

Во многих мемуарных произведениях отражена специфика экономического развития Енисейска. Практически все мемуаристы затронули судьбоносную для города роль золотопромышленности. Они писали о том, как добыча золота повлияла на различные сферы жизни города. Нередко в сочинениях можно встретить высказывания о негативном влиянии «золотой лихорадки» на нравственность енисейцев. В воспоминаниях В.Д. Касьянова, Н.В. Скорнякова, А.Л. Яворского, М.П. Миндаровского отражена их личная жизнь, интересы, чувства и субъективное отношение к тем или иным событиям. Мемуары А.И. Барковой, В.Д. Скарятин, А.И. Кытманова носили краеведческий характер, где личной жизни автора отводилась второстепенная роль. Основное внимание они уделяли описанию географических особенностей, условий жизни населения, быта и нравов. Часто авторы затрагивали проблемы благоустройства города, развития образования и здравоохранения, культурной и общественной жизни горожан. Многие из мемуаристов на основе собственных наблюдений давали характеристику и оценку деятельности жителей Енисейска.

В корпусе мемуаристики важную роль играют автобиографии или «воспоминания о жизненном пути автора», в отличие от собственно воспоминаний – «произведений, рассказанных «о времени в целом, исторических событиях или людях». Заметное место в автобиографии отведено, как правило, анализу внутреннего мира автора или внешним событиям его жизни, а исторические события отходят на второй план [3, с. 71–72]. Среди анализируемых мемуаров выделяются неопубликованные автобиографические воспоминания красноярского краеведа А.Л. Яворского. Две дублированные машинописные рукописи воспоминаний о Енисейске в XIX – начале XX в. хранятся в Государственном архиве Красноярского края и Енисейском краеведческом музее. Наряду с автобиографическими сведениями в «Воспоминаниях» значительное внимание отведено описанию быта горожан, нравам и привычкам некоторых енисейцев. Автор привел массу примеров влияния золотопромышленности на жизнь обывателей. Он обратил внимание на то, что с упадком добычи золота горожане сменили сферу деятельности, сконцентрировались на сельском хозяйстве. А.Л. Яворский писал: «енисейский мещанин превратился в крестьянина-хлебороба с его незавидным урожаем, немного в рыбака и совсем немного в промышленника»⁴.

К мемуарам относится и рукопись «Мои воспоминания и записки», подготовленная енисейцем Михаилом Прокопьевичем Миндаровским. Он являлся автором многочисленных статей на разнообразные темы в журналах и газетах. В его мемуарах переплелись автобиографические сведения и дневниковые записи, хотя сам он называл свои воспоминания записками. О своем труде автор писал: «...без предва-

рительной обработки в том самом виде, как диктовала их моя мысль, и предназначались они совсем не для издания, а как материал для истории города, место которому в книгохранилище местного музея»⁵. Рукопись воспоминаний никогда не публиковалась, в настоящее время она хранится в Енисейском краеведческом музее. В ней представлена история Енисейска с 1891 по 1916 г. Автор, основываясь на собственных воспоминаниях, освещает проблемы благоустройства города, культурной жизни, развития образования и др.

Мемуарное сочинение Александры Ивановны Барковой «Воспоминания о сибирской золотопромышленности» представляет собой путевые записки. В 1887 г. она опубликовала «Воспоминания», описав Енисейск 1850-х гг. [6]. А.И. Баркова знакомила читателей со спецификой сибирского быта, подробно характеризовала формы времяпрепровождения и нравы местных жителей. Баркова отметила несоответствие между богатством, роскошью золотопромышленников и убожеством их домов. Невзрачность и отсутствие комфорта жилищ владельцев приисков мемуаристка объясняла их «временным местопребыванием, стремлением быстро обогатиться и покинуть этот край» [6, с. 178].

К путевым запискам относится сочинение В.Д. Скарятин «Заметки золотопромышленника», которое было опубликовано в 1862 г. в Санкт-Петербурге [7]. Основной темой его сочинения является золотопромышленность: добыча золота, роль золотых приисков в жизни местного общества и т.д. Мемуарист обратил внимание на периодическое оживление Енисейска, его зависимость от добычи золота в тайге. «Прииски сильно оживляют городскую жизнь, – писал В.Д. Скарятин, – но оживляют лишь временно, подобно ярмаркам; оживляют лишь осенью и зимой, когда приисковое население не работает...» [7, с. 62].

С XIX в. в сибирских городах получила распространение летописная традиция. Некоторые городские летописи можно отнести к мемуарному жанру – в случае, если они связаны с личными переживаниями автора и основаны на его личных впечатлениях. Подробная информация о городе Енисейске, быте, семейных нравах, обычаях и преданиях горожан представлена в «Краткой летописи Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 гг.», написанной енисейским купцом А.И. Кытмановым. Автор был очевидцем многих лет он скрупулезно собирал материал для данной работы. Начавшаяся в 1880-е гг. работа над рукописью длилась до самой кончины автора в 1911 г. и осталась незаконченной. «Кытмановская летопись» выстроена в хронологическом порядке и является бесценным источником по истории сибирского края. В некрологе А.И. Кытманову, опубликованном в газете «Сибирский край» за 1911 г., указывалось, что автор подготовил свой труд на основе документов

⁴ Яворский А.Л. Енисейск. Воспоминания // Енисейский краеведческий музей (далее – ЕКМ). Л. 1.

⁵ Миндаровский М.П. Мои записки и воспоминания с 1891 по 1916 гг. Енисейск // ЕКМ. Л. 1.

местного архива, фольклорных источников, периодики, воспоминаний, записок и наблюдений. «Кытмановская летопись», написанная «живым языком», отличается интересными сведениями из жизни деловых кругов Енисейска, она составлена на основе не дошедших до нас архивных документов, летописных и фольклорных источников. Исследователь использовал материалы клировых книг Воскресенской, Преображенской, Троицкой и других церквей. Он хотел опубликовать свой труд при жизни, вел переговоры с предпринимателем Г.В. Юдиным и с Красноярским подотделом Русского географического общества⁶. Однако долгие годы «Летопись» оставалась неопубликованной. В 2016 г. монументальный труд, в который вошли указатели, подготовленные Т.М. Григорьевой, Н.Г. Шевченко, Т.Е. Кожухиной и А.Н. Леоненко, был издан в Красноярске [8].

А.И. Кытманов, занимавшийся предпринимательством, был вхож в круги золотопромышленников и торговцев, занимал почетное место среди них. Основываясь на собственных наблюдениях, он подробно описал времяпрепровождение представителей данной группы общества. Значительная часть летописи посвящена проблемам санитарного состояния и благоустройства города, образования, развития культуры и т.д. Автор эмоционально вспоминал о пожаре 1869 г., постарался привести подробные статистические данные стихийного бедствия, проанализировал масштабы потерь. Для исследователей «Летопись» является бесценным источником по истории повседневности сибирского города.

В 2012 г. был опубликован двухтомный труд первого протоиерея кафедрального Богородице-Рождественского собора – просветителя Василия Дмитриевича Касьянова. Особую ценность изданию придают обширные комментарии, подготовленные А.В. Бродневой [9]. Протоиерей Касьянов вел дневниковые записи с 1870 по 1897 г., однако в дневниках приведены и более ранние воспоминания о его юности и начале духовной карьеры в Енисейске. В сочинении дневниковые записи переплелись с летописью и автобиографией. Мемуарист много писал о событиях в своей личной жизни, уделил значительное внимание своей семье и служебной деятельности. В.Д. Касьянов был предельно откровенен с читателями, делился своими волнениями и раскаивался в собственных слабостях. В дневниковых записях раскрывается внутренний душевный мир автора, события в городе переданы через его личностное восприятие. Его пребывание в Енисейске пришлось на время «золотой лихорадки». Об этом периоде он писал: «Торговля процветала, заводилась роскошь, ибо вообще в народе денег было много» [9, с. 15]. В то же время В.Д. Касьянов отмечал, что большие деньги не способствовали обогащению рабочих золотых приисков, так как «почти все заработанные деньги пропивались в Енисейске» [9, с. 14]. Автор делился впечатлениями о местных жителях, оценивал их

деятельность. Интересно, что протоиерей написал и об отношении горожан к нему, указав, что «пользовался известностью, уважением, любовью в городе и приходе» [9, с. 17].

Среди мемуарных источников особое место занимает рукописный дневник Никиты Виссарионовича Скорнякова, который хранится в Городском архиве Енисейска. Он писал воспоминания о своей жизни с 1891 по 1907 г. и назвал свое сочинение «летописью». По мнению Е.В. Комлевой, дневник Н.В. Скорнякова – источник, интересный как для исследования истории сибирского купечества, так и для реконструкции общественной жизни Енисейска второй половины XIX – начала XX в. [5, с. 59].

В дневнике приведены знаменательные события из жизни города, освещены злободневные проблемы енисейского общества. Автор представил унылую картину города второй половины XIX в., где доминировали золотопромышленность, торговля и чиновные дела [5, с. 55]. Мемуарист выразил собственное мнение о некоторых этнических группах, проживавших в Енисейске. Н.В. Скорняков был лично знаком со многими ссыльными поляками. Он считал, что представители польской диаспоры сыграли важную роль в жизни Енисейска, «стали находкой для Сибири». «Энергичные и образованные поляки, – писал мемуарист, – заняли видное место в городе. Занимались ремеслами, ранее не существовавшими в городе, открыли колбасные, кондитерские, переплетные и др.»⁷. Автор явно симпатизировал ссыльным полякам, отмечая их порядочность и полезность для города. Иначе он отзывался о представителях иудейского вероисповедания, выступал за ограничение деятельности ссыльных евреев, а также поддержал запрет выдачи им паспортов «на отлучку»⁸.

Особый интерес представляют упоминания о Енисейске начала XX в. в опубликованных мемуарах иностранных подданных – известного норвежского исследователя Ф. Нансена и норвежского бизнесмена Й. Лида. В 1913 г. они были участниками экспедиции из Норвегии к устью Енисея – через Баренцево и Карское море. На протяжении всего пути Ф. Нансен вел дневниковые записи о поездке в Сибирь. Он опубликовал сочинение-дневник в Норвегии в 1914 г. [10]. Через год дневниковые записи Ф. Нансена были переведены на русский язык. Авторизованный перевод с норвежского языка подготовили известные переводчики А.В. и П.Г. Ганзен. В русском переводе книга вышла под названием «В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море» [11]. В последующие годы книга трижды переиздавалась [12; 13; 14]. В 2012 г. путевой дневник Ф. Нансена с авторским названием «Через Сибирь» в переводе Н.В. Будур был вновь опубликован [15]. Автобиографические воспоминания Й. Лида «За высокими горами» впервые вышли в свет на английском языке в 1943 г. в Лондоне. На

⁶ Сибирский край. 1911. 20 янв.

⁷ Архив города Енисейска. Ф. 6. Оп. 1. Д. 65. Л. 54.

⁸ Там же. Л. 69.

русский язык с норвежского их перевел С.А. Машков, сопоставив с изданием на английском языке [16].

Иностранцы гости побывали в Енисейске осенью 1913 г., они поделились впечатлениями о нем и его жителях. «Если исключить красивые церкви и несколько других крупных зданий, – писал Ф. Нансен, – то Енисейск ничем не отличается от больших сел, встречавшихся нам по Енисею» [13, с. 190]. Автор обратил внимание на размеренность и неторопливость енисейцев. По его мнению, они «могут считать себя счастливыми, что не знают нервной спешки, которой страдает вся Европа. Зато было много одушевления и сердечной теплоты, изливавшейся на нас на все лады, на разных языках» [13, с. 185].

В воспоминаниях норвежского бизнесмена Й. Лида Енисейск выглядел как провинциальный деревянный город, над которым возвышались 30 ветхих, но красивых церквей. Предприниматель увидел аналогию в прямых широких улицах города американским префектам времен Дикого Запада. Для энергичного Й. Лида этот северный город не представил особого интереса. По его мнению, «здесь не существовало никакой напряженности, здесь не ощущался пульс деловой активности, не было никаких намеков на светофоры или светский лоск» [16, с. 83].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. о Енисейске писали или упоминали в своих мемуарах несколько авторов. Несмотря на их различия в происхождении и социально-профессиональном статусе, все они активно интересовались вопросом влияния золотопромышленности на развитие региона. В источниках личного происхождения содержатся ценные сведения о городе и его жителях. Воспоминания наглядно показывают специфику хозяйственной деятельности и нравы енисейцев. Изучение мемуаров о Енисейске позволит уточнить и дополнить многие вопросы по истории сибирского города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакулина С.Д. Сибирская действительность в источниках мемуарного характера XIX в. // Вестник Омск. ун-та. 2012. № 1. С. 305–308.
2. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика первой половины XIX века как социокультурный феномен // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 3. С. 11–15.
3. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
4. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск: Академическое изд-во «ГЕО», 2012. Т. I. 450 с.
5. Комлева Е.В. Енисейское купечество второй половины XIX – начала XX века глазами современников: дневник Н. В. Скорнякова // Вестник НГУ. 2012. № 1. С. 55–59.
6. Баркова А.И. Воспоминания о сибирской золотопромышленности // Сибирский сборник. 1887. Приложение к «Восточному обозрению». СПб., 1887. С. 168–185.
7. Скарятин В.Д. Заметки золотопромышленника. СПб., 1862. 166 с.
8. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Турукханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Красноярск: Изд-во СФУ, 2016. 888 с.

9. Протоиерей В.Д. Касьянов. Из дневников 1870–1897 гг. Красноярск: Изд. дом «Восточная Сибирь», 2012. Кн. 1. 704 с.; Кн. 2. 624 с.

10. Nansen F. Gjennem Sibirien. Kristiana: Jacob Dybwads forlag, 1914. 386 s.

11. Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг., 1915. 456 с.

12. Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1969. 304 с.

13. Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1982. 336 с.

14. Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Красноярск: Тренд, 2009. 455 с.

15. Нансен Ф. Через Сибирь М.: Игра слов, 2012. 304 с.

16. Лид Й. Сибирь – странная ностальгия. Автобиография. М.: Весь мир, 2009. 304 с.

REFERENCES

1. Bakulina S.D. Siberian reality in the memoir sources of the XIX century. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2012, no. 1, pp. 305–308. (In Russ.)
2. Matkhanova N.P. Siberian memoirs of the first half of the XIX century as a social and cultural phenomenon. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2005, no. 3, pp. 11–15. (In Russ.)
3. Matkhanova N.P. Siberian memoirs of the XIX century. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2010, 551 p. (In Russ.)
4. An encyclopedic dictionary on the history of the merchant class and trade in Siberia. Novosibirsk, GEO, 2012, vol. 1, 450 p. (In Russ.)
5. Komleva E.V. Yeniseysk merchantry in the second half of the XIX century through the eyes of the contemporaries: N.V. Skornyakov's dairies. *Vestnik Novosibirskogo universiteta*. 2012, no. 1, pp. 55–59. (In Russ.)
6. Barkova A.I. Memories of the Siberian gold industry. *Sibirskiy sbornik*. 1887. Prilozhenie k "Vostochnomu obozreniyu". Saint Petersburg, 1887, pp. 168–185. (In Russ.)
7. Skaryatin V.D. Notes of a gold miner. Saint Petersburg, 1862, 166 p. (In Russ.)
8. Kytmanov A.I. A short chronicle of the Yeniseysk district and Turukhansk region of the Yeniseysk province. 1594–1893. Krasnoyarsk, Izd-vo SFU, 2016, 888 p. (In Russ.)
9. Kasyanov V.D. (archpriest). From the diaries of 1870–1897. Krasnoyarsk, Vost. Sibir', 2012, vol. 1, 704 p.; vol. 2, 624 p. (In Russ.)
10. Nansen F. Gjennem Sibirien. Kristiana, 1914, 386 p. (In Norw.)
11. Nansen F. To the country of future. The Great Northern route from Europe to Siberia through the Kara Sea. Petrograd, 1915, 456 p. (In Russ.)
12. Nansen F. To the country of future. The Great Northern route from Europe to Siberia through the Kara Sea. Magadan, Magadan. kn. izd-vo, 1969, 304 p. (In Russ.)
13. Nansen F. To the country of future. The Great Northern route from Europe to Siberia through the Kara Sea. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk. kn. izd-vo, 1982, 336 p. (In Russ.)
14. Nansen F. To the country of future. The Great Northern route from Europe to Siberia through the Kara Sea. Krasnoyarsk, Trend, 2009, 455 p. (In Russ.)
15. Nansen F. Through Siberia. Moscow, Igra slov, 2012, 304 p. (In Russ.)
16. Lid J. Siberia – a strange nostalgia. Autobiography. Moscow, Ves' mir, 2009, 304 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 16.07.2018

DOI: 10.15372/HSS20180403
УДК 94 (571.1/.5)“1890/1917”

Д. Н. БЕЛЯНИН

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЦЕРКОВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПОСЕЛКАХ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Кузбасский государственный
технический университет им. Т.Ф. Горбачева
РФ, 650000, Кемерово, ул. Весенняя, 28

В статье исследуются направления и характер государственной политики в области церковного строительства в колонизуемых районах Сибири в конце XIX – начале XX в. На основе фактического материала рассмотрены основные правительственные мероприятия в области церковного строительства в переселенческих поселках. Исследуются характер, направленность и масштабы государственной помощи крестьянам-переселенцам в колонизуемых районах Азиатской России. Доказывается, что государственная помощь новоселам носила социальный характер, а церковное строительство являлось важным механизмом адаптации переселенцев в колонизуемых регионах. Отмечено, что переселенцы сами проявляли инициативу в вопросах строительства церквей и храмов в своих поселках, таким образом, государственная политика в этой сфере объективно совпадала с интересами новоселов. Сделан вывод, что правительственная политика в области церковного строительства являлась гибкой, была ориентирована на помощь переселенцам различных религиозных конфессий, включая католиков, лютеран и даже старообрядцев. Статья написана на основе широкого круга источников, часть которых впервые введена в научный оборот.

Ключевые слова: переселенческая политика, Сибирь, Азиатская Россия, церковное строительство, государственная помощь, крестьянские переселения, аграрная колонизация.

D.N. BELYANIN

STATE POLICY IN THE SPHERE OF CHURCH CONSTRUCTION IN THE RESETTLEMENT VILLAGES OF SIBERIA IN THE XIX–XX CENTURIES

Kuzbass State Technical University. T.F. Gorbachev
28 Vesennyya Str., Kemerovo, 650000, Russian Federation

The study objective is to analyze the state policy in the field of church construction in the resettlement villages of Siberia in the regions of intensive peasant colonization. The study object is the nature, direction and mechanisms to implement government assistance to new settlers in satisfying their spiritual needs. The state activities in the sphere of church construction are considered in the context of socio-cultural and civilizational approaches. It allowed revealing the social significance of the church in the social life of peasant migrants. The institutional approach elements were used as scientific tools, – which allow considering the church not only as an instrument of ideology, but as an institution socially significant for the peasants and playing an important role in their daily life. Church construction is regarded as an important mechanism to adapt settlers in the colonized areas. The use of archival documents made it possible to prove that the initiators of churches and temples building were often peasant migrants themselves. The analysis of the state aid mechanisms in the sphere of church construction showed that during the period of the Siberian Railway Committee's activity, the church construction in resettlement villages of Siberia was financed through charitable donations and departmental sources. During Stolypin's reforms, the churches' construction was carried out at the expense of the Synod and budgetary funds in the form of loans, which in 1913 were turned into non-repayable benefits. The archival materials analysis led to the conclusion that the state was not only concerned about immigrants of the Orthodox religion. Under the law on loans, funds were given to construct churches, quail houses and temples for Catholic immigrants, Lutherans and Old Believers as well. The author concludes about the state policy's flexibility in satisfying spiritual needs of new settlers. The main scientific result of the work is the conclusion about the social character of government assistance to immigrant peasants in the field of church construction in Siberia at the turn of the XIX–XX centuries.

Keywords: migration policy, Siberia, Asian Russia, church construction, state aid, peasant resettlement, agrarian colonization.

Дмитрий Николаевич Белянин – д-р ист. наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет, e-mail: bdn73@list.ru.

Dmitry N. Belyanin – doctor of historical sciences, associate professor, Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University.

В 1890-х гг. в период массовых крестьянских переселений в Сибирь начинается освоение малообжитых районов. Переселенцы заселяют местности, где почти не было социально-экономической инфраструктуры, и для их адаптации необходимо было создавать учреждения, обеспечивавшие привычный для них образ жизни. Одними из самых значимых таких учреждений были церкви и храмы. Если в губерниях Европейской России РПЦ имела развитую структуру, а церкви были во многих селениях, то в Сибири новоселы нередко попадали в местности, удаленные от ближайшей церкви на 100 верст и более. Это не могло не создавать дискомфорт в повседневной жизни переселенцев, привыкших в губерниях выхода к активной религиозной деятельности. Трудности в организации церковного быта становились барьером, снижавшим возможности новоселов адаптироваться на новых местах [1, с. 287, 289]. Недостаток храмов и невозможность удовлетворения духовных нужд нередко были причинами обратных переселений¹.

Церковь на рубеже XIX–XX вв. играла заметную роль в повседневной жизни крестьян (венчание, отпевание, крещение новорожденных и т.п.), поэтому вопрос о строительстве церкви на новом месте проживания рассматривался новоселами как важнейший фактор для создания нормальных условий быта. Церковь также выполняла многие социально значимые функции: была активно вовлечена в санитарно-просветительную деятельность, занималась вопросами оспопрививания, устройством больниц, аптек, богаделен, приютов для сирот, лазаретов для раненых и выздоравливающих солдат, осуществляла проведение медико-санитарных мероприятий во время эпидемий, занималась борьбой с пьянством и благотворительной деятельностью [2, с. 60, 63–64]. Поэтому вопрос о церковном строительстве в колонизируемых районах имел социальное значение.

Однако в правительстве не сразу осознали важность помощи новоселам в вопросе церковного строительства. Нам не известны факты строительства храмов в переселенческих поселках с помощью государственных средств до 1890-х гг., но известно, что в 1883 г. был решен вопрос о привлечении благотворительных организаций к церковному строительству². В период деятельности Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД) в связи с массовыми крестьянскими переселениями за Урал вопрос о церковном строительстве в переселенческих поселках приобрел еще большую актуальность. Для решения вопроса о строительстве церкви в районах интенсивной крестьянской колонизации в 1894 г. при КСЖД был создан благотворительный фонд им. Александра III. Фонд формировался из частных пожертвований и из государственного бюджета. Среди частных жертвователей были представители

самых разных социальных групп – купцы, священники, дворяне и даже крестьяне. Иногда благотворители жертвовали значительные суммы анонимно: в 1898 г. неизвестными было пожертвовано 42 тыс. руб. на строительство в Сибири 10 церквей. На эти средства к началу 1901 г. были построены и освящены церкви в поселках Ивановском и Куликовском (Мариинский уезд)³. В качестве жертвователей могли выступать и чиновники. Иногда пожертвования имели целевой характер – на строительство церкви в конкретном селении. Так, в марте 1898 г. были сделаны пожертвования в размере 4,5 тыс. руб. на строительство церквей в трех поселках Мариинского и Каинского округов⁴.

В 1892–1893 гг. в фонд поступило 1 653 443 руб., в том числе 378 781 руб. от КСЖД и 396 475 руб. – от предпринимателей. За этот период на деньги фонда было построено 190 церквей [3, с. 182]. К 1 января 1897 г. за счет частных пожертвований строилось 55 церквей в поселках по линии Сибирской железной дороги⁵. В переселенческих поселках Акмолинской области на средства фонда к 1903 г. было построено 49 церквей [4, с. 324–325].

При всей значимости деятельности фонда следует отметить, что финансирование церковного строительства осуществлялось медленнее, чем возникали новые переселенческие поселки. Так, к 1904 г. на средства фонда им. Александра III было построено всего 214 церквей по всей Сибири. При этом к весне 1904 г. из 400 переселенческих поселков Тобольской губернии церкви были построены только в 26. В 18 переселенческих поселках Туринского уезда вообще не было ни одной церкви [5, с. 16–17]. Частная благотворительность не могла полностью решить такую масштабную задачу постройки церквей в колонизируемых районах Западной Сибири. Требовалось привлечение государственных источников финансирования.

Хуже обстояло дело со строительством церквей на кабинетских землях Алтайского округа. КСЖД не распространял свою деятельность на этот район Сибири. Поэтому функцию помощи новоселам в деле церковного строительства взял на себя Кабинет. Помощь осуществлялась выдачей лесных материалов и денег. Так, на постройку церквей в 10 переселенческих поселках на рубеже XIX–XX вв. кабинетская администрация выделила по 2 тыс. руб. на каждую. Этих средств не хватало для полного обустройства храма, так как постройка церкви с полной отделкой и всей утварью и внутренним убранством обходилась не менее 5 тыс. руб., а то и 10 тыс. руб. Поэтому к ассигнованиям со стороны Кабинета переселенцы должны были добавлять собственные деньги или обращаться к частной благотворительности⁶.

³ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 13. Л. 7–8 об.; Д. 14. Л. 8, 49; Ф. 560. Оп. 27. Д. 77. Л. 6 об., 7 об., 11.

⁴ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 239. Оп. 1. Д. 7. Л. 17–17 об.

⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 77. Л. 3 об.

⁶ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 224. Л. 34–37 об.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1273. Оп. 1. Д. 49. Л. 93; Сибирские переселения: документы и материалы. Новосибирск, 2003. Вып. 1. С. 108–111.

² РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 77. Л. 2 об.

В начале XX в. правительством было решено, что государство должно участвовать в церковном строительстве, помогая переселенческим обществам выдачей ссуд. 15 июня 1902 г. были утверждены правила о выдаче ссуд на общепользные надобности. Право выдачи ссуд до 300 руб. имели областные или губернские по крестьянским делам учреждения, ссуды большего размера должны были отпускаться с разрешения МВД. Ссуды носили беспроцентный характер, их возврат предполагался через год после получения в течение десяти лет равными частями. В особых случаях возврат ссуд мог быть рассрочен на 20 лет⁷.

В правительстве понимали, что экономическое благосостояние многих переселенцев в первые несколько лет после водворения в Сибири было далеко от оптимального. Поэтому наиболее нуждавшимся переселенческим поселкам помощь оказывалась в виде безвозвратных пособий. Так, в 1903 г. было выделено до 50 тыс. руб. на выдачу в виде безвозвратных пособий на общепользные надобности⁸. Ссуды на общепользные нужды и безвозвратные пособия должны были стать основным источником финансирования церковного строительства в колонизируемых районах в начале XX в. Однако масштабы государственных ассигнований на эти нужды в 1903–1908 гг. не соответствовали фактическим потребностям. Так, на 1908 г. в Томском переселенческом районе были поданы ходатайства на выдачу общепользных ссуд (на все нужды) на общую сумму около 300 тыс. руб. Заведующий районом при составлении сметы сократил указанную сумму до 100 тыс. руб.⁹. А фактически выделенная сумма составила всего 41 677 руб.¹⁰ В результате в январе–сентябре 1908 г. в Томской губернии переселенческие общества получили 17 ссуд на общепользные цели на сумму 8 650 руб., но из этой суммы лишь одна ссуда в 300 руб. предназначалась для постройки молитвенного дома¹¹. Такой подход, конечно, не способствовал быстрому развитию социальной инфраструктуры в колонизируемых районах и скорой адаптации новоселов. По оценке заведующего Томским районом, до 1909 г. помощь новоселам в плане церковного строительства носила стихийный характер¹².

19 апреля 1909 г. вышел новый закон о ссудах на общепользные нужды. Такие ссуды должны были выдаваться на строительство общественно значимых сооружений, в числе которых были и церкви. Общепользные ссуды предполагалось выдавать сельским обществам, товариществам либо отдельным лицам по ходатайству и поручительству обществ и товариществ. Ссуды, как и ранее, были беспроцентными, их возврат

предполагался на следующий после получения год в течение десяти лет. В особых случаях выплата ссуд могла быть рассрочена до 20 лет, разрешались отсрочки и по отдельным взносам¹³.

Ссуды на строительство церквей занимали довольно значительную долю в общей массе общепользных ссуд. Так, по смете на 1911 г. в Томском районе предполагалось выделить в виде ссуд на общепользные надобности – для школьного строительства 150 тыс. руб., на сооружение кузниц, мельниц, хлебозапасных магазинов – 100 тыс. руб. и 50 тыс. на церковное строительство¹⁴. Фактически же в 1908–1911 гг. в Томском районе было выдано в виде ссуд на общепользные надобности 174 474 руб. на строительство школ, 125 374,73 руб. – на строительство хлебозапасных магазинов, мельниц, кузниц и пр. и 122 136,82 руб. – на церковное строительство¹⁵. В 1916 г. из 984 145 руб., ассигнованных на выдачу общепользных ссуд во всех районах Азиатской России, на нужды церковного строительства было предназначено 399 843 руб. (40,6 % от ассигнований на общепользные надобности в этом году)¹⁶.

Схема выдачи ссуды чаще всего была следующей: переселенцы на сельском сходе составляли приговор о ходатайстве на ссуду¹⁷, этот приговор потом рассматривался в общем присутствии губернского управления. Местный крестьянский начальник присылал в общее присутствие заключение о целесообразности выдачи ссуды. Если от него была положительная рекомендация, то общее присутствие учитывало это мнение, и далее все сопровождающие документы отправлялись в столицу для окончательного решения вопроса о выдаче ссуды центральными структурами Переселенческого управления. Такой сложный порядок был излишне бюрократизирован. Однако эта схема предполагала, что ссуды будут выдаваться действительно нуждающимся, что было немаловажно в условиях ограниченности бюджета.

Важно отметить, что описанный порядок выдачи ссуд предполагал инициативу самих переселенцев, а не государственное давление. Вопрос о строительстве храмов и церквей инициировался крестьянами через сельские сходы. Государственная политика сводилась лишь к помощи переселенцам.

Заметим также, что финансирование церковного строительства за счет ссуд предполагало, что именно переселенцы в конечном итоге должны будут оплачивать постройку культовых сооружений. Поскольку уровень экономического благосостояния переселяющихся за Урал в период столыпинских переселений снизился, было очевидно, что не все новоселы в состо-

⁷ Инструкция о порядке водворения и устройства переселенцев в Сибири (кроме Алтайского округа) и Степном генерал-губернаторстве. СПб., 1902. С. 35–36.

⁸ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 49. Л. 24.

⁹ ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 461. Л. 83.

¹⁰ Там же. Д. 545. Л. 97.

¹¹ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 24.

¹² ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 56. Л. 48об.

¹³ Сибирские переселения: документы и материалы. Новосибирск, 2003. Вып. 1. С. 80–82.

¹⁴ ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 568. Л. 40.

¹⁵ Там же. Д. 615. Л. 53.

¹⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 44 об.–45 (проценты подсчитаны мной. – Д.Б.).

¹⁷ См.: ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 14. Л. 9; Д. 28. Л. 4–6 об.; Д. 51. Л. 3–4; Д. 77. Л. 6–7 об.; Д. 103. Л. 2–2 об. и др.

янии выплачивать ссуду. Поэтому государство продолжило политику выдачи денег наиболее нуждавшимся новоселам в виде безвозвратных пособий. Так, в Акмолинской области в 1910 г. из 106 568,06 руб., выданных на общепользные надобности, 33 850 руб. относились к числу безвозвратных пособий. Часть указанной суммы была выделена на строительство 4 причтовых домов, молитвенного дома и церкви¹⁸.

В 1913 г. по случаю 300-летия царствования Романовых был издан манифест, по которому ссуды, выданные до 21 февраля 1913 г. переселенческим обществам на общепользные надобности (на все нужды), были обращены в безвозвратные пособия¹⁹. Всего по Сибири таких обращенных в безвозвратное пособие ссуд на общепользные нужды было около 3,5 млн руб. Общая сумма снятых с переселенцев ссудных долгов составила около 30 млн руб.²⁰ Значимость этого решения для поддержки неокрепших переселенческих хозяйств трудно переоценить. Поскольку часть ссуд выдавалась изначально в виде безвозвратных пособий, а остальные были превращены в безвозвратные пособия с 1913 г., то можно сделать вывод о социальном характере правительственной помощи переселенцам в начале XX в. в сфере церковного строительства.

Бюджет Переселенческого управления был ограничен и не позволял полностью удовлетворять все ходатайства новоселов, поэтому для финансирования церковного строительства решено было привлечь Святейший синод. В 1908 г. для строительства церквей в губерниях Западной Сибири были учреждены епархиальные комитеты²¹. В результате Синод стал осуществлять финансирование параллельно с Переселенческим управлением. Так, в 1911 г. из средств Синода на указанные нужды было выделено 58 тыс. руб.²², в 1912 г. – 335 998 руб., а 1913 г. Синод ассигновал 354 700 руб. Всего за счет выделенных Переселенческим управлением и Синодом средств в 1909–1910 гг. была обеспечена постройка 95 церквей, 25 молитвенных и 81 причтового дома. В 1912 г. за счет всех ассигнованных средств (включая благотворительность) возводилось 55 церквей, 33 молитвенных дома, 141 причтовый дом. В 1913 г. строилось 195 причтовых домов, 169 церквей, 67 молитвенных домов²³.

Несмотря на заметное увеличение масштабов финансирования церковного строительства, с 1909 г. пол-

ностью удовлетворить нужды новоселов в этой сфере к 1914 г. не удалось. С началом Первой мировой войны ассигнования на выдачу общепользных ссуд подверглись существенному сокращению. В 1915–1916 гг. нередко следовали отказы в выдаче ссуд со ссылкой на обстоятельства военного времени²⁴. Однако и в такой сложный период правительство не забывало о необходимости строительства церквей. Причем количество средств, выдававшихся в форме ссуд, сократилось, а основная часть ассигнований на общепользные нужды стала выдаваться в виде безвозвратных пособий. Так, в Томском районе в 1915 г. на церковно-школьное строительство было выдано 11 560 руб., а в счет безвозвратных пособий на те же нужды – 125 482,28 руб.²⁵ Эти данные позволяют утверждать, что даже в очень непростое для страны время правительственная помощь на нужды церковного строительства продолжала носить социальный характер. В 1916 г. во всех переселенческих районах была обеспечена постройка 155 церквей, молитвенных и причтовых домов²⁶. На 1917 г. по смете Томского района запрашивался кредит в 106 270 руб., часть этих средств должна была пойти на постройку и содержание церквей и молитвенных домов. Предполагалось, в частности, построить церкви в поселках Орловка, Казанский и Крутихинский (Каинский уезд)²⁷.

Хотя в потоке переселенцев подавляющее большинство составляли православные, а представителей иных конфессий было немного, тем не менее, государство не забывало и о нуждах неправославных новоселов, выделяло средства на удовлетворение религиозных нужд представителей иных конфессий [6, с. 237–238]. Опубликованы прошения польских переселенцев о ссудах на постройку костелов [7, с. 39], и правительство на такие просьбы отвечало положительно. Причем были случаи выдачи и безвозвратных пособий. В 1912 г. Переселенческое управление ассигновало 500 руб. на оплату разъездов католических священников в Тобольском районе для исполнения религиозных обрядов, еще 6 тыс. руб. было отпущено на выдачу безвозвратного пособия для постройки костела в Пальменской волости (Туринский уезд)²⁸. В 1910–1912 гг. в Енисейском, Томском и Иркутском районах было построено 7 костелов [8, с. 240]. В 1914 г. на содержание разъездных католических причтов было выделено 980 руб. 73 коп. в виде безвозвратных пособий. Хотя ввиду начала войны кредиты на общепользные надобности подверглись общему сокращению, но на содержание разъездных католических причтов сумма была выделена в запланированном объеме²⁹.

Об отношении государства к духовным нуждам неправославных переселенцев свидетельству-

¹⁸ Обзор Акмолинской области за 1910 г. Омск, 1911. С. 30.

¹⁹ Государственное учреждение Томской области Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГАТ). Ф. И-580. Оп. 1. Д. 5. Л. 125–125 об.; Ф. И-348. Оп. 1. Д. 47а. Л. 38–38 об.

²⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 350. Л. 55 об., 56 об., 219, 222, 287, 288.

²¹ ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 56. Л. 48 об.

²² Там же. Л. 54; Обзор Акмолинской области за 1910 год. Омск, 1911. С. 30.

²³ Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. Отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. СПб., 1911. С. 39–40; Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. СПб., 1913. С. 7; Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 г. Пг., 1914. С. XI.

²⁴ ГАТО. Ф. 239. Оп. 9. Д. 53. Л. 6, 8, 13; Д. 57. Л. 1, 7.

²⁵ Там же. Д. 70. Л. 15–15 об.

²⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 76. Л. 6.

²⁷ ГАТО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 129. Л. 84–86, 98.

²⁸ ГУТО ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 622. Л. 14.

²⁹ ГАТО. Ф. 239. Оп. 9. Д. 63. Л. 2.

ет пример с просьбой переселенцев-католиков пяти поселков (Малиновского, Маличевского, Мадоги, Петропавловского и Полозовского) о ссуде на строительство костела. По заключению заведующего Тотош-Шегарским подрайоном, эти переселенцы для строительства храма отдали все, что могли. Далее чиновник рекомендовал выдать переселенцам запрашиваемую ссуду, мотивируя тем, что новоселы хотя и бедны, но отличались трудолюбием. Фактически переселенцы этих поселков ссуду получили дважды: в первый раз 3 тыс. руб. в 1908 г. – в виде безвозвратного пособия, а вторично их ходатайство о ссуде в 4 600 руб. было поддержано решением Общего присутствия Томского губернского управления 4 марта 1911 г.³⁰ Сохранились документы, свидетельствующие о практике выдачи ссуд на строительство храмов и культовых сооружений для переселенцев-лютеран и даже старообрядцев³¹.

Правительственная политика в вопросе церковного строительства в колонизируемых районах носила гибкий характер, учитывала интересы не только православных крестьян, составлявших ядро переселенческого движения, но и интересы крестьян иных конфессий. Причем политика церковного строительства в неправославных переселенческих поселках также имела социальную направленность, новоселы неправославных конфессий получали безвозвратные пособия наравне с православными.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Правительственная политика в области финансирования нужд церковного строительства в переселенческих поселках Сибири объективно отвечала интересам новоселов, так как способствовала ускорению их адаптации на новых местах. Инициатором строительства церковей было крестьянство, а государство и частная благотворительность выступали в роли источников финансирования.

2. Правительственная помощь переселенцам в деле церковного строительства носила социальный характер. Государство учитывало, что для многих новоселов выплаты по ссудным долгам были тяжким бременем, поэтому часть средств изначально выдавалась в виде безвозвратных пособий, а все ссуды на постройку церковей и храмов, полученные переселенцами до 21 февраля 1913 г., были в итоге превращены в безвозвратные пособия.

3. Государство не только учитывало религиозные потребности православных переселенцев, но и финансировало постройку церковей, костелов и молитвенных домов в поселках, где проживали переселенцы иных конфессий. Неправославным переселенцам на общих основаниях с остальными переселенцами выдавались и ссуды, и безвозвратные пособия на постройку церковей и храмов. Это дает основание для утверждения,

что правительственная политика в вопросе церковного строительства в колонизируемых районах носила гибкий характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуркин М.К. Переселения крестьян Черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006. 376 с.
2. Зверев В.А., Караваева Е.В. Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1. С. 59–64.
3. Ноздрин Г.А. Ведомственная благотворительность в Сибири в XIX – начале XX в. (опыт взаимодействия государства и общества) // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири XVI–XXI вв.: материалы VI Всерос. науч. конф. Новосибирск, 2006. С. 179–183.
4. Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903. VII, II, 451 с.
5. Батурина Т. В. Русская православная церковь и крестьянские переселения в Сибирь на рубеже XIX–XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 1999. 26 с.
6. Белянин Д.Н. Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 314 с.
7. Островский Л.К. Польские крестьяне в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 38–40.
8. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. VIII, 306 с.

REFERENCES

1. Churkin M.K. Peasants resettling from the Black Earth Center of European Russia to West Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries: determining factors of migration mobility and adaptation. Omsk, 2006, 376 p. (In Russ.)
2. Zverev V.A., Karavaeva E.V. Sanitary-educational and medical activities of the Russian Orthodox church in the Tomsk province in the second half of the XIX – early XX centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2012, no. 1, pp. 59–64. (In Russ.)
3. Nozdrin G.A. The departmental charity in Siberia in the XIX – early XX centuries (the experience of the state and society interaction). *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri XVI–XXI vv.: materialy VI Vseros. nauch. konf.* Novosibirsk, 2006, pp. 179–183. (In Russ.)
4. Sabler S.V., Sosnovskiy I.V. Siberian railway in its past and present. Saint Petersburg, 1903. VII, II, 451 p. (In Russ.)
5. Baturina T.V. Russian Orthodox church and peasant resettlement to Siberia at the turn of the XIX–XX centuries: dis. abstr. Novosibirsk, 1999, 26 p. (In Russ.)
6. Belyanin D.N. Stolypin's migration policy in Tomsk province (1906–1914): dissertation. Kemerovo, 2003, 314 p. (In Russ.)
7. Ostrovskiy L.K. Polish peasants in Siberia at the turn of the XIX – XX centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2009, no. 2, pp. 38–40. (In Russ.)
8. Glinka G.V., Tkhrzhevskiy I.I. (eds.) Asian Russia. 1914, vol. 1. People and orders beyond the Urals. Saint Petersburg, VIII, 306 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 14.09.2018

³⁰ ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 19. Л. 1–3, 4–7об.; Д. 114. Л. 1–1об., 10–10об.

³¹ Там же. Оп. 9. Д. 5. Л. 8–8об., 19–19об.

DOI: 10.15372/HSS20180404
УДК 94(470.55)“1917/1918”

П. Ф. НАЗЫРОВ

**ОТ ОКРУГА К ГУБЕРНИИ:
ФОРМИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЦЕНТРА В ЧЕЛЯБИНСКЕ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1919 гг.)**

Челябинский государственный университет,
РФ, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

В статье рассматривается история создания летом 1918 г. Челябинского округа Временного Сибирского правительства, включившего в свой состав значительные территории Оренбургской, Уфимской и Пермской губерний. Показана несостоятельность мнения о чисто «военном» вхождении этого района под юрисдикцию сибирских властей, которое на самом деле явилось результатом более широкого и сложного взаимодействия различных политических сил и военных кругов меньшевистского лагеря. Охарактеризован процесс создания окружных структур и их частичный демонтаж после колчаковского переворота. Показано, что формирование в 1918–1919 гг. сильного административного центра в Челябинске стало важнейшей предпосылкой организации Челябинской губернии (1919–1923 гг.) – предшественницы современной Челябинской области России.

Ключевые слова: гражданская война, административно-территориальное устройство, Чехословацкий корпус, Временное Сибирское правительство, Челябинский округ, Челябинская губерния, Челябинская область.

P.F. NAZYROV

**FROM A DISTRICT TO A PROVINCE:
FORMING A NEW ADMINISTRATIVE CENTER IN CHELYABINSK DURING
THE CIVIL WAR (1918–1919)**

Chelyabinsk State University,
129, Bratiev Kashirinykh str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation

The article shows that the political instability and military confrontation during the Civil War in Russia contributed to destruction of an old administrative territorial system and emerging a new multi-level one, from regional “governments” to new “oblast” and “guberniya” (province) units. In the context of the crisis, the nature of political interactions of individual territories was spontaneous, but it was often based on the pre-revolutionary framework of regional socio-economic relations. The paper considers the history of creating Chelyabinsk district by the Temporary Siberian Government, which included large parts of Orenburg, Ufa and Perm provinces occupied by the Czechs and the local anti-Bolshevik rebels in summer of 1918. It shows the inconsistency of a view on the “military” nature of entering this area under the Siberian authorities’ jurisdiction, which in fact was the result of a wider and more complex interaction of various political forces and military circles of the non-Bolshevik camp, and was approved by the decisions of congresses with participating representatives of the peasantry, Cossacks and other population groups. The author reveals a significant role of the district government of prominent right-wing socialists in the political life of the East of Russia in summer and autumn of 1918; characterizes the process of forming district structures and their partial destruction after Kolchak’s coup d’etat, as well as the relationships between the civilian, military and Cossack authorities in South Ural and Transurals. The emergence of a strong political center in Chelyabinsk in 1918–1919 led to organizing Chelyabinsk gubernia (1919–1923), which is now known as Chelyabinsk oblast of Russia.

Key words: Civil War in Russia (1918–1922), administrative territorial structure, Czechoslovak Legion, Temporary Siberian Government, Chelyabinsk district (okrug), Chelyabinsk province (guberniya), Chelyabinsk region (oblast).

Павел Флорович Назыров – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет, e-mail: pfnazyrov@mail.ru.

Pavel F. Nazyrov – candidate of historical sciences, docent of the Department of History of Russia and Foreign Countries Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University.

История пишется современниками для современников. Не претендующая на оригинальность, эта мысль подчеркивает преобладание современного взгляда на положение дел даже там, где, казалось бы, должен господствовать исторический. В полной мере это относится и к географической привязке исторических процессов и событий, случившихся в том или ином регионе – «в Сибири», «на Урале» и т. д. Исследователь редко задумывается над условностью и подвижностью – особенно в период социальных потрясений – естественных для него сегодня пространственных характеристик изучаемых явлений, степени их адекватности событиям и внутренним связям рассматриваемого времени, самому характеру политического взаимодействия, носившего в кризисные эпохи спонтанный характер.

Сказанное относится и к политической географии востока России в годы гражданской войны. Выступление Чехословацкого корпуса и развернувшееся повстанческое движение способствовали регионализации политической жизни и формированию ряда областных «правительств», ставших центрами консолидации антибольшевистского лагеря. Для обширных территорий Южного Урала и Зауралья (в терминах того времени – «Восточного Приуралья») таким центром притяжения и легитимации новой власти стало Временное Сибирское правительство. Политико-административное положение этих территорий, находившихся на урало-сибирском пограничье и ставших самым западным форпостом «белой Сибири», и является главным предметом анализа в данной статье.

В силу ряда причин интересующий нас аспект не получил освещения в обобщающих исследованиях, посвященных административно-территориальному устройству урало-сибирского региона, и весьма кратко рассмотрен в специальных работах по политической истории и «государственному строительству» в годы гражданской войны [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Исключением стали несколько небольших публикаций тезисного или краеведческого характера, оставшихся, как правило, неизвестными широкому кругу исследователей (см., напр., [8]).

За свою почти трехсотлетнюю историю Челябинск неоднократно играл роль региональной столицы. Основанный как крепость в 1736 г. в ходе Оренбургской экспедиции, он вскоре стал центром Исетской провинции, простиравшейся от верховьев Яика до Чусовой, Исети и Тобола. И позднее, с созданием Челябинского уезда (1781–1782 гг.), этот район сохранял обособленное положение, оставаясь, по замечанию современников, «чисто сибирским» по своим основным социально-экономическим характеристикам и связям.

Строительство Транссиба, соединившего губернии Урала и Сибири с Европейской Россией, развитие сельского хозяйства и увеличение вывоза хлеба и масла, развернувшееся в начале XX в. переселенческое движение вновь выдвинули Челябинск в качестве одного из основных центров «Восточного Приуралья». Политико-административное значение

города было подчеркнуто созданием здесь в годы Первой русской революции временного Челябинского генерал-губернаторства (1905–1908) и уездного с правами губернского жандармского управления. Его экономическое значение усилилось в годы Первой мировой войны с созданием губернского продовольственного объединения, включившего в свой состав продовольственные организации нескольких уездов Оренбургской, Тобольской губерний, а также Тургайской области.

В условиях развернувшегося к осени 1917 г. кризиса, а затем вооруженной борьбы на территории Оренбургского казачьего войска с так называемой «дутовщиной» политическое значение Челябинска – опорного пункта советских сил – еще более возросло. С укреплением советской власти весной 1918 г. было положено начало административной перекройке края вокруг Уральского областного объединения Советов с центром в Екатеринбурге, однако, к началу широкомасштабной гражданской войны этот процесс остался незавершенным.

Выступление Чехословацкого корпуса, одна из основных группировок которого находилась в Челябинске, выдвинуло город в качестве крупного антибольшевистского центра на востоке страны. В ночь с 26 на 27 мая чехи разоружили местный гарнизон и взяли город и его окрестности под свой контроль. 1 июня 1918 г. по инициативе лидеров местного казачества были проведены аресты оставшихся в Челябинске представителей советского руководства и сформирован организационный комитет (преобразованный вскоре в Комитет народной власти), объединивший в своем составе представителей различных партий, общественных и профессиональных организаций и групп населения. Высшим органом военной и гражданской власти в первые недели переворота был Военный совет во главе с начальником Челябинского гарнизона полковником Сорочинским [9, с. 92–95].

Опираясь на Челябинск, чехи и части русских антибольшевистских сил заняли Курган (2 июня 1918 г.), повели наступление на Троицк (занят 26 июня) и Верхнеуральск, Златоуст (занят 28 июня), Екатеринбург (занят 25 июля). В результате повстанцами был освобожден район, включавший значительные территории Оренбургской, Уфимской, Пермской и Тобольской губерний.

Уже в первые недели июня военное и политическое руководство «Челябинского района» вступило в переговоры с представителями Временного Сибирского правительства. На базе возникших здесь повстанческих сил началось формирование Уральского корпуса (с августа – 3-го Уральского корпуса), в состав которого вошли все отряды, созданные на территории Пермской и Оренбургской губерний, а также Тургайской области. Включенные в орбиту Челябинска как военного центра (поскольку именно здесь размещался штаб корпуса, а впоследствии и Западной армии белых) эти районы отводились 3-му Уральскому корпусу для комплектования, снабжения и, что важно подчер-

кнуть, «охраны государственного порядка», а это автоматически наделяло военных начальников особыми правами на этой территории [10, с. 108–112].

Организация гражданской власти после падения Советов оказалась в руках демократических общественных кругов, стремившимся опереться на представительные учреждения и процедуру «волеизъявления», которая придала бы новым учреждениям легитимный характер, и одновременно укрепила бы позиции социалистов перед лицом союзников по антибольшевистскому лагерю в лице офицерства и «буржуазной» обществу. Формой институционализации власти, как и в 1917 г., стали съезды («крестьянские», «уездные» от всего населения и пр.) и сформированные на них коалиционные органы. Практика проведения съездов опиралась на традиционные сословно-корпоративные устои и внутренние, локальные по своему характеру, связи российского общества.

Уже 4 июня в Метелево (Челябинский уезд) состоялся башкирский съезд, в котором участвовали представители Башкирского шура (Центрального совета) и Ксе-Курултая (предпарламента) С. Мрясов, Н.-А. Тагиров, руководители Аргаяшского кантона и 16 башкирских волостей Зауралья. Съезд принял решение о восстановлении в Челябинске Башкирского правительства и формировании вооруженных отрядов для борьбы с большевиками, а также о включении башкирских представителей в состав челябинского Комитета народной власти. При поддержке чехов и участии русского офицерства началось формирование башкирских частей, принявших активное участие в боях на екатеринбургском направлении. Башкирское правительство оставалось в Челябинске до августа 1918 г., когда вместе с подведомственными ему учреждениями переехало в освобожденный казаками Оренбург¹.

12–15 июня 1918 г. прошел крестьянский съезд в соседнем с Челябинском Кургане. 26–29 июня в Челябинске работал съезд казачества 3-го и части 2-го военных округов Оренбургского казачьего войска. 6–9 августа состоялся крестьянский съезд в Месягутово, культурном и экономическом центре Златоустовского уезда. Если съезд в Кургане занял выжидательную позицию в вопросе о власти (хотя большинство привезенных делегатами наказов были в поддержку Временного Сибирского правительства), то участники съезда казачества и делегаты съезда с. Месягутово заявили о своей поддержке «Омского» правительства – впредь до организации авторитетной российской власти.

Наиболее масштабным по своему представительству и результатам стал Челябинский уездный съезд «крестьян, мусульман, казаков, рабочих и горожан», состоявшийся 28 июня – 9 июля 1918 г. В его работе участвовали около 500 делегатов от крестьянского, казачьего и башкирского населения Челябинского уезда и соседних, освобожденных повстанцами, территорий: Кыштымского горного округа, Шадринского уезда, Кургана, северных районов Оренбургского казачь-

его войска. Здесь собрались представители различных политических партий и групп, профессиональных и общественных организаций. Главным итогом съезда стали решения о поддержке Временного Сибирского правительства, восстановлении органов самоуправления и формировании органа местной политической власти – «Исполнительного Комитета Народной Власти». Возглавил его местный уроженец, происходивший из казаков Уйской станицы, известный российский политик и ученый-экономист, автор аграрной программы РСДРП («программы муниципализации земли») П.П. Маслов. Сразу по завершении съезда в Омск для переговоров была направлена совместная с казаками делегация во главе с членом Учредительного Собрания, троицким учителем В.А. Матушкиным и главой избранного на съезде исполкома П.П. Масловым [11, с. 39–53].

Таким образом, вхождение «Челябинского района» под юрисдикцию омских властей стало следствием самого хода вооруженной борьбы в Зауралье и было закреплено в результате взаимодействия различных политических сил и военных кругов антибольшевистского лагеря. Мнение о «чисто военном» присоединении южно-уральских территорий к Сибири, которое было высказано в учредительской печати и отражало позицию эсеровского руководства, а затем получило распространение в советских и ряде современных российских работ, является несостоятельным².

По итогам переговоров в Омске 15 июля 1918 г. Временным Сибирским правительством был образован Челябинский округ, в состав которого вошли Челябинский, Троицкий уезды Оренбургской, Златоустовский уезд Уфимской губерний, часть Екатеринбургского уезда (Кыштымский горный округ) Пермской губернии, с включением в него прилегающих местностей, занятых сибирскими войсками. Для управления округом учреждалась должность окружного (с правами губернского) комиссара³. Основу фор-

² Рассматривая 8 июля 1918 г. вопрос о назначении уполномоченного в Челябинск, Совет министров Временного Сибирского правительства прямо указал, что уполномоченный для Челябинского района должен быть назначен после переговоров с челябинской депутацией [12, с. 142]. С другой стороны, сам факт включения Челябинска в границы Сибири, действительно, стал причиной серьезного конфликта между Самарой и Омском. Так, 18 июля Комуч официально потребовал от Временного Сибирского правительства исключить Челябинск и Челябинский район из сферы его влияния; 16 августа в телеграмме Комитета указывалось об отсутствии у сибирских властей прав «образовывать новые областные деления... вне территории Сибири, как это имело место в Зауралье» [13, с. 187–189].

³ Сборник узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. № 2. При этом приказ № 1, которым П.П. Маслов извещал население о своем вступлении в должность комиссара «Приуральского края», датирован 14 июля, сразу по возвращении из Омска (Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-1325. Оп. 1. Д. 2. Л. 1). Официально Челябинск фигурирует в составе Сибири уже 13 июля, когда было принято журнальное постановление Совета министров Временного Сибирского правительства «Об определении границ Сибири» [13, с. 189, прим. 1]. При этом соответствующее постановление

¹«Власть народа». 1918. 9 июня.

мирующего аппарата управления составил избранный 8 июля на Челябинском уездном съезде исполком народной власти, председатель которого П.П. Маслов вступил в должность челябинского окружного комиссара («комиссара Приуралья»), а руководители отделов исполкома стали «комиссарами» (уполномоченными) соответствующих ведомств в «Приуральском районе»⁴.

Аппарат окружного комиссара составили его заместитель (В.Н. Будеско⁵, а после его отставки в августе 1918 г. И.И. Кириенко⁶) и второй помощник (П.В. Анфалов), управляющий делами (И.И. Войтов, затем Л.А. Плюснин) и штат технических сотрудников. Некоторое время в структуре комиссариата находился казачий отдел (председатель – один из лидеров казачьей демократической партии, член войскового круга Л.П. Шахматов), военно-учетный стол и другие подразделения. Вместе с тем гражданская администрация избегала прямого вмешательства в управление казачьими землями Челябинского и Троицкого уездов, признавая права восстановленных летом 1918 г. органов войскового самоуправления⁷.

Институт правительственных комиссаров (губернских и уездных) был введен в марте 1917 г. Временным правительством, возложившим на них руководство и контроль за деятельностью местных правительственных учреждений, содействие укреплению нового правопорядка, надзор за законностью действий органов самоуправления и общественных организаций. Временное Сибирское правительство расширило функции комиссаров, переподчинив им милицию (находившуюся до этого в ведении земств), предоставив право приостанавливать решения ор-

Временного Сибирского правительства «О распространении действия узаконений и распоряжений... правительства на уезды Златоустовский, Челябинский и Троицкий датировано 18 июля 1918 г.» [12, с. 169, док. 136].

⁴ В ряде случаев сферы действия уполномоченных (продовольствия, земледелия и колонизации) выходили за пределы округа, что диктовалось политической ситуацией в регионе [14, с. 103].

⁵ Будеско Вячеслав Николаевич – российский политический деятель, близок эсерам. В 1917 г. избирался членом Петроградской городской продовольственной управы и Особого присутствия по продовольствию при Временном правительстве. В декабре 1917 г. был командирован межфракционным совещанием членов Учредительного собрания в Сибирь за хлебом. Прибыл в Челябинск, где занимался также работой по эвакуации детей из Петрограда. В конце августа 1918 г. подал в отставку.

⁶ Кириенко Иван Иванович (1877–1918) – социал-демократ, член II Государственной Думы, комиссар 11-й армии и Киевского военного округа при Керенском. В окружном «комиссариате» первоначально возглавлял военно-учетный стол и был отмечен благодарностью правительства за успехи мобилизации в Сибирскую армию.

⁷ Казачьи земли Челябинского и Троицкого уездов входили в состав 3-го округа Оренбургского казачьего войска. В августе 1918 г. в Троицке на новом окружном съезде было принято решение о выделении 4-го Челябинского округа, в состав которого вошло большинство казачьих станиц Челябинского уезда, за исключением расположенных в его наиболее отдаленной, юго-восточной части. Так Челябинск стал еще и окружным казачьим центром. – Подробнее см.: [11, с. 248–249].

ганов самоуправления и т.д. Налаживая управление своими территориями, уездным и вышестоящим администраторам приходилось решать «политические» вопросы, далеко выходя за рамки своих формальных полномочий, преодолевая сопротивление части населения и своеобразный «сепаратизм» местных гражданских и военных властей. Давали себя знать и противоречия в самом административном аппарате, связанные с политической неоднородностью антибольшевистского лагеря. Так, окружная администрация вмешалась в ситуацию вокруг частновладельческих участков на юге Челябинского уезда, где, с подачи уездного комиссара, ставленника военных властей прапорщика А. В. Баженова силами местной милиции и собственников начался сгон малоземельных крестьян с полученных ими весной 1918 г. угодий [11, с. 63, 103–107].

Политическое руководство «Приуральской области» (как несколько помпезно именовали Челябинский округ местные газеты), представленное известными социалистическими деятелями, играло важную роль в политической жизни востока России. При его прямом содействии в июле и августе 1918 г. состоялись предварительные совещания в Челябинске с участием лидеров антибольшевистского лагеря и представителей ведущих политических партий, на которых обсуждались вопросы создания единой всероссийской власти. По их завершении окружной комиссар участвовал в работе Государственного совещания в Уфе (сентябрь 1918 г.) и даже представлял там Временное Сибирское правительство до приезда официальной делегации, а также подписал итоговые документы [15, с. 283]. Печатным органом правых социалистов, вставших во главе «Приуралья», стала челябинская кооперативная газета «Власть народа», которую с августа 1918 г. возглавлял видный меньшевик-«оборонец» Евгений Мавевский (В.А. Гутовский).

Создание Челябинского округа позволило осенью 1918 г. вновь вернуться к вопросу об организации губернии. 20 ноября 1918 г. в Челябинске открылся съезд руководителей земских и городских самоуправлений, в работе которого участвовали представители Кургана, Троицка, Кустаная, Верхнеуральска, Златоуста и других местностей, руководители гражданской администрации края. Было принято решение ходатайствовать перед правительством о создании Челябинской губернии⁸.

Вместе с тем по мере углубления гражданской войны и падения влияния правосоциалистических кругов антибольшевистского лагеря гражданские власти подвергались все более сильному нажиму со стороны военных, проявлявшемуся в арестах лиц из ближайшего окружения приуральского комиссара. В октябре 1918 г. о своей отставке с поста комиссара заявил сам П.П. Маслов (предполагалось, что он может возглавить аграрный отдел Всероссийского правительства – Директории). Заменивший его в качестве и. д. комис-

⁸ «Власть народа». 1918. 23 нояб.

сара И.И. Кириенко и В. Гутовский отрицательно встретили происшедший в ноябре колчаковский переворот, но выразили надежду на возможное политическое урегулирование событий в духе «единства всех живых сил страны». О поддержке челябинских властей первоначально заявило и руководство чехов. Правда, это не помешало группе прибывших из Омска офицеров в конце ноября арестовать челябинских лидеров. Кириенко и Гутовский оказались в омской тюрьме, где были убиты в ходе подавления рабочего восстания в декабре 1918 г. Новым окружным комиссаром был назначен челябинский уездный комиссар А.В. Баженов.

Следствием колчаковского переворота стала реорганизация органов власти, в ходе которой на территории округа восстанавливалась деятельность прежних структур Оренбургской и Пермской губерний (например, управлений земледелия). Тем не менее Челябинский округ (во главе которого теперь встал управляющий А.В. Баженов) был сохранен, как имеющий важное административно-политическое, экономическое, военное значение. Ситуация не изменилась и после учреждения должностей главных начальников Самаро-Уфимского, Уральского и Южно-Уральского «краев», поскольку на них возлагались главным образом надзорные функции в сфере «охраны общественного порядка», т.е. прежде всего политического контроля на указанных территориях [16, с. 43–44]. Наличие в Челябинске сложившегося административного центра стало одной из основных предпосылок, позволивших уже после освобождения территории Южного Урала от белых приступить к организации Челябинской губернии.

Таким образом, уже в 1918 г. Челябинск сформировался как крупный административно-политический центр, соединивший в себе общегражданское, военное и казачье управление. В составе Челябинского округа («Области Приуралья») впервые объединились территории, составляющие основу современной Челябинской области. Новый статус города был официально закреплен созданием в сентябре 1919 г. Челябинской губернии⁹.

Вместе с тем в 1920-е гг. Челябинск, как и до революции, преимущественно рассматривался как центр Восточного Приуралья (или Зауралья), что объяснялось аграрным характером региона и сложившимися экономическими и культурными связями с соседними территориями Оренбуржья, Казахстана и Западной Сибири. Новый, «уральский» дискурс в восприятии города был закреплен включением территории бывшей губернии в состав Уральской области (1923–1934 гг.), а окончательная переоценка его положения как столицы Южного Урала была связана

⁹ С 19 сентября Челябинск также стал местом пребывания Сибирского революционного комитета, образованного в соответствии с постановлением ВЦИК от 27 августа 1919 г. Это еще раз доказывает преобладание «сибирского дискурса» в восприятии современниками Челябинска. Однако «сибирской столицей» город был недолго – уже в ноябре ревком переехал в Омск.

с развернувшимся с конца 1920-х гг. промышленным строительством, изменением географии экономических связей, превращением созданной в 1934–1935 гг. Челябинской области в развитый индустриальный регион.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административно-территориальное устройство России: история и современность. М., 2003 / отв. ред. А.В. Пыжиков. 320 с.
2. *Зубков К.И., Побережников И.В.* Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003. 93 с.
3. *Журавлев В.В.* Государственная власть сибирской контрреволюции (май–ноябрь 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 28 с.
4. *Кобзов В.С., Сичинский Е.П.* Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. Челябинск, 1997. 185 с.
5. *Московкин В.В.* Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в начальный период гражданской войны (май–ноябрь 1918 г.) // Вестн. Тюм. ун-та. 1998. № 1. С. 76–83.
6. *Плешкевич Е.А.* Органы государственной власти и управления правительств «демократической контрреволюции» и диктатуры А.В. Колчака на Урале (1917–1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2002. 26 с.
7. *Сичинский Е.П.* Из истории Временного областного правительства Урала: К вопросу о «третьем пути» русской революции // История СССР. 1992. № 1. С. 164–172.
8. *Назыров П.Ф.* Приуральский край в условиях «демократической контрреволюции» // Иван Иванович Неплюев и Южноуральский край. Челябинск, 1993. С. 112–114.
9. *Сичинский Е.П.* Формирование органов власти в Оренбургской губернии в период «демократической революции» // Исторические чтения. Челябинск, 1998. Вып. 4. С. 92–95.
10. *Каревский А.А.* К истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства: формирование 3-го Уральского корпуса летом – осенью 1918 г. // Гражданская война на востоке России. М., 2003. С. 108–112.
11. *Назыров П.Ф.* Аграрные отношения на Южном Урале в годы гражданской войны. Челябинск, 2009. 260 с.
12. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. 818 с.
13. *Лапандин В.А.* Эсеровские политико-государственные образования в России в годы гражданской войны. Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (июнь 1918 – январь 1919 гг.): исторические источники: в 2 т. Самара, 2006. Т. 2. 292 с.
14. Земельные органы антибольшевистских правительств в Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.): сб. док. / отв. ред. и сост. В.М. Рынков. Новосибирск, 2017. 544 с.
15. *Пионтковский С.Л.* Гражданская война в России (1918–1921 гг.): Хрестоматия. М., 1925. 708 с.
16. *Домовитова П.Я.* Проблема «двоевластия» на Урале в условиях режима А. В. Колчака (декабрь 1918 г. – апрель 1919 г.) // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: История. 2014. Вып. 2 (25).

REFERENCES

1. *Pyzhikov A.V.* (ed.) Administrative-territorial structure of Russia: history and modernity. Moscow, 2003, 320 p. (In Russ.)
2. *Zubkov K.I., Poberezhnikov I.V.* Reforms of the administrative territorial structure of eastern regions in Russia (XVIII–XX centuries). Ekaterinburg, 2003, 93 p. (In Russ.)
3. *Zhuravlev V.V.* State power of the Siberian counterrevolution (May–November 1918): diss. abstr. Novosibirsk, 2004, 28 p. (In Russ.)
4. *Kobzov V.S., Sichinskiy E.P.* State building in the Urals in 1917–1921. Chelyabinsk, 1997, 185 p. (In Russ.)

5. *Moskovkin V.V.* The confrontation of political forces in the Urals and West Siberia during the initial period of the civil war (May–November 1918). *Vestnik Tyumenskogo universiteta*, 1998, no. 1, p. 76–83. (In Russ.)
6. *Pleshkevich E.A.* Bodies of the state power and administration of the “democratic counterrevolution” governments and A.V. Kolchak’s dictatorship in the Urals (1917–1919): diss. abstr. Chelyabinsk, 2002, 26 p. (In Russ.)
7. *Sichinskiy E.P.* On the history of the Ural Temporary Provincial Government: (the “third way” of the Russian revolution). *Istoriya SSSR*, 1992, no. 1, p. 164–172. (In Russ.)
8. *Nazyrov P.F.* The Cisurals under the conditions of “democratic counterrevolution”. *Ivan Ivanovich Neplyuev i Yuzhnoural'skiy kray*. Chelyabinsk, 1993, p. 112–114. (In Russ.)
9. *Sichinskiy E.P.* Forming the Authorities in Orenburg Province during the “democratic counterrevolution” period. *Istoricheskie chteniya*. Chelyabinsk, 1998, iss. 4, p. 92–95. (In Russ.)
10. *Karevskiy A.A.* On the history of armed forces of the Temporary Siberian Government: forming the 3rd Ural Corps in summer-autumn of 1918. *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii*. Moscow, 2003, pp. 108–112. (In Russ.)
11. *Nazyrov P.F.* Agrarian relationships in South Ural during the Civil War. Chelyabinsk, 2009, 260 p. (In Russ.)
12. *Shishkin V.I.* (comp.) The Temporary Siberian Government (May 26 – November 3, 1918): a collection of documents and materials. Novosibirsk, 2007, 818 p. (In Russ.)
13. *Lapandin V.A.* The Socialist Revolutionary political formations in Russia during the Civil War. The Committee of the All-Russian Constituent Assembly members (June, 1918 – January, 1919): historical sources. Samara, 2006, vol. 2, 292 p. (In Russ.)
14. *Rynkov V.M.* (ed., comp.) Land authorities of anti-Bolshevist governments in Siberia (June, 1918 – December, 1919): a collection of documents. Novosibirsk, 2017, 544 p. (In Russ.)
15. *Piontkovskiy S.L.* The Civil War in Russia (1918–1921): a chrestomathy. Moscow, 1925, 708 p. (In Russ.)
16. *Domovitova P.Ya.* The problem of “dual power” in the Urals under conditions of A.V. Kolchak’s regime (December, 1918 – April, 1919). *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya*, 2014, no. 2. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 28.06.2018

DOI: 10.15372/HSS20180405
УДК 94(47)“1923/1966”

А.И. САВИН

«ЗИГЗАГИ» СОВЕТСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ (1923–1966 гг.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена колебаниям («зигзагам») советской церковно-государственной политики, характеризовавшейся определенной степенью либерализации отношений между государством и религиозными организациями. Речь идет об исторических процессах 1923, 1930, 1943 и 1965 гг. Описываются действия власти, наиболее ярко сигнализовавшие об отступлении на «антирелигиозном фронте», события, предшествующие либеральному «зигзагу», а также обозначаются временные рамки и содержательные границы либерализации. В качестве теоретической модели анализа цикличности религиозной политики предлагается модель так называемого перегиба, в соответствии с алгоритмом которого осуществлялись сталинские мобилизационные кампании. Делается вывод о том, что после смены парадигмы советской религиозной политики в годы Великой Отечественной войны и нового курса на создание лояльных деноминаций в форме «советской церкви», подтвержденного брежневским руководством, модель «перегиба» в качестве объясняющей можно использовать только с серьезными оговорками.

Ключевые слова: советская религиозная политика, колебания, «перегибы», И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев.

A.I. SAVIN

“ZIGZAGS” OF THE SOVIET RELIGIOUS POLICY (1923–1966)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article focuses on fluctuations (zigzags) of the Soviet church-state policy characterized by some degree of liberalization of relationship between the state and religious organizations. It describes the processes of 1923, 1930, 1943 and 1965. In particular, the author describes the government actions, which clearly marked the retreat at the “antireligious frontline” and events preceding a liberal “zigzag”, and defines the liberalization timeframes and meaningful limits. As a theoretical model for analyzing religious policy’s cyclic nature the author proposes the model of so-called “exaggeration”. In accordance with its algorithm the Stalin’s mobilization campaign was carried out. The conclusion is that after the paradigm change in the Soviet religious policy during the Great Patriotic War and a new course on creating new denominations in the form of “Soviet church”, confirmed by Brezhnev’s government, the model of “exaggeration” can be used as explanatory only with very serious limitations.

Key words: Soviet religious policy, fluctuations, “exaggeration”, Stalin, Khrushchev, Brezhnev.

Колебания политики высшего советского руководства – далеко не новая тема в отечественной историографии. Для историков давно очевидна определенная цикличность советской истории, в литературе неоднократно предпринимались попытки описать новейшую историю России как чередование реформ и контрреформ [1]. В качестве преамбулы уместно процитировать емкое обобщение О.В. Хлевнюка: «Уже современники наблюдали некоторые колебания политики высшего советского руководства. В экономике – от индустриальных скачков до снижения планов промышленного роста, от коллективизации

и раскулачивания до поощрения личных приусадебных хозяйств, от попыток свернуть торговлю и ввести прямой продуктообмен до “реабилитации” товарно-денежных отношений. В идеологии – от проповеди “революционного аскетизма” до лозунгов “зажиточной жизни”. Во внешней политике – от обличения социал-демократии до поддержки “народных фронтов”. Даже в политике государственного террора, представлявшей собой наиболее устойчивый элемент режима, наблюдались как всплески чрезвычайной жестокости, так и периоды демонстрации относительной “умеренности”» [2, с. 448].

Андрей Иванович Савин – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: a_savin_2004@mail.ru.
Andrey I. Savin – candidate of historical sciences, senior researcher, Insti-tute of History SB RAS.

Историки предлагали и предлагают разные попытки объяснения этих колебаний – от теории «фракций» в Политбюро, согласно которой в высших эшелонах власти в СССР противостояли друг другу сторонники жестких мер и приверженцы относительно «умеренного» курса, конструкций «большой сделки» (Вера Данхем) и «маленькой сделки» (Джеймс Миллар) [3] вплоть до гиперболизации роли внешней политики¹.

История советской государственной политики в религиозной сфере насчитывает, как минимум, четыре точки бифуркации, которые можно классифицировать как повороты или «зигзаги», характеризовавшиеся определенной степенью либерализации отношений между государством и церковными организациями. Первый из таких поворотов датируется августом 1923 г., когда партия большевиков объявила об отступлении с позиций нетерпимости по отношению к религии в начале периода относительно мирного сосуществования государства и церкви в рамках новой экономической политики. Следующий зигзаг пришелся на март 1930 г., когда ЦК ВКП(б) после первого штурмового натиска коллективизации осудил практику «администрирования» в деле борьбы с религией, что означало фактический отказ от попытки полностью ликвидировать конфессии в колхозной деревне и возвращение к политике их постепенного вытеснения на задворки общественной жизни. В годы Второй мировой войны сталинское руководство осуществило наиболее серьезный политико-идеологический поворот, который привел к возрождению церковных организаций и легализации религиозной жизни после массовых гонений на церковь периода «Большого террора». Четвертый по счету либеральный поворот, фактически предопределивший специфический модус сосуществования советского государства и религиозных организаций вплоть до конца СССР, был предпринят в первые месяцы правления Л.И. Брежнева в качестве реакции на масштабную антицерковную кампанию начала 1960-х гг., развязанную по инициативе Н.С. Хрущева. Этот последний «зигзаг» снял для большинства религиозных организаций, в первую очередь для Русской православной церкви, остроту адаптации к советскому политическому режиму.

Автор понимает всю ограниченность сравнительного метода в таких широких хронологических границах, тем не менее считает, что для сравнения имеются все основания – колебания осуществлялись в рамках одного и того же политического строя, более того, три зигзага из четырех были не просто предприняты во время нахождения у власти одного и того же человека – И.В. Сталина, но и во многом инициированы им.

В качестве научной гипотезы, которая, возможно, достаточна универсальна, чтобы объяснить колебания

и возникновение либеральных «зигзагов» религиозной политики, здесь предлагается теоретическая модель «перегиба». Не будет преувеличением утверждать, что все антирелигиозные мероприятия проводились в стиле сталинских массовых кампаний. Этим кампаниям традиционно были свойственны следующие специфические черты: формирование определенного дискурса, интенсификация событий в рамках какого-либо общественно-политического и / или экономического сегмента, соревновательный характер происходящего. Кампании всегда имели своих героев и антигероев, а также конечные сроки.

Феномен всех без исключения кампаний заключался в так называемом перегибе, или, если выразиться более формально, репрессиях (гонениях) и грубом нарушении «социалистической законности» на местах в целях выполнения и перевыполнения задач, намеченных центральной властью. В свою очередь Центр сознательно поощрял наиболее ретивых работников, закрывая глаза на их противоправные действия, эксцессы и насилие, добиваясь, во-первых, достижения актуальных целей, будь то «выбивание» хлеба, проведение раскулачивания, ликвидация церквей или уничтожение «бывших». Во-вторых (что, очевидно, было не менее важным), с помощью «перегиба» власть тестировала рамки и границы возможного в настоящий момент, не рискуя своей собственной легитимностью.

После завершения кампании следовало наказание «перегибщиков» (как правило, относительно мягкое) при разыгрывании карты «эксцессов на местах» и «восстановления законности» центральной властью. Представители власти и прочие активисты, уличенные в «перегибах», даже оказавшись под судом и следствием, в любом случае рассчитывали на то, что «своя» власть никогда не накажет их строго за чрезмерную жестокость к «врагам народа» и «вражеским» институтам. В результате власть не испытывала нехватки в «перегибщиках» для очередной кампании, которая, как правило, не заставляла себя ждать. Перегруппировавшись, сталинская власть предпринимала новое наступление на том или ином «фронте»: перефразируя Ленина, Сталин предпочитал делать лишь один шаг назад и следом – два шага вперед.

Что же касается роли широких масс населения, то наказание «перегибщиков», осуществлявшееся во многом благодаря традиционным жалобам-челобитным в виде «писем во власть», создавало иллюзию восстановления нарушенного доверия между обществом и государством. При этом пострадавшие хорошо усвоили, что в своей критике они должны ограничиваться «перегибом» и фигурой «перегибщика», ни в коем случае не подвергая сомнению ценности и нормы сталинского социализма.

Теперь непосредственно о самих либеральных зигзагах. Поскольку речь пойдет преимущественно о событиях, достаточно известных, каждое из них коротко будет охарактеризовано по следующей схеме: во-первых, определение точки бифуркации, связан-

¹ Так, Дэвид Ширер склонен объяснять цикличность сталинского насилия периодической актуализацией темы войны. Для нас важны его рассуждения о репрессивной деятельности власти по одному и тому же алгоритму. – См.: [4, с. 11–22].

ной с появлением какого-либо директивного документа или событием, наиболее ярко сигнализовавшим об отступлении власти на антирелигиозном фронте; во-вторых, будут рассматриваться процессы, предшествующие либеральному зигзагу; в-третьих, необходимо обозначить временные рамки и содержательные границы либерализации, за которыми последовал возврат к привычной репрессивной политике.

В качестве точки бифуркации первого зигзага можно рассматривать циркулярное письмо ЦК РКП(б) № 30 «Об отношении к религиозным организациям» от 16 августа 1923 г. за подписью И.В. Сталина, в котором сообщалось о многочисленных серьезных нарушениях, допущенных партийными организациями «в области отношения к верующим и к их культам». Вина за ущемление свобод верующих целиком возлагалась на местные парторганизации. Последним предписывалось незамедлительно «воспрепятствовать закрытию церквей, молитвенных помещений и синагог по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации, а где таковые закрытия имели место – отменить немедленно». Запрещая гонения на верующих, ЦК РКП(б) предписывал использовать в качестве основного метода борьбы с религией «терпеливую и вдумчивую критику религиозных предрассудков [5, с. 414–418]. Репрессивные события, предшествующие «зигзагу», также хорошо известны: кампания по изъятию церковных ценностей и связанные с ней гонения, в первую очередь на РПЦ, а также репрессивная кампания по ликвидации общин верующих всех конфессий под предлогом невыполнения декрета ВЦИК и Совнаркома от 3 августа 1922 г., согласно которому подлежали закрытию все общества, союзы и объединения, которые не успели зарегистрироваться в срок до 1 января 1923 г. Именно об этих закрытиях «молитвенных помещений» шла речь в цитируемом выше циркуляре. Временные границы «зигзага» можно продлить до начала коллективизации, с содержательными немного сложнее: гонения на все религиозные организации продолжались и в ходе так называемого религиозного нэпа, только более тонкими и специфическими методами.

Второй зигзаг датируется мартом 1930 г., точкой бифуркации выступает циркулярное письмо № 37 ОГПУ СССР «О состоянии и перспективах церковного движения и очередных задачах органов ОГПУ» от 22 марта 1930 г. Этот документ по праву следует отнести к одному из ключевых источников по истории церковно-государственных отношений в СССР. Циркуляр являлся оперативной реакцией руководства ОГПУ на изменение политической линии ЦК ВКП(б) после публикации 2 марта 1930 г. статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов». Вслед за анализом деятельности органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ в отношении Русской православной церкви в период гражданской войны и нэпа в циркуляре подробно «прописывались» задачи ОГПУ в условиях временного отступления власти на «фронте коллективиза-

ции». Авторы циркуляра признали неудачу попытки ликвидировать церковь в ходе коллективизации «административно-оперативным путем» и требовали от местных аппаратов вернуться к мерам «агентурного характера». В результате основное внимание в циркуляре уделялось специфике «работы» с осведомителями и агентами из числа священнослужителей в течение нескольких следующих лет, которые, как считало руководство ОГПУ, потребуются чекистам для окончательной ликвидации религиозных организаций. В качестве главной актуальной задачи декларировалось создание и поддержание конфликтных отношений внутри религиозных организаций (текст циркуляра опубликован, см.: [6, с. 791–805]). Можно предположить, что циркулярное письмо № 37 определило основную линию поведения органов государственной безопасности в отношении не только Русской православной церкви, но подавляющего большинства остальных конфессий вплоть до начала «Большого террора».

Третий, наиболее известный зигзаг, последовал спустя продолжительное время после «Большого террора», а именно в годы Великой Отечественной войны. Государство наконец-то признало за наиболее крупными религиозными организациями право на определенное место в обществе и государстве. Границей зигзага являлся 1948 г., после которого, как известно, произошло замораживание «статус-кво» и государство полностью отказалось от дальнейшего расширения «религиозного сегмента» за счет регистрации новых общин всех конфессий.

Четвертый либеральный зигзаг был предпринят в первые месяцы правления Л.И. Брежнева в качестве реакции на масштабную антицерковную кампанию начала 1960-х гг., развязанную по инициативе Н.С. Хрущева. Здесь сложно выделить какой-то нормативный документ или назвать конкретную дату, но широкая критика и пересмотр хрущевской политики в отношении религиозных организаций начались непосредственно сразу же после прихода Л.И. Брежнева к власти. Всем партийным и советским организациям, а также органам КГБ, суда и прокуратуры были направлены директивы о недопустимости административных методов в деле борьбы с религией и необходимости исправления допущенных «перегибов». С конца 1964 г. Прокуратура СССР и Судебная коллегия Верховного Суда СССР приступили к широкой проверке судебной практики по делам осужденных из числа верующих с целью их последующего освобождения. Жалобы верующих в обязательном порядке обсуждались на заседаниях бюро обкомов КПСС. Свою долю вины в «перегибах» было вынуждено признать также руководство КГБ в лице В.Е. Семичастного, заявившего в декабре 1964 г., что «некоторые органы КГБ в работе по церковникам и сектантам, особенно по линии сектантов ЕХБ, выполняли несвойственные им функции по ограничению религиозной деятельности. В связи с этим контрразведывательные аппараты КГБ–УКГБ еще раз предупреждены о четком выполнении

приказов КГБ об организации работы по церковникам и сектантам»².

Рубежным для брежневского поворота в церковно-государственной политике стало постановление Президиума ЦК КПСС от 15 марта 1966 г. «Об упорядочивании законодательства о религиозных культурах», установившее четкие границы либерализации, дальше которых партия и государство заходить не намеривались. В соответствии с постановлением одобрялись проекты указов Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административной ответственности за нарушение законодательства о религиозных культурах», «О внесении дополнений в статью 142 Уголовного кодекса РСФСР» и постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О применении статьи 142 Уголовного кодекса РСФСР», которой предстояло вплоть до конца СССР исполнять роль главного репрессивного инструмента в отношении верующих.

Модель «перегиба» является адекватным исследовательским инструментом для препарирования двух первых либеральных зигзагов – 1923 и 1930 гг. В обоих случаях произошло отступление после бурного, носившего характер кампании, наступления или даже «штурма религии», как это было в начале 1930 г. Вслед за отступлением и временной нормализацией отношений с церковью следовало очередное наступление. В меньшей степени модель перегиба применима к событиям Великой Отечественной войны и брежневскому повороту, хотя на первый взгляд государство и здесь традиционно стремилось разыграть карту «эксцессов на местах».

Модель «перегиба» перестает адекватно работать, поскольку в результате «сталинского конкордата с церковью» сменилась общая парадигма религиозной политики. Политику советского государства в отношении религиозных организаций в 1923–1937 гг. можно коротко охарактеризовать как политику «разделяй и властвуй». Ее главным проводником были органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Несомненно доминирование линии, направленной на разложение конфессий изнутри и провокацию конфликтов между различными религиозными течениями. Судьбу Русской православной церкви, расколотой на «обновленцев» и «тихоновцев», повторили лютеране и буддисты, христианские секты и мусульмане. В 1937–1938 гг. была предпринята попытка «окончательного» решения «религиозного вопроса» в СССР. Ее относительная неудача и военная необходимость привели в годы Второй мировой войны к смене парадигмы.

В настоящее время в историографии сложился определенный консенсус в отношении причин, которые легли в основание «нового курса» в церковно-государственных отношениях. Их характеристика приведена, например, в монографии И.А. Курляндского. На первом месте находилось стремление использовать церковь во внутри- и внешнеполитических акци-

ях сталинского режима в условиях тяжелейшей войны, а также желание лишить религию и церковные организации ореола гонимых, теснее привязать к советскому государству и тем самым ослабить их популярность среди верующих. Нельзя не согласиться также и с тем, что с самого начала «сталинского ренессанса» «церковные структуры оказались в тисках своеобразного гетто, они были опутаны бюрократическими и административными ограничениями и запретами», и в этом смысле ни о каком резком разрыве преемственности в содержании советской политики в отношении религии и церкви говорить не приходится [7, с. 576–578].

Действительно, антирелигиозное содержание церковно-государственной политики осталось прежним, но резко изменился ее внутренний вектор. Теперь кредо этой политики гласило: «Объединяй и властвуй». Если в 1920-е – 1930-е гг. власть сама организовывала расколы внутри церквей всех деноминаций, активно поддерживала любые разногласия между верующими и делала все, чтобы воспрепятствовать объединению религиозных организаций, то теперь все усилия соответствующих институтов государственного аппарата были направлены на объединение верующих в рамках крупных всесоюзных церковных организаций. Почему же сталинское руководство не только легализовало большинство религиозных организаций, но и делало все, чтобы объединить их в рамках нескольких крупных церковных структур, рассматривая такое объединение как важную государственную задачу? Ответ на этот вопрос заключается в том, что уже к началу войны значительная часть оставшихся в живых руководителей конфессий была либо негласными сотрудниками НКВД, либо открыто демонстрировала власти свою лояльность. Сталинское руководство могло наконец-то пожинать плоды многолетних репрессий и гонений на церковные организации. Начиная с середины 1940-х гг., проводником государственной политики стало служить само церковное руководство, готовое платить высокую цену сотрудничества с тайной полицией и другими властными органами за выживание и легальное существование религиозных структур. Любой раскол в религиозных организациях, в отличие от довоенного времени, теперь не только неощущался, но пресекался и строго преследовался как «антисоветский».

По сути, в годы войны был успешно реализован первый этап проекта создания лояльной «советской церкви». Однако ситуация оставалась в целом неопределенной – замораживание сталинского «нового курса» в 1948–1949 гг. и возобновление селективных репрессий в отношении «религиозников» ставило под вопрос жизнеспособность проекта «советской церкви». В очередном наступлении на церковь, предпринятом советским государством в начале 1960-х гг., главную роль сыграли утопические представления Н.С. Хрущева о темпах строительства коммунизма.

Однако, несмотря на всю половинчатость и ограниченность, проект лояльной советской церкви уже зарекомендовал себя как важнейшее средство коадап-

² Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 60. Д. 15. Л. 105.

тации политического режима и общества. В этом контексте радикальная антицерковная кампания, развязанная Хрущевым, была контрпродуктивна, создавала ненужные точки напряжения, превращала вполне лояльных «трудящихся» из числа верующих в отчаянных противников советского строя. Брежнев выступил в 1965 г. эпигоном Сталина, реанимировав проект лояльной советской церкви. Без сомнения, вновь произошло выправление «перегиба» с наказанием главного перегибщика путем отстранения от власти, но дальше схема действия в рамках модели «перегиба» была нарушена в еще большей степени, чем в годы Великой Отечественной войны, – государство отказалось в обозримом будущем от нового масштабного наступления на религиозные организации с целью их маргинализации или даже уничтожения. Теперь ставка была окончательно сделана на модель лояльной «советской церкви».

Заместитель председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР П.В. Макарец, выступая в феврале 1977 г. на закрытом совещании уполномоченных Совета в Литовской ССР, так подвел итоги 60 лет советской антирелигиозной политики: «Вообще у нас в стране религиозная обстановка, можно сказать, нормальная. Нормальная. У нас большинство, подавляющее большинство духовенства лояльное. И мы считаем, что это большое завоевание наше – сделать церковь лояльной. Церковь не только лояльна, она активно сейчас поддерживает и внутреннюю и внешнюю нашу политику. Это, товарищи, немаловажный фактор. И Правительство, и Центральный Комитет, неоднократно Леонид Ильич Брежнев, встречаясь с высшими иерархами, [...] всегда высказывает высокую оценку вот этой лояльности и той деятельности, которую церкви выполняют в поддержку нашей политики»³. Советская власть в итоге признавала лояльные религиозные организации субъектами, имевшими полное право пользоваться всеми преимуществами и защитой, которые гарантировала и которую предоставляла «социалистическая законность» позднего СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С. Реформы и контрреформы в России. М.: Изд-во МГУ, 1996. 400 с.
2. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.
3. Millar James R., The Little Deal: Brezhnev's Contribution to Acquisitive Socialism // *Slavic Review*. 1985. N 44. P. 697–698.
4. Ширер Д. Отражение Гражданской войны в политике Сталина: уроки и предубеждения // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X Междунар. конф. Москва, 5–7 октября 2017 г. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 11–22.
5. Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925: в 2 кн. / сост. М.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.; Новосибирск: РОССПЭН, 1997. Кн. 1. 597 с.
6. Савин А.И. Сталинский «зигзаг» в религиозной политике в свете циркулярного письма № 37 ОГПУ при СНК СССР (март 1930 г.) // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8, № 3. С. 791–805.
7. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково Поле, 2011. 720 с.

REFERENCES

1. Il'in V.V., Panarin A.S., Akhiezer A.S. Reforms and counter-reforms in Russia. Moscow, Izd-vo MGU, 1996, 400 p. (In Russ.)
2. Khlevnyuk O.V. Master. Stalin and strengthening Stalin's dictatorship. Moscow. ROSSPEN, 2010, 479 p. (In Russ.)
3. Millar J.R. The little deal: Brezhnev's contribution to acquisitive socialism. *Slavic Review*, 1985, vol. 44, pp. 697–698.
4. Shirer D. The Civil war reflection in Stalin's politic: lessons and preconceptions. *Uroki Oktyabrya i praktiki sovet'skoy sistemy. 1920–1950-e gody: materialy X Mezhdunar. konf. Moskva, 5–7 okt. 2017 g.* Moscow, 2018, pp. 11–22. (In Russ.)
5. Pokrovskiy M.N., Petrov S.G. (comps.) Kremlin's archives. Politburo and the church. 1922–1925. Vol. 1. Moscow, Novosibirsk, ROSSPEN, 1997, 597 p.
6. Savin A.I. Stalin's "zigzag" in the religious policy in the light of the circulatory letter № 37 of OGPU at Council of People's Commissars of the USSR (March, 1930). *Noveishaya istoriya Rossii*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 791–805. (In Russ.)
7. Kurlyandskiy I.A. Stalin, power, religion (religion and church factors in the internal politics of the Soviet state in 1922–1953). Moscow, Kuchkovo Pole, 2011, 720 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 28.09.2018

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 6. Д. 3442. Л. 43–65.

DOI: 10.15372/HSS20180406
УДК 94(47)“1938/1940”

М.А. СЕМЕНОВ

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1938–1940 гг.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена малоизученной проблеме развития системы здравоохранения Новосибирской области на рубеже 1930–1940-х гг. На основе архивных материалов, в том числе впервые вводимых в научный оборот, раскрывается динамика медицинской сети, анализируются главные направления ее развития, кадровое и материально-хозяйственное обеспечение. Показаны особенности городского и сельского здравоохранения, отмечена тенденция опережающих темпов развития медицины на селе, указаны масштабы лечебно-профилактической деятельности во врачебно-стационарных и амбулаторно-поликлинических учреждениях, даны некоторые ее качественные характеристики. Рассмотрена динамика острозаразных заболеваний, отмечено снижение распространения инфекций. Сделан вывод о том, что в предвоенные годы был подготовлен переход здравоохранения Новосибирской области к охране здоровья населения на качественно новом уровне, дальнейшему развитию которого помешала Великая Отечественная война.

Ключевые слова: здравоохранение, медицина, Новосибирская область, предвоенные годы.

M.A. SEMENOV

DEVELOPMENT OF THE HEALTHCARE SYSTEM IN THE NOVOSIBIRSK REGION DURING PREWAR PERIOD (1938–1940)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to a poorly studied problem of the healthcare system development in Novosibirsk Region at the turn of the 1930s–40s. During the period under study the Novosibirsk Region concentrated on its territory almost a half of the West Siberian population, significant production and agricultural resources. The paper is written on the archival sources, including those that were for the first time introduced into scientific circulation. The article shows the steady expansion of the medical network during this period, outstripping rates of development of rural medical institutions, anti-epidemic institutions, increasing the number of both doctors and nurses. These processes led to decreasing quality of work. At the same time, Novosibirsk health care experienced serious difficulties with material support: the lack of dishes, furniture and even food, low financing of the medical staff. The paper indicates a huge scale of the preventive work carried out in medical inpatient and outpatient clinics. This allowed the healthcare system to become part of the daily lives of citizens at that time. The author reveals some qualitative characteristics of this work; indicates that in the late 1930s the medical care was widespread in rural areas; presents the dynamics of acute infection incidences during the period under study; notes that there was a steady decline in spreading infections in pre-war years; concludes that this period became a qualitatively new stage in developing healthcare in Novosibirsk. The healthcare system improvement made it possible to bring the population health protection to a higher level, but its further development was prevented by the Great Patriotic war.

Key words: health care, medicine, Novosibirsk region, prewar years.

Влияние системы здравоохранения на различные процессы жизнедеятельности в обществе неоспоримо. Усилия медиков по сохранению жизни и здоровья людей определяют эффективность производственных процессов, обороноспособности страны, степень до-

вольства граждан условиями их повседневной жизни и т.п. В связи с этим изучение развития системы здравоохранения имеет большую научную значимость.

Вместе с тем одним из наименее «удачливых» в плане внимания исследователей является период кон-

Михаил Александрович Семенов – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, pihterek@yandex.ru
Mikhail A. Semenov – candidate of historical sciences, junior researcher, Institute of History SB RAS.

Т а б л и ц а 1

Специализация коечного фонда городов Новосибирской области в 1938–1939 гг.*

Специализация коек	1938 г.		1939 г.		
	Количество коек	Коек на 1000 чел. населения	Количество коек	Коек на 1000 чел. населения	% обеспечения норм Наркомата здравоохранения
Хирургические	1671	1,0	1894	1,09	77,8
Родильные	1632	0,93	1771	1,03	79,2
Инфекционные	1737	1,04	1784	1,03	57,2
Детские неинфекционные	524	0,31	624	0,36	21,1
Туберкулезные	420	0,25	501	0,29	40,8
Глазные	228	0,13	235	0,13	72,2
Кожно-венерологические	303	0,18	313	0,18	38,2
Отоларингологические	152	0,09	157	0,09	28,1
Нервные	215	0,12	240	0,13	28,8
Гинекологические	646	0,33	698	0,40	83,3

* Составлено по: ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 44. Л. 4.

ца 1930-х – начала 1940-х гг. С одной стороны, он находится в тени глобальных изменений в период первых пятилеток, которые затронули фактически все стороны жизни общества и вызвали ряд серьезных кризисов, до сих пор привлекающих внимание ученых (см., напр.: [1; 2; 3; 4; 5]). С другой стороны, внимание исследователей притягивают масштабные изменения в социальной жизни, происшедшие уже в годы Великой Отечественной войны. Для исследователей этого периода (см., напр.: [6; 7; 8]) предвоенные годы служат лишь отправной точкой, с которой можно сравнивать происходившие в военные годы изменения. Таким образом, формально оказываясь в хронологических рамках исследований более масштабных периодов, система здравоохранения рубежа 1930–1940-х гг. рассматривалась исследователями как некая статичная картина. Ее развитие, особенности этого развития остаются не раскрыты. Работы по данной теме исключительно редки [9; 10; 11].

Закрывать эту лауну и призвана настоящая статья, посвященная развитию государственной системы здравоохранения Новосибирской области в 1938–1940 гг. Нижняя граница определяется, с одной стороны, разделением гигантского Западно-Сибирского края на два региона: Новосибирскую область и Алтайский край, а с другой – окончанием второй пятилетки, корректировкой планов социально-экономического развития страны в условиях возрастания военной напряженности. Территориально исследование ограничено Новосибирской областью, включавшей в указанный период в свой состав территорию современных Новосибирской, Кемеровской и Томской областей.

В указанный период медицинская сеть Новосибирской области активно развивалась. В городах области к концу 1938 г. насчитывалось 95 лечебно-стационарных учреждений различного профиля,

рассчитанных на 10 281 койку, к концу 1939 г. – уже 109 (10 618 коек), а к концу 1940 г. – 114 (11 131 койка). В сельской местности на конец 1938 г. имелось 114 лечебно-стационарных учреждений мощностью на 2747 коек, на конец 1939 г. – 132 (3146 коек), а в конце 1940 г. – 145 (3286 коек)¹. Только за два года сеть лечебно-стационарных учреждений области расширилась на четверть: с 209 до 259 учреждений. Но размеры коечного фонда увеличились незначительно: с 13 028 до 14 417 коек. Причины этого заключаются прежде всего в опережающих темпах роста сельской медицинской сети: из 50 новых больниц 31 находилась на селе. Сельские больницы обладали сравнительно небольшой мощностью в 15–20 коек.

Уровень обеспеченности населения лечебно-стационарной помощью несколько возрос. Если в 1938 г. на 1000 чел. городского населения приходилось 5,7 койки, то в 1939 г. – уже 6,2 койки². Впрочем, до разработанных Наркоматом здравоохранения нормативов обеспечения городского населения лечебно-стационарной помощью было еще далеко, уровень обеспеченности 1939 г. составлял лишь 58 % от нормативного показателя. Продолжалась и дальнейшая специализация коечного фонда (табл. 1).

Несмотря на некоторое развитие специализации коечного фонда, положение с отдельными видами специализированной помощи было достаточно тяжелым, прежде всего с количеством туберкулезных, нервных, отоларингологических, кожно-венерологических и детских неинфекционных коек.

Развивалась и сеть амбулаторно-поликлинических учреждений. В городах и рабочих поселках Новосибирской области их количество увеличилось с 226

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 33. Л. 2; Д. 92. Л. 16–16 об.; Д. 168. Л. 16–16 об.

² Там же. Д. 92. Л. 56.

Кадровое обеспечение системы здравоохранения Новосибирской области в 1938–1939 гг. *

Медицинский персонал	1938 г.			1939 г.			1940 г.		
	Штатных ставок	Занятых ставок	Физических лиц (по системе НКЗ)	Штатных ставок	Занятых ставок	Физических лиц (по системе НКЗ)	Штатных ставок	Занятых ставок	Физических лиц (по системе НКЗ)
<i>Врачей</i>									
Город	2809,25	2377,5	1526	2741,5	2365,5	1323	2831,75	2328,75	1803
Село	358,5	205	141	357,25	213,5	140	385	270,25	187
<i>Итого</i>	3167,75	2582,5	1667	3098,75	2579	1463	3216,75	2599	1990
<i>Среднего медицинского персонала</i>									
Город	7010,25	6577,5	2223	7441,75	6997,5	5927	8193,25	7479,75	6558
Село	2392,25	2077,5	978	3117,25	2491,25	2441	3238,5	2858,75	2829
<i>Итого</i>	9402,5	8655	3201	10 559	9488,75	8368	11 431,75	10 338,5	9387

*Составлено по: ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 33. Л. 9 об.–10; Д. 92. Л. 27–28; Д. 168. Л. 27–28.

в 1938 г. до 247 в 1940 г. Возросло и количество задействованного в них врачебного персонала. Если в 1938 г. в городских амбулаторно-поликлинических учреждениях было 1172 штатные врачебные ставки, из которых было занято 958,5; то в 1940 г. – соответственно 1252,5 и 1027,25 ставки³.

Что касается сельской амбулаторно-поликлинической сети, то количество амбулаторно-поликлинических учреждений здесь в 1938 г. составило 176; в 1939 г. – 206; а в 1940 г. снизилось до 200 учреждений. Причины этого видятся в крайне сложной кадровой ситуации на селе. Так, в 1938 г. в сельских амбулаторно-поликлинических учреждениях имелось штатных врачебных ставок 169,5, из которых было занято 90,75, в 1939 г. было уже 185 штатных ставок, из них только 100,25 занятых; а в 1940 г. – 161 штатная ставка и 105,25 занятых. Нехватка врачебных кадров сдерживала развитие амбулаторно-поликлинической помощи на селе и, по-видимому, вследствие этого был скорректирован курс на ее развитие в сторону массового создания различных пунктов фельдшерской помощи. В этот период происходит их бурный рост. Если в 1938 г. на селе насчитывалось 575 учреждений фельдшерской помощи всех типов, то в 1939 г. – уже 745, а в 1940 г. – 870. За два года сеть фельдшерской помощи выросла более чем в 1,5 раза⁴.

Бурное развитие переживала в этот период и сеть санитарно-противоэпидемических учреждений. Если в 1938 г. на всей территории области насчитывалось всего 3 санэпидстанции и ни одного противоэпидемического отряда, то в 1939 г. было уже 5 санэпидстанций и 4 противоэпидемических отряда, а в 1940 г. – 13 санэпидстанций и 73 противоэпидемических отряда. Причем речь идет не только об организационных преобразованиях: общее число ставок в санитар-

но-противоэпидемических учреждениях увеличилось с 88,5 штатных (66 занятых) врачебных ставок и 249,5 штатных (263,5 занятых) ставок среднего медицинского персонала в 1938 г., до 180 штатных (138 занятых) врачебных ставок и 1062,25 штатных (846,25 занятых) ставок среднего медицинского персонала в 1940 г. Если в 1938 г. все медроботники находились в городских поселениях, то в 1940 г. более 300 медроботников работали непосредственно в сельской местности⁵.

Таким образом, сеть медицинских учреждений в 1938–1940 гг. активно развивалась, особенно бурно санитарно-противоэпидемические учреждения, пункты фельдшерско-акушерской помощи, а также врачебно-стационарные учреждения. Характерной чертой являлось опережающее развитие медицинской сети в сельской местности. Не будет преувеличением сказать, что именно в конце 1930-х гг. сельское население впервые в истории массово и на постоянной основе получило возможность пользоваться профессиональной медицинской помощью по месту жительства.

С медицинскими кадрами в предвоенный период сложилась следующая ситуация (табл. 2).

Как видно из табл. 2, ситуация с кадрами была довольно непростой. Прежде всего, следует отметить сокращение почти на 200 чел. количества врачей в 1939 г., вызванное массовой мобилизацией в ряды РККА⁶. Характерно, что при этом показатель укомплектованности ставок, как это ни парадоксально, возрос с 81,5 % в 1938 г. до 83,2 % в 1939 г. Разумеется, достигнуто это было за счет роста показателей совместительства: с 1,5 до 1,8 ставки на одного врача. В 1940 г. количество врачей начало увеличиваться, но наряду с этим произошло снижение показателей укомплектованности и совместительства. В 1940 г. на одно-

³ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 33. Л. 4; Д. 168. Л. 18 об.

⁴ Там же. Л. 5 об.; Д. 92. Л. 19; Д. 168. Л. 19.

⁵ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 33. Л. 9; Д. 92. Л. 25–26 об.; Д. 168. Л. 25–26 об.

⁶ Там же. Д. 92. Л. 57.

го врача приходилось лишь 1,3 ставки. Характерно, что при этом общее количество штатных и занятых ставок в городских поселениях остается фактически стабильным, в то время как в сельской местности происходит существенный их рост.

Другой яркой чертой кадровой ситуации предвоенных лет был резкий рост количества среднего медицинского персонала. За два года (1939–1940 гг.) их количество выросло почти в 3 раза. Источником пополнения являлись прежде всего закончившие учебные заведения медики: если в 1938 г. на село из выпускников учебных заведений было направлено 359 чел. среднего медперсонала, то в 1940 г. – 1280 чел.⁷ Все это позволило снизить нагрузку на средний медперсонал, показатель совместительства снизился с ужасающих 2,7 ставки на человека в 1938 г. до 1,1 ставки в 1940 г., а в сельской местности даже до 1,0 ставки на человека.

Таким образом, основной особенностью кадрового развития в предвоенный период следует считать значительный рост числа медицинских кадров, что избавляло медицинский персонал от перегрузок и позволяло выполнять свои обязанности более качественно.

Материальное положение медицинских работников, особенно сельских, зачастую было крайне тяжелым. Так, двое врачей уехали из Коченево, не дождавшись квартиры, в Тисуле фельдшер Макарова жила в кухне заведующего аптекой, в Крапивинском районе фельдшер жил на чердаке, в Кожевниковском районе медикам три месяца не выдавали зарплату и т.п. Разумеется, все это порождало достаточно высокую текучесть кадров, затрудняло закрепление медиков в сельской местности. Характерна следующая фраза из годового отчета о состоянии здравоохранения в Новосибирской области в 1939 г.: «Надо прямо сказать, что если районы будут в дальнейшем также относиться к медработникам, то сколько бы Облздрав не посылал, эти районы всегда будут без врачей»⁸.

Сложным в 1939–1940 гг. было положение с финансированием. Так, бюджет 1939 г. на 156,1 млн руб. был исполнен на 150,8 млн руб., или на 94,4 %⁹. При этом финансирование, возлагавшееся большей частью на городские и районные бюджеты, осуществлялось крайне нерегулярно.

Возникали сложности с питанием. Больницы Новосибирска испытывали сложности с получением мяса, яиц, мучных изделий, сухофруктов. Суммы, выделяемые на питание больного в день (5 руб.), были недостаточными. Помогали решить проблему подсобные хозяйства, довольно развитые в г. Сталинске (Новокузнецке), Прокопьевске, Анжеро-Судженске, Коченево, Темиртау и т.д.

Тяжелое положение было и с посудой. Так, за первое полугодие 1940 г. на 2437 учреждений, подотчетных облздраву, на приобретение посуды было вы-

делено 4800 руб., т.е. лишь по 2 руб. на учреждение. Мебель в больницах вынуждены были изготавливать самостоятельно, организовывая при них столярные мастерские, так как столярные фабрики не принимали заказы больниц из-за нестандартности больничной мебели.

Сложным было положение и с мягким инвентарем. На 1 койку приходилось 2–2,5 смены белья. В 1939 г. заявка облздраву на приобретение белья и инвентаря на 12,7 млн руб. была выполнена только на 3,5 млн руб.¹⁰

Тем не менее в таких непростых условиях медики продолжали трудиться. Если в 1938 г. во врачебно-стационарные учреждения области поступил 314 791 больной, в 1939 г. – 334 663, а в 1940 г. – 342 852 больных. Рост количества больных во врачебно-стационарных учреждениях составил 8,9 %, при этом в городах их количество возросло на 10,4 %, в селе – на 4,6 %¹¹.

Следует также отметить, что городские врачебно-стационарные учреждения обслуживали и сельское население. В города, как правило, отправляли тяжелых больных, требующих специализированной помощи. За указанный период количество сельских больных, обслуженных городскими медицинскими учреждениями, возросло с 12,7 % от общего числа их пациентов в 1938 г. до 14,7 % в 1940 г.¹²

Об эффективности использования коечного фонда свидетельствует тот факт, что среднее число дней «работы» койки в год составляла в 1938–1939 гг. 328 дней, фактически сравнявшись с нормой, установленной Наркоматом здравоохранения (330 дней), при этом число дней «работы» родильных коек выросло с 276 до 292 дней¹³.

Увеличилось и количество посещений в амбулаторно-поликлинических учреждениях. Если в 1938 г. в городах Новосибирской области состоялось 6 679 266 посещений врача, в 1939 г. – 6 853 245, то в 1940 г. – 7 301 912 посещений. На селе количество посещений врачей несколько снизилось: в 1938 г. было 789 013 посещений, в 1939 г. – 724 453, в 1940 г. – 689 714 посещений¹⁴. Объяснялось это широким распространением фельдшерской помощи на селе, к которой при легких заболеваниях активно прибегали сельские жители. Фельдшерская помощь в этот период резко возросла. Во всех типах фельдшерских учреждений в 1938 г. было 2 110 281 посещение, в 1939 г. – 2 363 307, а в 1940 г. – уже 2 876 714 посещений¹⁵.

Выросли показатели и оказываемой жителям медицинской помощи на дому (табл. 3).

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 44. Л. 47.

¹¹ Рассчитано по: Там же. Д. 33. Л. 3-3об.; Там же. Д. 92. Л. 17 об.; Там же. Д. 168. Л. 17об.

¹² Там же. Д. 33. Л. 3; Д. 168. Л. 16.

¹³ Там же. Д. 92. Л. 56.

¹⁴ Там же. Д. 33. Л. 4–4 об.; Д. 92. Л. 18 об., 20; Д. 168. Л. 18 об., 20.

¹⁵ Рассчитано по: Там же. Д. 33. Л. 5 об.; Д. 92. Л. 19; Д. 168. Л. 19.

⁷ ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 92. Л. 61.

⁸ Там же. Д. 44. Л. 49.

⁹ Там же. Д. 92. Л.80.

Т а б л и ц а 3

Медицинская помощь на дому в Новосибирской области 1938–1940 гг. *

Число посещений	1938 г.		1939 г.		1940 г.	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Врачебных	270 392	22 689	268 329	41 975	337 253	49 721
Среднего медицинского персонала	139 583	45 063	250 452	109 661	394 753	86 790

* Составлено по: Годовой отчет о сети, деятельности и кадрах медицинских учреждений Новосибирской области за 1938 год // ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 33. Л. 5; Годовой отчет о сети, деятельности и кадрах медицинских учреждений Новосибирской области за 1939 год // Там же. Д. 92. Л. 20 об.; Годовой отчет о сети, деятельности и кадрах медицинских учреждений Новосибирской области за 1940 год // Там же. Д. 168. Л. 20 об.

Т а б л и ц а 4

Заболееваемость острозаразными болезнями в Новосибирской области 1937–1940 гг. (количество случаев)*

Заболевание	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Брюшной тиф	3018	1765	2222	2056
Сыпной тиф	3631	2432	1139	956
Корь	22 307	17 999	18 962	25 981
Скарлатина	10 269	8940	7216	4909
Дифтерия	1821	2345	4120	3923
Малярия	90 440	61 748	47 487	31 300
Грипп	61 733	144 961	137 365	223 648
Дизентерия и гемоколит	6026	8056	11257	5170

* Составлено по: ГАНО. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 44. Л. 16; Ф. Р-11. Оп. 2. Д. 612. Л. 57 об.–58.

Расширение медицинской деятельности отражалось на здоровье населения. В результате усилий врачей практически исчезли такие болезни, как оспа и возвратный тиф. В целом снизилась заболеваемость населения острозаразными заболеваниями, что зафиксировано статистикой тех лет (табл. 4).

Из табл. 4 видно, что (за исключением гриппа, рост которого был связан прежде всего с повышением точности статистики; отчасти это верно и для дизентерии и кори, борьба с которой в то время была крайне неэффективна) у всех заболеваний наблюдается ниспадающая динамика. Примечательно, что на протяжении большей части 1930-х гг. такой динамики для указанных заболеваний не было.

Как видим, развитие системы здравоохранения в данный период обладало существенными особенностями, а именно: активным ростом сети медицинских учреждений, постепенным укомплектованием их медицинским персоналом, снижением на него нагрузки и в то же время достаточно сложным положением с обеспеченностью бельем и мебелью, задержками финансирования, необходимостью ремонта зданий, нехваткой приспособленных помещений. Тем не менее в эти годы система здравоохранения в целом активно набирала мощь. Значительных успехов здравоохранение достигло в охвате населения лечебно-профилактической помощью. С ростом числа посещений

в поликлиниках, числа обращений в больницу все большую важность приобретал вопрос не просто об оказании медицинской помощи, но об организации и усилении специализированных ее видов. На более высокий уровень поднялась противоэпидемическая работа: заметные успехи были достигнуты в борьбе с наиболее опасными заразными болезнями (оспой, сыпным и брюшным тифом, малярией), что позволило медикам заняться вплотную лечением менее опасных заболеваний, ранее остававшихся вне круга их пристального внимания – дизентерией, токсической диспепсией и т.д. Именно в предвоенные годы оказание медицинской помощи населению выходит на качественно новый уровень. Дальнейшему поступательному движению помешала война, но остановить этот процесс и она оказалась не в силах. С 1943 г., после восстановления сибирским здравоохранением достигнутых в предвоенный период рубежей, началось резкое снижение смертности населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мохова А.В.* Кадровая политика советского государства в 1930-х гг. (на примере Хакасии) // Известия Алт. гос. ун-та. 2010. № 4–2(68). С. 166–170.
2. *Островкин Д.Л.* Кадровое обеспечение здравоохранения на Урале в 1918–1941 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 4–2. С. 44–49.

3. *Ostrovkin D.L., Popov M.V.* Эпидемическое состояние Уральского региона и борьба с эпидемиями на Урале в 1930-е годы // Вестник Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. 2018. Т. 28, № 1. С. 109–115.

4. *Самсоненко Т.А.* Становление и развитие сельской системы здравоохранения в СССР в 1930-х гг. // Власть. 2015. № 5. С. 146–151.

5. *Сиротина С.Г.* Государственная политика развития советского здравоохранения в 1920-е – 1930-е гг. (на материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006.

6. *Загвоздкин Г.Г.* Цена Победы. Социальная политика военных лет. Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1990. 263 с.

7. *Зинич М.С.* Будни военного лихолетья, 1941–1945. М.: Ин-т Российской истории РАН, 1994. Вып. 2. 143 с.

8. *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск: Изд. дом «Сова», 2008. 378 с.

9. *Кошман Ю.А.* Здравоохранение Ставропольского края накануне Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 1. С. 61–67.

10. *Плисова В.В.* К вопросу о развитии системы здравоохранения народов Севера в предвоенные годы // Технологии развития социальных, экономических и логистических процессов Арктической зоны России: история и современность: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, Краснояр. гос. агр. ун-т. 2017. С. 158–161.

11. *Сиротина С.Г., Михайлова Л.С.* Государственная кадровая политика в сфере здравоохранения в предвоенные десятилетия: опыт и уроки Нижнего Поволжья // Человек. История. Культура. Исторический и философский альманах. Саратов, Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2009. С. 119–126.

REFERENCES

1. *Mokhova A.V.* The personnel policy of the Soviet state in the 1930s (a case of Khakassia). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010, no. 4–2, pp. 166–170. (In Russ.)

2. *Ostrovkin D.L.* Staffing healthcare in the Urals in 1918–1941. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2016, vol. 8, no. 4–2, pp. 44–49. (In Russ.)

3. *Ostrovkin D.L., Popov M.V.* The epidemic state of the Ural region and the fight against epidemics in the Urals in the 1930s. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*. 2018, vol. 28, no. 1, pp. 109–115. (In Russ.)

4. *Samsonenko T.A.* Formation and development of rural health care system in the USSR in the 1930s. *Vlast*, 2015, no. 5, pp. 146–151. (In Russ.)

5. *Sirotnina S.G.* The state policy of developing the Soviet healthcare in the 1920s–1930s (on the Lower Volga region's materials): diss. abstr. Saratov, 2006, 24 p. (In Russ.)

6. *Zagvozdkin G.G.* The Victory price. Social policy during the war years. Kirov, Volgo-Vyat. kn. izd-vo, 1990, 263 p. (In Russ.)

7. *Zinich M.S.* Weekdays the war years, 1941–1945. Moscow, In-t Ross. istorii RAN, 1994, vol. 2, 143 p. (In Russ.)

8. *Isupov V.A.* The Victory's main resource: human potential of West Siberia during the Second World War (1939–1945). Novosibirsk, Sova, 2008, 378 p. (In Russ.)

9. *Koshman Yu.A.* Health care in Stavropol Krai on the eve of the Great Patriotic War. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2018, no. 1, pp. 61–67. (In Russ.)

10. *Plisova V.V.* On developing the healthcare system of the North population in the prewar years. *Tekhnologii razvitiya sotsial'nykh, ekonomicheskikh i logisticheskikh protsessov Arkticheskoy zony Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Krasnoyarsk, 2017, pp. 158–161. (In Russ.)

11. *Sirotnina S.G., Mihailova L.S.* The state personnel policy in the health care sphere in the prewar decades: the Lower Volga region experience and lessons. *Chelovek. Istoriya. Kultura. Istoricheskiy i filosofskiy almanakh*. Saratov, 2009, pp. 119–126. (In Russ.)

Статья принята редакцией 18.09.2018

DOI: 10.15372/HSS20180407
УДК 94(470+571)“1950/1979”

А.А. БУРМАТОВ

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1950–1970 гг.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Куйбышевский филиал
Новосибирского государственного педагогического университета,
РФ, 632387, Новосибирская обл.,
г. Куйбышев, ул. Молодежная, 7

В статье рассматриваются миграции населения Западной Сибири в 1950–1970 гг. На основе статистических данных, полученных от официальных территориальных органов государственной статистики регионов, входящих в Западную Сибирь на момент Всесоюзной переписи населения 1959 г., и материалов обследований населения сельской местности, проведенных учеными-экономистами и статистическими службами в изучаемый период, проводится анализ причин миграции из сел в города, из Сибири в другие регионы страны. Показана ошибочность официальной политики расселения «неперспективных деревень», запоздалость развития региона по отношению к центру страны и вытекающие отсюда негативные последствия для экономики и демографического развития территорий, входящих в регион.

Ключевые слова: Западная Сибирь, городское население, сельское население, миграции, миграционный прирост, неперспективные села, рождаемость, смертность, младенческая смертность.

A.A. BURMATOV

MIGRATION OF WEST SIBERIAN POPULATION IN 1950–1970: CAUSES AND CONSEQUENCES

Novosibirsk State Pedagogical University,
Kuibyshev branch
7, Molodezchnaya str., Kuibyshev, Novosibirsk region,
632387, Russian Federation

The article examines migrations of West Siberian population in 1950–1970. This region is of paramount importance for the national economy. Located in the geographical center of the country, West Siberia is a sparsely populated region experiencing a permanent shortage of labor resources.

The author analyzes migration causes from villages to regional cities and from Siberia to other regions of the country based on statistical data obtained from the official territorial bodies of state statistics of regions within West Siberia at the moment of All-Union Population Census of 1959, and the materials of rural population surveys carried out by economic and statistical services during the period under study. The specific material shows the fallacy of the official policy of resettling “unpromising villages”, the belated development of the region as compared to the center areas of the country, and resulting negative consequences for the regional economy and demographic development.

The paper considers the negative impact of migrations on the rural areas of the region, especially those under pressure of the administrative and power structures. In particular, it shows how the policy of enlarging villages contributed to decrease of rural residents, reducing the birth rate of the rural population and slowing down the mortality descension, including the infant mortality. The article analyzes data at a district level, which makes them unique for research, as they haven't been considered and published from this perspective since the late 1920s. It analyzes motives that prompted the population to leave their native places and the size of migration outflow from West Siberia.

The author used data of the statistical department, archival materials, publications previously intended only for official use by power structures.

Key words: West Siberia, urban population, rural population, migration, net migration, unpromising villages, fertility, mortality, infant mortality.

Александр Анатольевич Бурматов – канд. ист. наук, доцент, Куйбышевский филиал Новосибирского государственного педагогического университета, e-mail: al-burmatov@yandex.ru.

Alexander A. Burmatov – candidate of historical sciences, associate professor, Kuibyshev Branch of Novosibirsk State Pedagogical University.

Цель статьи – проследить причины и последствия миграции населения Западной Сибири в 1950–1970 гг. Работ, посвященных населению Западной Сибири, немного. В коллективной монографии «Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в Западной Сибири» естественному и миграционному движению населения уделяется мало места [1]. Книга Е.Л. Малинина, А.К. Ушакова [2], изданная в период особенно сильных цензурных ограничений, не могла претендовать на полноту освещения темы. Труды В.И. Переведенцева посвящены миграциям и методам их изучения [3; 4; 5; 6]. Население Западной Сибири рассматривается в них как составная часть населения Азиатской России. Экономисты подготовили справочное издание по развитию Западной Сибири, содержащее характеристики городов и подрайонов. Это позволяет увидеть и понять причины миграций из региона, а также политику властей, направленную на развитие тех городов и отраслей хозяйства, которые позволяли снизить миграцию из региона [7]. В коллективной монографии «Население Западной Сибири в XX веке» рассматриваемому нами периоду 1950–1970 гг. уделено незначительное внимание [8]. В исследовании «Демографическая история Западной Сибири» о причинах массового исхода жителей деревень и небольших городов региона говорится весьма кратко [9]. В монографии о миграциях населения Азиатской России [10] население интересующего нас региона зачастую не выделяется и не изучается. Полезной представляется монография Л.В. Зандановой [11], посвященная переселениям крестьянства в Сибирь и на Дальний Восток. Особый интерес представляют публикации, посвященные пространственному перемещению сельского населения, такие как «Методика выборочного обследования миграции сельского населения» [12], «Миграция сельского населения» [13], материалы конференций [14; 15; 16].

Основными источниками для исследования избранной нами являются официальные статистические публикации, данные текущей статистики и материалы архивных фондов статистических органов регионов Западной Сибири. В управления статистики стекалась вся информация с мест. Каждый территориальный статистический орган выполнял расчеты, составлял динамические ряды по численности населения, рождаемости, смертности, которые иногда отличались от данных ЦСУ РСФСР. Исходя из этого, нами был сделан запрос непосредственно в статистические органы регионов, входящих в Западную Сибирь. Официальные ответы содержали данные о численности населения, абсолютные показатели о числе родившихся и умерших (в том числе до года), показатели естественного движения за 1950–1970 гг. Не предоставили такую информацию из Горного Алтая. Западная Сибирь понимается в рамках экономического районирования тех лет: Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области¹.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. С. 70.

Сибирь – огромный и малонаселенный регион, в котором остро ощущается нехватка рабочих рук. С начала 1950-х гг. Сибирь стала терять население в результате миграций. В 1960 г. В.И. Переведенцев отмечал: «за 10 лет (1950–1959 гг.) в Сибирь было направлено по различным формам организованного территориального перераспределения рабочей силы (оргнабор, общественные призывы, сельскохозяйственное переселение, направление после окончания учебных заведений, переводы по работе и т.д.) порядка 1 млн 300 тыс. чел. За это же время общий прирост численности населения Сибири за счет территориального перераспределения населения составил всего 90 тыс. чел.; при этом Восточная Сибирь получила 400 тыс. чел., а Западная – потеряла 310 тыс.» [3, с. 27]. В тех условиях ученый не мог назвать истинные причины выезда населения из Сибири. Наши подсчеты, сделанные на основе официальных ответов территориальных статистических органов, показали, что нетто-миграция составила отрицательную величину 255,5 тыс. чел. (без Горного Алтая и Тюменской области). Миграционный приток наблюдался в 1950 г. (10,1 тыс. чел.), в годы освоения целины (1954 г. – 54,2 тыс., в 1955 г. – 115,5 тыс. чел.). В 1951 г. чистый отток составил 63,7 тыс. чел., в 1952 г. – 46,1 тыс., в 1953 г. – 50,0 тыс. чел. Его можно связать с возвращением эвакуируемого населения на места прежнего проживания и миграцией на Дальний Восток и Среднюю Азию. Исследователи в 1960-х гг. констатировали неэффективность миграционных потоков и нерациональное использование рабочей силы. В.И. Переведенцев писал: «отток из сибирского села... вынуждает государство затрачивать значительные средства и усилия для пополнения сельского хозяйства Сибири рабочей силой в порядке общественно-организованного территориального перераспределения... Направление молодежи на освоение целинных... земель в Западной Сибири потребовалось лишь потому, что значительная часть местного населения выбыла из западносибирского села» [4, с. 87–89].

В 1956–1957 гг. миграционный отток из региона Западной Сибири стал значительным, а нетто-миграция отрицательной (в 1957 г. – 40,9 тыс. чел., в 1957 г. – 79,7 тыс., в 1958 г. – 84,5 тыс., в 1959 г. – 70,3 тыс. чел.). Частично это можно объяснить восстановлением автономий чеченцев, ингушей и калмыков и в связи с этим их оттоком из Сибири. После 1960 г. постоянный отток населения из региона свидетельствовал прежде всего о менее благоприятных условиях проживания в Западной Сибири, отставании в социально-экономическом развитии региона («ни климата, ни зарплаты») от регионов Европейской России. Селение неперспективных деревень, отсутствие дорог, холодный климат, неразвитая промышленность, отставание в аграрном секторе, повышение уровня грамотности и нереализованные профессиональные ожидания молодежи – далеко не полный перечень причин выезда из Сибири. Города региона не могли аккумулировать мигрантов из

сел. Они были в достаточном количестве обеспечены собственными трудовыми ресурсами. Предложить новые предприятия государство не могло, а осознание необходимости развития малых городов пришло позже. Прирост городов Западной Сибири замедлился. Малые и средние города не могли предоставить мигрантам и своим подрастающим горожанам ни работу, ни жилье. Большие города не могли вместить всех желающих. Миграционная емкость городских поселений оказалась небольшой. Города Западной Сибири смогли аккумулировать в 1961–1965 гг. 461 тыс. чел., в 1966–1970 гг. 360 тыс. чел. чистого миграционного прироста [2, с. 44].

На снижение численности сельских жителей заметно повлияло решение об укрупнении сельских населенных пунктов. В 1959 г. в Новосибирской области в них проживало 1023 тыс. чел., в 1970 г. – 866,7 тыс. чел. В 1959 г. населенных пунктов, по которым велась разработка материалов переписи, насчитывалось 3123, в 1970 г. – 2172². В Новосибирской области с 1958 по 1965 г. исчезло «за счет укрупнения существующих» 858 деревень³. Об административном давлении на село говорят следующие факты. В 1959–1972 гг. в Новосибирской области было закрыто 725 начальных школ, т.е. по 50–70 школ ежегодно. В 1967 г. в сельской начальной школе обучалось в среднем – по 33 учащихся, то в 1972 г. – 22. Наличие большого числа «карликовых» школ «не оправдано ни с экономической, ни социальной точек зрения». Сокращение числа школ объяснялось «социально-демографическими процессами». Это явление было названо «безусловно положительным», и в нем нужно усматривать «реакцию органов управления на сложившуюся ситуацию (покинутые населением села, отсутствие детей 7–10-летнего возраста), нежели целенаправленную политику» [17, с. 47]. Закрытие в деревне школы (тем более начальной) означало и быструю ликвидацию самого населенного пункта. Вряд ли исследователи имели ясное представление о чаяниях сельских обывателей, ибо в этот период районные газеты уже были засыпаны письмами читателей, требующих прекращения политики сселения деревень. Потоки писем шли во все властные структуры и центральную прессу.

К началу 1970-х гг. детей объективно было мало, а политика сселения деревень, признанных властями неперспективными, уже дала свои плоды. Жителям многих деревень напрямую указывали на необходимость уезжать. Это была не реакция на ситуацию, а давление на строптивное население, упорно державшееся за родные места. Ставка на переселения в крупные села себя не могла оправдать, ибо жизнь в них почти не отличалась от небольших деревень, а переезжать

² Население Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). Новосибирск, 1971. С. 5; Сельские населенные места Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.). Новосибирск, 1961. С. 6. На момент проведения переписи их насчитывалось 3,3 тыс.

³ Развитие культуры и здравоохранения Новосибирской области. Новосибирск, 1966. С. 1.

крестьянин стремился один раз. Население стало выезжать в города и за пределы региона.

К 1971 г. были составлены планы-схемы районной планировки населенных пунктов. Обосновывалась «новая система расселения» экономической целесообразностью. Вмешательство в исторически сложившуюся форму расселения привело к негативным экономическим и демографическим последствиям. Обострилась проблема нехватки рабочих рук, что было вызвано массовым оттоком жителей из сел. Выезд из сел женщин в возрасте 16–24 лет привел к деформации половозрастной структуры населения – резко увеличилась доля старших возрастов, мужское население в молодых возрастах превысило женское. Нехватка невест в селах стимулировала отток женихов, снижение рождаемости, рост алкоголизма и смертности. Ситуация обострялась непродуманной социальной и демографической политикой, приводившей к постепенному численному сокращению крестьянства. Рассмотрим это на примере Новосибирской области (табл. 1). В районах с сельским населением численность жителей постоянно сокращалась. В 1956–1961 гг. отток населения был высоким, но численность населения поддерживалась высоким естественным приростом (до 3 % в год).

С 1962 г. падение численности жителей ускоряется, одновременно сокращается рождаемость и смертность. Численность населения в селах существенно уменьшается. Изменения в возрастной структуре села не могли проявиться в снижении рождаемости к 1962 г. Многочисленные поколения, рожденные после запрещения аборт в конце 1930-х гг., входили в основной фертильный возраст (возрастные когорты 1937–1940 гг. рождения в 1962 г. находились в возрасте 22–25 лет). Падение рождаемости до 1964 г. происходило из-за сокращения интенсивности рождений, снижения числа детей в семьях, ускоренного опасением заводить детей в сельских пунктах, которые попадали или могли попасть под сселение в ближайшие годы. В 1958–1959 гг. интенсивность рождений у женщин в возрастах 20–24 лет и 25–29 лет не отличалась, но к 1962–1963 гг. в возрасте 25–29 лет произошло снижение показателей рождаемости, а у 20–24-летних они не изменились [4, с. 22]. У молодежи, продолжавшей обучение, рождаемость не снижалась, а в группе, которая уже начала работать, тенденция проявилась отчетливо. Последние в сельской местности попали под удар политики «неперспективных деревень», а выехав из сел, зачастую испытывали жилищные и материальные проблемы на новом месте в городе. Усиленное административное давление пришлось на годы семилетки, тогда и произошло основное снижение рождаемости. Естественный прирост снизился с 23,4–29,8 ‰ в 1959 г. до 11–14 ‰ в 1965 г., т.е. вдвое, а 1966–1967 гг. до 6–8 ‰, т.е. в 4–5 раз (табл. 2).

Снижение рождаемости привело к снижению общей смертности населения в сельской местности, ибо из-за высокой смертности детей доля их в числе умерших была велика. В конце 1950-х гг. смертность детей

Т а б л и ц а 1

**Численность населения районов Новосибирской области с исключительно сельским населением
(1958 – 1967), тыс. чел. на начало года***

Район	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.
Баганский	24,5	25,2	24,6	25,0	24,5	24,1	23,6	23,0	22,8
Барабинский	24,5	25,2	25,4	25,6	26,0	25,6	25,7	25,0	26,0
Венгеровский	34,5	34,2	34,5	34,5	34,0	33,8	33,7	34,4	33,4
Доволенский	31,6	31,6	31,6	32,3	33,7	33,5	31,5	30,8	30,2
Здвинский	25,9	26,2	26,8	27,4	27,8	26,7	26,3	26,4	26,0
Колыванский	45,0	43,2	42,6	42,7	42,3	41,9	39,2	39,0	38,6
Кочковский	20,7	20,7	21,0	21,6	22,7	22,7	21,5	20,9	20,9
Куйбышевский	33,0	33,0	32,8	33,3	33,6	33,7	33,5	33,5	32,8
Кыштовский	32,9	31,6	29,9	29,0	29,2	29,4	29,2	28,4	28,0
Северный	17,9	16,8	16,2	16,3	16,5	16,6	16,4	16,3	16,2
Татарский	35,3	35,6	35,3	36,1	36,8	35,2	34,8	34,4	34,2
Убинский	32,5	30,8	30,5	31,2	31,3	31,3	31,4	30,4	30,4
Усть-Тарский	20,2	20,1	20,2	20,4	21,9	21,1	20,6	20,7	20,0
Область, село	1023,9	1016,3	1000,8	1010,0	1009,6	993,2	968,4	946,2	930,9

* Численность населения и развитие здравоохранения Новосибирской области. Новосибирск, 1959. С. 3. Статистический бюллетень. Новосибирск, 1961. № 9(43). С. 1–3; Развитие культуры и здравоохранения Новосибирской области. Новосибирск, 1966. С. 61–63; Развитие здравоохранения Новосибирской области. Новосибирск, 1967. С. 2–6; Естественное и механическое движения населения Новосибирской области. Новосибирск, 1968. С. 2, 14–17, 23; Здравоохранение Новосибирской области. Новосибирск, 1969. С. 5, 7–11.

Т а б л и ц а 2

**Динамика основных демографических показателей районов Новосибирской области
с исключительно сельским населением (1958–1967 гг.), %***

Район	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1964 г.	1965 г.	1966 г.	1967 г.
1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Рождаемость</i>							
Баганский	37,7	36,4	35,5	24,8	19,2	19,5	17,9
Барабинский	41,3	36,5	36,4	22,3	19,2	16,6	14,2
Венгеровский	33,3	32,6	32,6	14,8	17,4	16,4	14,5
Доволенский	38,3	34,8	35,9	20,4	21,2	17,6	18,7
Здвинский	34,1	36,1	36,1	18,9	19,8	17,0	15,5
Колыванский	29,3	27,5	26,4	13,9	15,9	13,0	12,0
Кочковский	35,9	36,7	36,4	20,0	20,3	20,8	17,2
Куйбышевский	35,4	37,2	33,1	20,5	18,9	15,8	11,7
Кыштовский	32,1	31,5	29,5	22,9	20,3	18,0	17,6
Северный	36,7	33,7	32,1	19,0	14,9	18,6	16,1
Татарский	37,9	34,3	34,7	20,3	19,6	18,1	18,0
Убинский	36,4	35,2	34,2	19,6	19,2	19,6	18,6
Усть-Тарский	31,2	31,3	32,2	22,4	17,8	18,2	16,3
Область, село	32,8	31,0	30,8	19,3	18,0	16,7	15,6
<i>Смертность</i>							
Баганский	6,4	9,6	7,3	6,5	6,4	6,5	6,0
Барабинский	8,9	8,6	7,4	6,5	7,8	6,5	7,3
Венгеровский	8,0	9,2	8,6	5,4	7,4	7,4	8,5
Доволенский	9,1	8,2	8,1	5,8	6,2	7,5	6,3
Здвинский	8,5	8,7	7,8	6,4	7,3	7,0	7,0
Колыванский	5,8	7,1	6,1	6,0	7,2	7,4	7,7

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
Кочковский	6,7	9,3	6,7	5,7	6,8	6,0	6,3
Куйбышевский	8,3	7,5	7,8	6,1	6,7	6,3	7,2
Кыштовский	9,1	7,9	7,9	7,3	8,6	7,9	7,8
Северный	7,5	6,8	8,5	5,9	7,2	7,3	8,9
Татарский	7,3	8,6	7,9	7,6	6,7	7,8	7,4
Убинский	7,5	8,2	6,6	6,2	6,5	6,8	6,2
Усть-Тарский	4,5	7,1	6,3	5,2	5,9	5,9	6,8
Область, село	7,8	8,0	7,4	7,0	7,4	7,5	7,8
<i>В том числе младенческая смертность</i>							
Баганский	38,3	58,4	41,6	33,9	20,2	22,4	24,0
Барабинский	53,8	45,6	34,9	38,8	29,0	18,0	17,9
Венгеровский	40,7	60,9	58,2	21,0	25,3	26,6	33,7
Доволенский	52,0	58,7	31,9	19,4	16,6	19,0	10,9
Здвинский	39,4	53,3	41,0	14,3	25,1	17,0	12,0
Колыванский	29,6	47,4	18,0	26,7	22,4	27,5	16,9
Кочковский	32,8	63,5	23,6	23,6	24,7	13,8	23,5
Куйбышевский	60,0	49,8	41,4	29,1	18,3	14,2	32,8
Кыштовский	86,8	56,3	55,7	37,7	24,5	26,2	10,1
Северный	56,6	30,2	43,3	32,7	26,0	19,9	14,5
Татарский	36,3	48,5	35,0	35,8	21,8	17,2	23,9
Убинский	52,4	70,8	54,9	36,3	25,1	18,5	15,6
Усть-Тарский	19,4	25,6	37,3	28,5	15,0	10,8	23,5
Область, село	48,3	52,0	36,5	28,2	23,0	21,2	20,3

* Составлено по источникам табл. 1.

до 1 года за три смежных года существенно колебалась, что свидетельствовало о начале снижения смертности младенцев. В годы наибольшего административного давления на село, которое объективно тормозило его социальное развитие, младенческая смертность почти не снижалась. Власть не только потеряла потенциальные рождения, но и не предотвратила многие смерти новорожденных. Отмечалось и значительное увеличение интенсивности смертности в старших возрастах⁴. С 1964 г. общий показатель смертности в селах увеличивался постоянно, отмечался рост интенсивности смертности в трудоспособных (вызванных ростом травматизма и алкоголизацией) и старших возрастах (частично вызванное улучшением статистического учета).

О причинах оттока жителей из села свидетельствуют данные обследования, проведенного в 1967 г. облстатом совместно с администрацией Новосибирской области. Всего проанкетировано 5 тыс. хозяйств в 211 селах и деревнях. Целью исследований было выявление причин более резкого снижения численности населения в области, чем в целом по РСФСР. По данным за 1962–1966 гг., численность сельского населения области сократилась на 56 тыс. чел., или на 5,6 % (в РФ на 3,1 %). Естественный прирост перекрывал

миграционный отток в города на 61 %. Уход молодежи из сел Новосибирской области начинался раньше, чем в других районах страны. Причины этого, по мнению проводивших обследование, были следующие: стремление жить в крупных селах, ухудшение культурно-бытовых условий. Решающее значение имели плохие условия труда в колхозах, совхозах, лесхозах. Взрослые жители села, среди которых 21 % хотел бы сменить место жительства, указали аналогичные причины. Стремление к лучшим условиям труда выразили 14,4 % опрошенных, к большему свободному времени – 14,2, лучшему обслуживанию населения – 14, к более интересной и разнообразной работе – 17 %, более высоким заработкам в городе – 5 %. Желание получить образование и жить в более культурной среде назвали 28 % респондентов. Среди выпускников школ (10-й класс) 72 % хотели бы покинуть село для продолжения учебы, 12 % – для работы. Среди учащихся 8–9-х классов работать на селе хотели бы 50 %⁵.

В большинстве обследованных сел сокращение числа жителей составляло от 20 до 40 %. В 20 пунктах население увеличилось более чем на 10 %. В основном сокращалась численность молодежи и детей до 5 лет. В селах, где общее сокращение населения составило

⁴ Развитие культуры и здравоохранения Новосибирской области: стат. сб. Новосибирск: Облстат, 1966 (июнь). С. 64.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 129–133.

Взаимозависимость миграции и естественного движения в селах Новосибирской области
(данные обследования 1967 г.), %*

Группа сел, где число жителей	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
	<i>Уменьшилась</i>		
на 40 % и больше	13,0	5,2	7,8
на 20–40 %	19,0	6,0	13,0
до 20 %	20,0	6,9	13,1
	<i>Возросло</i>		
до 10 %	20,0	6,7	13,3
на 10 % и выше	29,0	10,6	18,4

*Составлено и подсчитано по: ГАНО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 8666. Л. 131.

свыше 40 %, численность 20–24-летних уменьшилась на 86 %, а детей до 5 лет – на 68 %. В группе сел, где число жителей сократилось на 20–40 %, детей до 5 лет стало меньше на 45 %, а молодежи – на 79 %⁶ (табл. 3). Низкая смертность в селах, где наблюдался отток жителей, объяснялась следующими причинами. Сокращение рождаемости приводило к уменьшению доли детей, имевших повышенные показатели смертности. Отток молодежи способствовал снижению смертности от травматизма. Выезд лиц средних и старших возрастов временно улучшал показатели смертности, так как из сел дети вывозили в первую очередь своих престарелых родителей. Данная особенность низкой смертности в неперспективных селах, где наблюдался отток жителей, отмечена исследователями в середине 1970-х гг. XX в.: «Чем выше доля престарелого населения, тем выше, при прочих равных условиях, общий коэффициент смертности и тем меньше число умерших в расчете на 1000 престарелых» [18, с. 61]. Создается впечатление, что старики в умирающих селах пытались «дожить» (дождаться, когда их заберут дети или не дать погаснуть своему селению быстро, помочь соседям и т.д.). Психологический фактор мог оказаться в этом случае решающим.

При изучении динамики численности сельского населения необходимо учесть следующее. Во-первых, снижение числа жителей в селах было непостоянным. Во-вторых, в отдельные периоды (во время освоения целинных и залежных земель) сельское население имело механический прирост. В-третьих, для Западной Сибири был характерен отток не только сельского населения, но и населения из небольших городов, что обусловило общее отрицательное миграционное сальдо.

Миграционные возможности села быстро исчерпывались. Села покидали не только молодые, но и люди среднего возраста, а переселялись не только в города региона, но и продолжали покидать Сибирь. Не увеличилось население Кемеровской области и Алтайского края, т.е. миграционные потери

сравнивались с естественным приростом. Уменьшилось население десяти городов Кемеровской области, трех – в Новосибирской. Другими словами, население покидало и малые города, которые не могли предоставить ни работу, ни жилье. Уровень жизни в Западной Сибири был на 10–15 % ниже, чем в целом по РСФСР, а по отношению к Центральному экономическому району – на 18–22 % ниже. Доходы от личного хозяйства сибиряков неуклонно снижались в течение 1960-х гг. На 10 % была ниже обеспеченность жильем и культурно-бытовыми товарами, хуже снабжение товарами и выше отложенный спрос. При этом затраты на одежду, обувь и питания были существенно выше [1, с. 131–190].

Миграционная убыль составила за 20 лет 1045,0 тыс. чел., или 1/3 естественного прироста (без Тюменской области и Горного Алтая). Миграционный прирост отмечался в 1950 г. и в годы освоения целины (в 1954 г. – 54,2 тыс. чел., в 1955 г. – 115,5 тыс. чел.). С 1956 г. нетто-миграция стала отрицательной. В конце 1950-х гг. она достигала 80 тыс. чел. В 1963 г. зарегистрирована миграционная убыль 170 тыс. чел., что вдвое превышало среднегодовую механическую убыль в 1957–1959 гг. С 1964 г. величина миграционной убыли снижается, но превышает показатели 1957–1959 гг. в 1,5–1,7 раза. Чистый отток населения составлял в 1956–1960 гг. 292,1 тыс. чел., в 1961–1965 гг. – 374,9 тыс., в 1966–1969 гг. – 398 тыс. чел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в Западной Сибири. 1959–1980 гг.: в 2 ч. Новосибирск, 1970. Ч. 1 / науч. ред. Е.Д. Малинин. 239 с.
2. Малинин Е.Л., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976. 168 с.
3. Переведенцев В.И. Методика изучения механического движения населения // Вопросы районного баланса и использования трудовых ресурсов Сибири и Дальнего Востока / ред. Н.М. Кокосов, Л.В. Стародубова, В.А. Гаврилов. Новосибирск, 1960. Вып. II. С. 27–34.
4. Переведенцев В.И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск, 1965. 96 с.

⁶ Там же. Л. 131.

5. *Переведенцев В.И.* Миграция населения и трудовые ресурсы Сибири. Новосибирск, 1966. 192 с.

6. *Переведенцев В.И.* Методы изучения миграции населения. М., 1975. 232 с.

7. Западно-Сибирский экономический район / отв. ред. А.Б. Марголин. М., 1967. 252 с.

8. Население Западной Сибири в XX веке / отв. ред. Н.Я. Гушин, В.А. Исупов. Новосибирск, 1997. 172 с.

9. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX в.) / А.А. Бурматов, О.Б. Дашинамжилов, В.А. Зверев, В.А. Исупов, Н.С. Коробейникова, В.А. Ламин, М.А. Семенов; отв. ред. В.А. Исупов. Новосибирск, 2017. 350 с.

10. Миграции населения Азиатской России: конец XIX – начало XXI в. Новосибирск, 2011. 392 с.

11. *Занданова Л.В.* Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40-х – середина 60-х гг. XX века). Иркутск, 1997. 158 с.

12. Методика выборочного обследования миграции сельского населения / под ред. Т.И. Заславской, В.Д. Миркина, К.Ф. Ершовой. Новосибирск, 1969. 168 с.

13. Миграция сельского населения / под ред. Т.И. Заславской. М., 1970. 348 с.

14. Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования / под ред. Т.И. Заславской. Новосибирск, 1969. 128 с.

15. Современная сибирская деревня (некоторые проблемы социального развития): в 2 ч. Новосибирск, 1975. Ч. I: Проблемы демографического и социально-экономического развития деревни / науч. ред. Т.И. Заславская, В.А. Калмык. 186 с.

16. Современная сибирская деревня (некоторые проблемы социального развития): в 2 ч. Новосибирск, 1975. Ч. II: Проблемы урбанизации образа жизни сельского населения / науч. ред. Т.И. Заславская, В.А. Калмык. 110 с.

17. *Борисова Л.Г., Глебова Ю.А., Костюк В.Г.* Школа и проблемы сельского расселения // Современная сибирская деревня (некоторые проблемы социального развития): в 2 ч. Новосибирск, 1975. Ч. II / науч. ред. Т.И. Заславская, В.А. Калмык. С. 41–51.

18. *Заславская Т.И., Ляшенко Л.П.* Некоторые закономерности демографического развития деревни в условиях индустриализации и урбанизации // Современная сибирская деревня (некоторые проблемы социального развития): в 2 ч. Новосибирск, 1975. Ч. I / науч. ред. Т.И. Заславская, В.А. Калмык. С. 42–71.

REFERENCES

1. *Malinin E.D.* (ed.) Population, labor resources and living standards in West Siberia. 1959–1980. Novosibirsk, 1970, pt. 1, 239 p. (In Russ.)

2. *Malinin E.L., Ushakov A.K.* Siberian population. Moscow, 1976, 168 p. (In Russ.)

3. *Perevedentsev V.I.* The method of studying the population mechanical movement. *Voprosy rayonnogo balansa i ispol'zovaniya trudovykh resursov Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 1960, iss. 2, pp. 27–34. (In Russ.)

4. *Perevedentsev V.I.* Modern migration of the West Siberian population. Novosibirsk, 1965, 96 p. (In Russ.)

5. *Perevedentsev V.I.* Population migration and labor resources of Siberia. Novosibirsk, 1966, 192 p. (In Russ.)

6. *Perevedentsev V.I.* Methodics to study population migration. Moscow, 1975, 232 p. (In Russ.)

7. *Margolin A.B.* (ed.) The West-Siberian economic region. Moscow, 1967, 252 p. (In Russ.)

8. *Gushchin N.Ya., Isupov V.A.* (eds.) The West Siberian population in the XX century. Novosibirsk, 1997, 172 p. (In Russ.)

9. *Burmatov A.A., Dashinamzhirov O.B., Zverev V.A., Isupov V.A., Korobeinikova N.S., Lamin V.A., Semenov M.A.* The demographic history of West Siberia (the late XIX–XX centuries). Novosibirsk, 2017, 350 p. (In Russ.)

10. *Vashchuk A.S., Chernolutskaya E.N., Larin V.L. et al.* Migrations of the population of Asian Russia: the late XIX – early XXI centuries. Novosibirsk, 2011, 392 p. (In Russ.)

11. *Zandanova L.V.* Resettling the peasantry in Asian Russia (late 40s – mid-60s of the XX century). Irkutsk, 1997, 158 p. (In Russ.)

12. *Zaslavskaya T.I., Mirkin V.D., Ershova K.F.* (eds.) The method of selective survey of rural population migration. Novosibirsk, 1969, 168 p. (In Russ.)

13. *Zaslavskaya T.I.* (ed.) The rural population migration. Moscow, 1970, 348 p. (In Russ.)

14. *Zaslavskaya T. I.* (ed.) The rural population migration: goals, objectives and methods of regulation. Novosibirsk, 1969, 128 p. (In Russ.)

15. *Zaslavskaya T.I., Kalmyk V.A.* (eds.) The modern Siberian village (some problems of social development). Novosibirsk, 1975, pt. 1: Problems of village demographic and socio-economic development, 186 p. (In Russ.)

16. *Zaslavskaya T.I., Kalmyk V.A.* (eds.) The modern Siberian village (some problems of social development). Novosibirsk, 1975, pt. 2: Urbanization problems of the rural population way of life, 110 p. (In Russ.)

17. *Borisova L.G., Glebova Yu.A., Kostyuk V.G.* School and problems of rural settlement. *Sovremennaya sibirskaya derevnya (nekotorye problemy sotsial'nogo razvitiya)*. Novosibirsk, 1975, pt. 2, pp. 41–51. (In Russ.)

18. *Zaslavskaya T.I., Lyashenko L.P.* Some regularities of rural demographic development under conditions of industrialization and urbanization. *Sovremennaya sibirskaya derevnya (nekotorye problemy sotsial'nogo razvitiya)*. Novosibirsk, 1975, pt. 1, pp. 42–71. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 21.06.2018

DOI: 10.15372/HSS20180408
УДК 94 (571.1) "1959/1989"

О.Б. ДАШИНАМЖИЛОВ

УРБАНИЗАЦИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960–1980-е гг.: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СМЕРТНОСТИ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается взаимосвязь процесса урбанизации и смертности городского населения на востоке страны. Показаны исторические особенности социально-экономического развития западносибирских регионов и их влияние на численность горожан. Выявлены основные типы урбанизации и проанализированы возникшие в этой связи различия в средней продолжительности жизни. Большое внимание уделено изучению факторов смертности. Показана довольно тесная корреляция смертности и урбанизации при незначительном территориальном разбросе показателей продолжительности жизни. Сделан вывод о том, что характер и уровень социально-экономического развития регионов оказывали непосредственное влияние на смертность населения, особенно в районах нового хозяйственного освоения.

Ключевые слова: историческая демография, Западная Сибирь, урбанизация, население, смертность, регион, средняя продолжительность жизни, экономическое развитие.

O.B. DASHINAMZHILOV

WESTERN SIBERIAN URBANIZATION IN 1960s–1980s: AREA-SPECIFIC MORTALITY

Institute of History SB RAS,
8 Nikolayeva Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The historical development of the country in the post-revolutionary period is characterized by the active urban development processes. Cities' intensive formation had a serious impact on demographic processes including population reproduction. Consequently, it is important to study relationships between the regional dynamics of urbanization and urban population mortality. The article objective is to investigate an average life expectancy in different regions. The research methods are statistical and mathematical ones; methodology of research is based on the urbanization transition theory.

Due to evacuation of industrial enterprises during World War II the significance of regional centers in economics and population of Novosibirsk, Tomsk and Omsk regions increased considerably. Urbanization development in Kuzbass and Tyumen regions occurred according to another scenario, because of rich natural resources. It predetermined forming new industrial factories and settlements near them. The growth of cities was very fast, many new municipalities developed. In addition to regional centers several powerful industrial cities with a population of more than 100,000 people appeared.

Multi-vector urbanization development in West Siberia impacted the regional dynamics of an average life expectancy. Regions with administrative centers' domination showed the high level of education, large share of employees and office workers applied in the intellectual sphere with low rates of mortality. Flows of primarily low- and mid-skilled workers and low increase of employees' share in Kuzbass and Tyumen regions influenced the population mortality. The formation of industry took place in undeveloped areas, where there were many amenities of life. Altay region stands apart due to another way of urbanization development there.

Thus, the research analysis showed a rather close correlation between mortality and urbanization, although the territorial spread of indicators was generally small.

Key words: historical demography, West Siberia, urbanization, population, mortality, region, average life expectancy, economic development.

Историческое развитие страны в послереволюционный период характеризуется масштабными изменениями в жизни общества, в том числе активными

процессами градообразования. Доля горожан в России за короткий промежуток времени достигла половины всех ее жителей (в 1958 г.), что не могло не оказать се-

Одон Борисович Дашинамжилов – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: Odon@bk.ru.

Odon B. Dashinamzhilov – candidate of historical sciences, research fellow, Institute of History SB RAS.

резного влияния на демографические процессы, особенно на воспроизводство населения. Общеизвестно понижающее воздействие урбанизации на рождаемость, однако ее связь со смертностью изучена гораздо меньше. При этом формирование городских поселений имело значительную специфику не только в пределах страны, но и ее регионов. В связи с этим представляет интерес изучение взаимосвязей региональной динамики урбанизации и смертности городского населения.

Изучению смертности в отличие от рождаемости уделялось меньше внимания. Этому препятствовала политизированность темы, которую усугублял рост смертности, отмеченный в СССР во второй половине 1960-х – 1970-е гг. Важный вклад в изучение проблемы внесли М.С. Бедный [1] и Б.Ц. Урланис [2]. Специфика смертности в восточных районах рассматривалась в работах Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова «Население Сибири» (М., 1976), В.В. Воробьева «Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования)» (Новосибирск, 1977), Е.М. Левицкого [3], С.В. Соболевой [4]. К изучению смертности в Сибири в 1960–1980-е гг. позднее подключились непосредственно историки. В трудах Н.Я. Гущина [5], В.А. Исупова [6], Л.Н. Славинной [7] ретроспективному анализу смертности, социальным и экономическим ее факторам уделялось большое внимание. Вместе с тем в городах Западной Сибири она изучена пока недостаточно. Не выявлены показатели средней продолжительности жизни, ее особенности в разных регионах Западной Сибири, взаимосвязь с урбанизационными процессами.

Развитие городов во второй половине XX в. имело значительную региональную специфику. К концу 1950-х гг. в крупных административных и промышленных центрах РСФСР (100,0 тыс. чел и выше) проживало около половины всех ее городских жителей, тогда как в Западной Сибири – две трети. Дело в том, что Великая Отечественная война и эвакуация многочисленных предприятий изменили хозяйственную структуру экономического района, перемещение множества крупных заводов оборонного значения многократно увеличило его индустриальную мощь. В условиях военного времени требовалось в сжатые сроки восстановить технологические циклы и выдавать нужную продукцию. Для этого в местах эвакуации уже должна была существовать производственная и по возможности социальная инфраструктура, а также обученные кадры. В восточных районах страны только крупные города отвечали необходимым требованиям.

Официальная статистика подтверждает ускоренный индустриальный рост Западной Сибири. За 1940–1950 гг. валовая продукция ее промышленности (включая Курганскую обл.) увеличилась на 314,0 %, тогда как в Восточной Сибири – на 198,0, на Урале – на 292,0, Дальнем Востоке – на 163,0 % (в РСФСР в целом – 175,0 %). Если в целом по республике за 1941–1950 гг. численность горожан выросла на 12,4 %, то в Западной Сибири – на 37,5 % (в Восточной Сибири – на 14,2 %). Это привело к тому, что в 1959 г. в Западной Сибири демографическая роль крупных

центров стала чрезвычайно высокой (66,9 %), РСФСР даже спустя 30 лет не смогла достичь подобных показателей.

Эвакуация проводилась главным образом в города, прилегавшие к Транссибирской железнодорожной магистрали. Значение региональных центров в экономике и населении некоторых областей заметно повысилось. Так, в 1970 г. доля Новосибирска в городском населении Новосибирской области достигла 70,9 %, в валовой продукции промышленности – 76,5, Томска – соответственно 72,6 и 66,3 %. Самым большим экономическим и демографическим весом стал обладать Омск (81,5 и 81,3 %).

По другому сценарию развивалась урбанизация в Кузбассе и Тюменской области благодаря наличию богатых природных ресурсов, сконцентрированных в малолюдных местах. Это предопределило создание вблизи них новых промышленных предприятий и поселков, строительство в них электростанций, дорог, жилья, учреждений образования, здравоохранения, культуры. Благодаря масштабам хозяйственной активности были привлечены значительные трудовые ресурсы, миграции приобрели лавинообразный характер. Рост городов происходил бурно, возникло множество новых населенных пунктов.

Такой тип урбанизации был характерен для периода форсированной индустриализации 1930-х гг., когда на территории Кузбасса стала развиваться крупная угледобывающая база страны¹. Рост численности жителей «сырьевых» промышленных центров активно ограничивался базовыми месторождениями. С учетом природно-климатических условий, новых технических возможностей в 1960–1980-е гг. в Тюменской области (частично Томской) была воспроизведена модель урбанизации 1930–1950-х гг.: рядом с месторождениями нефти и газа создавались поселки узкой специализации, которые в дальнейшем становились городскими населенными пунктами. Промышленный рост потребовал привлечения огромных трудовых ресурсов и вызвал мощный миграционный поток в северные районы. Как и в Кузбассе, размеры городских поселений (кроме областного центра) оказались небольшими и только у двух из них – Сургута и Нижневартовска – количество жителей превысило 100,0 тыс. чел.²

Значение областных центров в таких регионах оказалось намного ниже. Так, в Кемерове в 1970 г. проживало всего 16,0 % горожан Кузбасса и производилось 16,4 % ее промышленной продукции, т.е. даже меньше, чем в Новокузнецке (20,7 и 30,3 %). Кроме них в регионе появилось несколько довольно мощных индустриальных центров с населением, превышающим 100,0 тыс. чел. (Анжеро-Судженск, Белово,

¹ Население Кузбасса за 1926–1939 гг. увеличилось с 404,7 тыс. до 1654,5 тыс. чел. (рост в 4 раза), в том числе городское с 66,9 тыс. до 910,3 тыс. чел. (в 13,6 раза).

² Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1991. С. 226.

Уровень образования городского населения в возрасте 15 лет и старше регионов Западной Сибири и РСФСР в 1989 г. *

Регион	Высш. и незак. высш.	Среднее (полное и неполн.)	Начальное
Западная Сибирь			
В том числе:	134	712	103
Алтайский край	122	695	119
Кемеровская область	101	707	130
Новосибирская область	164	676	107
Омская область	145	703	102
Томская область	179	679	94
Тюменская область	134	782	59
РСФСР	157	697	100

* Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). М., 1991. Ч. I. Численность населения, пол, возраст, национальности, состояние в браке, уровень образования. С. 158, 165–166.

Киселевск, Ленинск-Кузнецкий и Прокопьевск). Аналогичным образом, с некоторыми особенностями, урбанизация позднее развивалась в Тюменской области. Так, в ее административном центре – Тюмени – проживало 17,2 % горожан (в 1990 г.), но производилось только 8,7 % промышленной продукции, тогда как в Сургуте – 10,8 %, а в Нижневартовске – 13,3 % (доля в городском населении 8,3 и 7,9 %).

Разновекторное развитие урбанизации в Западной Сибири повлияло на региональную динамику средней продолжительности жизни. Области с доминированием административных центров характеризовались «продвинутой» социальной структурой, высокой долей служащих и занятых преимущественно умственным трудом с меньшей смертностью. Согласно Всесоюзной переписи 1989 г., в городских поселениях Новосибирской области удельный вес занятых преимущественно умственным трудом составил 40,8 %, в Омской – 37,5, в Томской – 41,1 %, против 36,2 % в целом по Западной Сибири³. Служащих в них было соответственно 39,6 %, 36,7 и 40,9 % (34,4 % в Западной Сибири)⁴.

Образовательный уровень, который тесно коррелировал с показателями смертности, в этих областях тоже был выше (табл. 1). Более образованные люди, как правило, лучше осведомлены о факторах смерти, их трудовая деятельность сопряжена с меньшими рисками для жизни. За образованием нередко скрывались социальное положение человека, его материальная обеспеченность, доступ к качественному медицин-

скому обслуживанию, хорошее питание и комфортные жилищные условия. Качество здравоохранения в крупных центрах было поставлено лучше по сравнению с другими поселениями области: в плане обеспеченности врачами, специализированными больничными учреждениями и т.п.

В 1960–1980-е гг. значительное влияние на повышение смертности оказывало индифферентное отношение большей части населения к собственному здоровью. Например, в регионах с доминированием крупных административных центров алкоголизм был распространен меньше, чем в районах нового освоения. Косвенно это подтверждают некоторые статистические данные. Например, в 1984 г. продажи алкогольных напитков в расчете на душу населения в Западной Сибири составили 10,45 л, в том числе в Новосибирской области – 9,96, Омской – 9,8, Томской – 8,93 л⁵. Распространение алкоголизма способствовало росту смертности почти от всех причин, но особенно от несчастных случаев, отравлений и травм, соответственно, отмечалось снижение длительности жизни.

В Кузбассе и Тюменской области формирование социальной структуры общества имело особенности. Происходил приток преимущественно низко- и среднеквалифицированной рабочей силы, доля служащих повышалась медленно. Специализированная хозяйственная структура не предъявляла, особенно в начальный период освоения, высоких требований к образовательному уровню работников, особенно в Кузбассе. В Тюменской области он был выше (табл. 1), так как нефтегазодобывающей отрасли необходимы были квалифицированные трудовые ресурсы [8, с. 63, 83–89]. Преобладание лиц, занятых преимущественно физическим трудом, отразилось на процессах воспроизводства, смертность у них была выше, чем у занятых в основном умственным трудом [9, с. 34–44].

³ Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). М., 1992. Ч. IV: Распределение населения по отраслям народного хозяйства, занятиям, характеристика семей по национальности членов семей, числу детей, занятых членов семей, числу рожденных детей. С. 213–214.

⁴ Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). М., 1991. Ч. II: Источники средств существования, общественные группы. С. 102–103.

⁵ Основные показатели социального развития краев и областей Западно-Сибирского экономического района: стат. сб. Барнаул, 1990. С. 77.

Динамика средней продолжительности жизни городского населения в РСФСР, Западной Сибири и ее регионах, лет*

Регион	1958/59 г.	1969/70 г.	1978/79 г.	1988/89 г.
Западная Сибирь				
В том числе:	67,79	68,20	67,14	69,63
Алтайский край	67,20	68,44	67,27	69,73
Кемеровская область	67,66	68,07	66,79	68,74
Новосибирская область	68,16	68,77	67,40	69,61
Омская область	68,31	68,81	68,32	70,29
Томская область	67,82	67,64	67,87	69,72
Тюменская область	67,85	66,29	65,74	70,33
РСФСР	67,92	68,97	68,17	69,89

* Подсчитано по: Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 718, Оп. 43, Д. 46. Л. 20–20 об.; Д. 50, Л. 5–5 об.; Д. 97. Л. 28; Д. 102, Л. 30–30 об.; Д. 147. Л. 59–59 об.; Д. 153, Л. 33–33 об.; Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р. 304, Оп. 1. Д. 63. Л. 68–68 об.; Д. 64, Л. 81–81 об.; Д. 74. Л. 49–49 об.; Д. 75, Л. 38–38 об.; Д. 83, Л. 41–41 об.; Д. 84, Л. 53–53 об.; Исторический архив Омской области. Ф. 2122, Оп. 1, Д. 3257, Л. 49–50 об.; Д. 3262, Л. 48–48 об.; Д. 5670, Л. 46–46 об.; Д. 5917, Л. 40–41; Д. 8257, Л. 49–49 об.; Д. 8543, Л. 52–52 об.; Оп. 3, Д. 2443, Л. 19–22; Д. 3052, Л. 15–18; Государственный архив Томской области. Ф. 1085, Оп. 3, Д. 100, Л. 126–126 об., 165–165 об.; Д. 79, Л. 172–172 об., 314–314 об.; Д. 418, Л. 72–72 об.; Д. 576, Л. 87–87 об.; Государственный архив Тюменской области. Ф. 1112, Оп. 1, Д. 1892, Л. 39–39 об.; Д. 2174, Л. 40–40 об.; Оп. 4, Д. 117, Л. 44–44 об.; Д. 143, Л. 45–45 об.; Оп. 1. Д. 8468, Л. 47–47 об.; Д. 8944, Л. 58–58 об.; Оп. 2, Д. 2539, Л. 26–28; Д. 2968, Л. 15–17; Государственный архив Новосибирской области. Ф. 11, Оп. 5, Д. 8574-А, Л. 48–48 об.; Д. 5452, Л. 7–7 об.; Распределение всего населения и состоящих в браке по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. (АССР, края и области районов Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока). М., 1960. С. 4–6, 34–36, 46–48, 58–60, 70–72, 100–102; Государственный архив Российской Федерации. Ф. А–374, Оп. 39, Д. 1351, Л. 4–6 об.; Д. 1353, Л. 4–6 об.; Д. 1354, Л. 4–6 об.; Д. 1355, Л. 4–6 об.; Д. 1356, Л. 4–6 об.; Д. 1357, Л. 4–6 об.; Д. 6012, Л. 4–6 об.; Д. 6016, Л. 4–6 об.; Д. 6014, Л. 4–6 об.; Д. 6018, Л. 142–144 об.; Д. 6017, Л. 4–6 об.; Д. 6019, Л. 78 об.–80 об.; Российский государственный архив экономики. Ф. 1562, Оп. 69, Д. 105, Л. 5–8; Д. 108, Л. 181–184; Д. 110, Л. 5–8, Л. 53–56; Д. 111, Л. 73–76, Л. 113–116.

В 1970 г. доля рабочих среди всего населения (городского и сельского) в Кемеровской области составила 76,3 %, тогда как в Западной Сибири в целом – 69,0 %, служащих – 20,4 % (21,6 %). Для Тюменской области характерны другие показатели – 68,2 и 20,9 %, но на рубеже 1960–1970-х гг. хозяйственное освоение здесь только разворачивалось, причем население юга области в общей численности ее жителей явно преобладало. Если рассматривать только северные районы, то уже тогда в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах доля рабочих достигла 75,5 и 76,5 % (служащих – 22,3 и 22,0 % при минимальной доле колхозников)⁶. Показатели распределения населения по общественным группам были аналогичными в 1979 г., только к 1989 г. межрегиональная дифференциация стала не столь заметной. В районах нового освоения исключалось появление мощных доминирующих административных центров, в которых средняя продолжительность жизни была выше, чем в средних и малых городах.

Формирование промышленности происходило в неосвоенных районах, где не было благоустроенного жилья, коммунальных служб, торговли предметами первой необходимости, развитой системы здравоохранения. Возведение большого количества поселков

в не самых благоприятных климатических условиях не могло не отразиться на статистике травматизма населения. Количество врачей и больничных коек на начальных этапах освоения было достаточным, однако по мере роста численности населения разрыв с Западной Сибирью увеличивался. Так, если в 1970 г. в ХМАО и ЯНАО на 10,0 тыс. чел. приходилось 17,9 и 27,9 врачей (24,6 – в Западной Сибири в целом), то в 1980 г. – 27,1 и 30,5 (37,1), в 1990 г. – 31,4 и 36,6 (44,5).

Неразвитая система коммунального хозяйства, неналаженное водоснабжение отрицательно влияли на здоровье людей [10, с. 312]. Суровые климатические условия вызывали большое количество простудных заболеваний. Потребление алкогольных напитков было высоким. В 1984 г. в Кузбассе на одного человека приходилось 11,55 л алкогольной продукции, в Тюменской области – 10,88 л⁷. В ходе бесед с руководством предприятий Тюменской области выяснилось, что высокий непроизводственный травматизм был связан с отсутствием культуры потребления алкогольных напитков, неустроенностью быта, недостаточной адаптацией к климатическим условиям и т.п. [11, с. 125]. Смертность от несчастных случаев, отравлений и травм в го-

⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1990. Т. VII: Распределение населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей по общественным группам: стат. сб. С. 21.

⁷ Следует отметить, что использование статистических данных по Тюменской области в целом недостаточно корректно отражает картину социальных изменений в районах нового освоения, так как юг области был слабо затронут хозяйственными переменами.

родах Кемеровской и Тюменской областей в 1970 г. составила 158,3 и 193,2 случая на каждые 100,0 тыс. чел. (в Западной Сибири – 143,3), в 1980 г. – соответственно 225,1 и 243,2 (187,6).

В Алтайском крае урбанизация пошла по другому пути. Исторически, кроме Барнаула в регионе сформировалось еще два достаточно крупных промышленных центра с развитой обрабатывающей промышленностью – Бийск и Рубцовск. Административные образования с похожим распределением городского населения в РСФСР уже были, но в основном в европейской части республики. К ним, например, относились Вологодская (Вологда, Череповец), Ярославская (Ярославль, Рыбинск), Куйбышевская (Куйбышев, Новокуйбышевск, Сызрань, Тольятти) области. По всей видимости, показатели смертности у них варьировались в каждом конкретном случае в зависимости от условий проживания и иных факторов.

Распределение горожан по общественным группам, занятости умственным и физическим трудом в Алтайском крае было приблизительно таким же, что и в Западной Сибири в целом. Регион не особо выделялся по потреблению алкогольной продукции и развитию здравоохранения, ниже был только уровень образования. В этой связи размеры средней продолжительности жизни в крае и Западной Сибири оказались достаточно близки.

Итак, исследовательский анализ показал довольно тесную корреляцию смертности и урбанизации, хотя территориальный разброс был невелик. Так, в городских поселениях Новосибирской, Омской и Томской областей средняя продолжительность жизни, за исключением редких случаев, на всем протяжении исследуемого периода была выше, чем в среднем в Западной Сибири⁸. Например, в 1969–1970 гг. она была ниже в Томской области, когда началась разработка нефтяных месторождений в ее северных районах. В Кузбассе продолжительность жизни всегда была ниже, в Тюменской области первоначально в 1958–1959 гг. была выше, но после начала хозяйственного освоения севера сократилась за 20 лет на два с лишним года.

В заключение следует констатировать, что характер социально-экономического развития восточных районов оказал непосредственное влияние на воспроизводство населения, в том числе на его смертность. Средняя продолжительность жизни в городских поселениях Западной Сибири была по многим вышеназванным причинам ниже, чем в РСФСР. Экстенсивные методы хозяйственного развития, подразумевающие формирование мощных волн миграций трудовых ресурсов в новые промышленные районы, еще более усугубляли положение из-за отсутствия на местах развитой социальной инфраструктуры. По мере становления учреждений здравоохранения, коммунальных служб,

жилищного строительства, улучшения торговли предметами первой необходимости различия постепенно снижались, что подтверждают расчеты, сделанные на основе последней Всесоюзной переписи 1989 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бедный М.С.* Медико-демографическое изучение народонаселения. М.: Статистика, 1979. 224 с.
2. *Урланис Б.Ц.* Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1978. 309 с.
3. *Левицкий Е.М.* Экономико-статистическое исследование воспроизводства населения Сибири и Дальнего Востока на основе таблиц продолжительности жизни. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. 142 с.
4. *Соболева С.В.* Демографические процессы в региональном социально-экономическом развитии. Новосибирск: Наука, 1988. 208 с.
5. *Гуцин Н.Я.* Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1995. 82 с.
6. *Исупов В.А.* Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука, 1991. 291 с.
7. *Славина Л.Н.* Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск: КГПУ, 2007. 472 с.
8. *Гаврилова Н.Ю.* Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. 283 с.
9. *Неравенство и смертность в России.* М.: Сигнал, 2000. 107 с.
10. *Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комгорт М.В.* Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации. Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. 392 с.
11. *Бедный М.С.* Медико-демографическое изучение населения. М.: Статистика, 1979. 223 с.

REFERENCES

1. *Bednyy M.S.* The population medical demographic research. Moscow, Statistika, 1979, 224 p. (In Russ.)
2. *Uralnis B.C.* Evolution of life expectancy. Moscow, Statistika, 1978, 309 p. (In Russ.)
3. *Levitskiy E.M.* Economic statistical research of the Siberian population reproduction. Novosibirsk, Izd-vo SO AN SSSR, 1962, 142 p. (In Russ.)
4. *Soboleva S.V.* Demographic processes in the regional social economic development. Novosibirsk, Nauka, 1988, 208 p. (In Russ.)
5. *Gushchin N.Ya.* Siberian population in the XX century: main tendencies and cataclysms in development. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 1995, 82 p. (In Russ.)
6. *Isupov V.A.* Siberian urban population: from catastrophe to renaissance (the late 1930s – early 1950s). Novosibirsk, Nauka, 1991, 291 p. (In Russ.)
7. *Slavina L.N.* Rural population of East Siberia (1960s–1980s). Krasnoyarsk, KGPU, 2007, 472 p. (In Russ.)
8. *Gavrilova N.Yu.* Social development of oil-gas extracting regions in West Siberia. Tyumen, TyumGNGU, 2002, 283 p. (In Russ.)
9. *Shkol'nikov V., Andreev E., Maleva T.* (eds.) Inequality and mortality in Russia. Moscow. Signal, 2000, 107 p. (In Russ.)
10. *Karpov V.P., Koleva G.Yu., Gavrilova N.Yu., Komgort M.V.* West Siberian oil-gas project: from idea to realization. Tyumen, TyumGNGU, 2011, 392 p. (In Russ.)
11. *Bednyy M.S.* Population medical demographic study. Moscow, Statistika, 1979, 224 p. (In Russ.)

⁸ Методика расчета кратких таблиц смертности и средней продолжительности жизни дана учебнике *Борисов В.А.* Демография: учеб. для вузов. М.: Нота Бене Медиа Трейд Компания, 2003. 344 с. С. 246–249.

DOI: 10.15372/HSS20180409
УДК 930.1(470)"196/199"

Н.Г. КЕДРОВ

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ ГУЩИН В ДИСКУССИЯХ О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 1960–1990-х гг.*

Статья посвящена исследованию творческого пути известного российского историка Н.Я. Гущина. Сделана попытка реконструкции позиции, которую Гушин занимал в дискуссиях отечественных историков о коллективизации. В статье отмечается, что в 1960-е гг. Гушин поддерживал тех ученых, которые стремились к пересмотру концепции «Краткого курса истории ВКП(б)». В отличие от знаменитого учебника истории партии, историк рассматривал коллективизацию как часть объективного процесса генезиса советского общества. Эта позиция нашла отражение в кандидатской и докторской диссертациях Н.Я. Гущина, в его книгах, а также рецензиях на труды коллег. Взгляды историка сопоставляются с позициями Ф.С. Пестрикова, Н.А. Ивницкого, И.Я. Трифонова, В.П. Данилова и других исследователей. Автор рассматривает взгляды Гущина в контексте развития аграрной историографии.

Ключевые слова: Н.Я. Гушин, историческая наука, аграрная историография, коллективизация, советская деревня.

N.G. KEDROV

NICKOLAY GUSHCHIN IN DISCUSSIONS ON COLLECTIVIZATION OF 1960–1990S

Article is devoted to research of a creative life of a renowned Russian historian N. Ya. Gushchin. The author reconstructs Gushchin's viewpoints in domestic historians's disputes on collectivization. The author notices that in the 1960s Gushchin supported scientists who tried to revise the concept of "Short Course of VKP(b) history". The historian considered collectivization as a part of objective process of the Soviet society genesis in contrast to the famous textbook on the Communist party history. Gushchin reflected this view in his candidate and doctor dissertations, books, as well as reviews of colleagues' works. The author compares the historian's points of view with works by F. S. Pestrikov, N. A. Ivitsky, I. Ya. Trifonov and other researchers, and considers Gushchin's views in a context of the agrarian historiography development.

Key words: N. Ya. Gushchin, historical science, agrarian historiography, collectivization, Soviet village.

Регионализация историко-аграрных исследований в 2000-е гг. имела свои предпосылки. Еще в советский период в ряде республиканских и областных центров СССР сложились мощные школы историков, специализирующихся на изучении истории сельского хозяйства и крестьянства. Одним из ярких примеров этого явления может быть путь новосибирской школы аграрных исследований, становление которой неразрывно связано с именем Н.Я. Гущина. Следует заметить, что Николаю Яковлевичу повезло: будучи лидером, он при жизни заслужил лестные оценки своих заслуг как ученого и организатора науки со стороны современников. Ученики и коллеги постарались запечатлеть образ видного ученого и неординарного человека [1; 2; 3]. Очерк о нем присутствует в книге В.В. Кондрашина, посвященной персоналиям историков-аграрников

[4]. Тем не менее осмысление жизненного пути и научного творчества Н.Я. Гущина еще далеко от своего завершения. В настоящей статье предпринята попытка реконструировать взгляды Н.Я. Гущина, его позицию в дебатах российских ученых о коллективизации, ставшей основной предметной областью его научных интересов.

В работах учеников и коллег Н.Я. Гущина постепенно стала складываться проблематика, связанная с осмыслением значения и места его научного наследия в дискурсе аграрной историографии. И.С. Кузнецов писал о том, что Николай Яковлевич, не являясь консерватором, тем не менее в своих научных работах о коллективизации советского периода повторял известную схему «Краткого курса истории ВКП(б)» [1, с. 11; 2, с. 5]. В связи с этим главная заслуга ученого

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 15-31-01250 «Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства».

Николай Геннадьевич Кедров – независимый исследователь, канд. ист. наук, e-mail: nk149@yandex.ru.
Nikolay G. Kedrov – independent researcher, candidate of historical sciences.

автору виделась в публикации фактов, которые давали читателю реальное представление о событиях «великого перелома». Иная оценка научных трудов Н.Я. Гущина содержится в статье В.А. Ильиных. По его мнению, работы Н.Я. Гущина соответствовали новому этапу советской историографии и отличались от предложенной «Кратким курсом» концептуальной модели рядом положений [3, с. 14–15]. Для ответа на вопрос об отношении Н.Я. Гущина к концептам сталинской историографии следует обратиться к ранним работам самого историка.

Кандидатская диссертация, защищенная Н.Я. Гущиным в 1954 г. в Ленинградском университете, посвящена истории нэпа. Как и в ряде других работ того времени, в ней присутствовало смешение субъектного и объектного подходов. Следует заметить, что подготовка диссертации осуществлялась в сталинские времена. Тем не менее в этой работе все же имеются некоторые отличия от концепции «Краткого курса». Прежде всего, это отсутствие в автореферате любых упоминаний о Сталине. Но главное отличие заключалось в другом. Если «Краткий курс» объяснял переход к нэпу в первую очередь окончанием Гражданской войны и трудностями текущего времени, то автор диссертации обосновывал его введение действием экономических процессов. По его мнению, поскольку на начало 1920-х гг. ведущим в развитии экономики оставался мелкотоварный уклад, то нэп, таким образом, естественно вытекал из задачи преобразования многоукладной экономики в социалистическую [5]. Несмотря на то, что в самом описании мероприятий партии автор недалеко ушел от сталинского канона, его работа содержала попытку придать рассматриваемым явлениям объективный контекст.

Еще более четко эволюция взглядов Н.Я. Гущина прослеживается по его рецензиям на труды коллег. В частности, он выступил в печати по поводу книги Ю.А. Мошкова «Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства в СССР» (М., 1966), написанной в годы «оттепели». Об этой книге Н.Я. Гущин отзывался исключительно в положительном ключе. Рецензент подчеркнул всю новизну и оригинальность трактовки зерновой проблемы Ю.А. Мошковым. Н.Я. Гущин писал: «Ему удалось преодолеть утвердившуюся в литературе односторонность в освещении этого вопроса, когда одни авторы все сводят к усилившемуся кулацкому саботажу, другие делают акцент на ошибках отдельных руководящих работников» [6, с. 176]. Можно напомнить, что обе указанные позиции были впервые озвучены в ходе партийной дискуссии о причинах хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. Автором первой версии был И.В. Сталин, второй – его противники по партийной борьбе. Однако и та, и другая версия причин кризиса сводили к конъюнктурным факторам. Н.Я. Гущин верно заметил, что, в отличие от обоих вариантов ответа на этот вопрос, Ю.А. Мошков выводил предпосылки зерновой проблемы из тенденций экономического развития СССР. Акцентировалось внимание в рецензии

и на ряде других принципиальных для молодого поколения историков-аграрников моментов. Так, подчеркивая тот факт, что необходимость индустриализации привела к перестройке сельского хозяйства, историк тем самым лишний раз актуализировал обсуждаемое в то время положение работ В.П. Данилова об отсутствии материально-технических предпосылок коллективизации. Фиксировалось внимание читателей и на описанных в монографии Ю.А. Мошкова проблемах колхозного строя, таких как отсутствие материальной заинтересованности колхозников и внеэкономические способы эксплуатации их труда. Все это однозначно говорит о том, что рецензент явно поддерживал начатую историками ревизию положений сталинской историографии.

Принципиально другой по своему характеру была коллективная рецензия (Н.Я. Гущин выступал в качестве одного из авторов) на труд Ф.С. Пестрикова «Партийные организации Западной Сибири в борьбе за победу колхозного строя» (Новосибирск, 1966) [7]. Следует заметить, что эта работа была выдержана в «лучших традициях» предшествующего этапа историографии. Рецензенты отмечали, что Ф.С. Пестриков отнюдь не анализирует имеющиеся в его распоряжении местные материалы, а лишь иллюстрирует с их помощью устаревшую общесоюзную схему. Кроме того, автор этой книги оставляет без должного внимания деятельность земельных обществ, партийных ячеек, особенности классовой борьбы в Сибири, приукрашивает результаты коллективизации, а в отдельных случаях (например, в оформлении сносок) проявляет профессиональную безграмотность.

Апологеты «Краткого курса» писали, в свою очередь, отзывы на работы Николая Яковлевича, только посылали их не в редакции журналов, а в партийные кабинеты. Когда в 1969 г. Н.Я. Гущин предложил СО издательства «Наука» рукопись своей монографии «Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне», в Новосибирский обком КПСС поступили сразу две отрицательные рецензии на нее. Их авторами были уже упомянутый Ф.С. Пестриков, работавший тогда в Новосибирской высшей партшколе, и заведующий кафедрой истории КПСС Новосибирского строительного института А.Н. Резниченко. Оба документа в настоящее время опубликованы В.А. Ильиных. Он удачно сгруппировал высказанные в рецензиях критические замечания. В частности, Н.Я. Гущина упрекали: 1) в излишнем внимании к кулачеству; 2) в отсутствии должной критики «правого уклона»; 3) в неверном освещении кооперативного строительства в Сибири; 4) в слабом освещении руководящей роли коммунистической партии; 5) в идейном троцкизме; 6) в том, что автор потакает концепциям «буржуазных фальсификаторов» советской истории [3, с. 15–16]. В этом перечне заметен набор политических ярлыков, с помощью которых традиционно осуществлялась дискредитация оппонента. Однако в обеих рецензиях обращает на себя внимание один общий момент – упрек в мето-

логической несостоятельности работы Н.Я. Гущина. Что же понимали авторы рецензий под методологически правильным раскрытием темы? А.Н. Резниченко сетовал на то, что Н.Я. Гушин описывает коллективизацию «без показа руководящей роли партии, советского государства, ведущей роли рабочего класса в укреплении союза рабочего класса с трудящимися массами крестьян» [3, с. 19]. Еще больше подобных упреков в рецензии Ф.С. Пестрикова. Он был недоволен тем, что процесс расслоения в сибирской деревне в книге у Н.Я. Гущина идет «стихийно», развитие кооперации осуществляется «самотеком», а становление классового самосознания масс происходит без надлежащей организационной работы [3, с. 25–29]. Судя по аргументам рецензентов, в работе историка им не хватало некоего субъекта, абстрактного исторического персонажа, описывать действия которого они привыкли в своих трудах и уже не мыслили иной модели подачи материала. В монографии Н.Я. Гущина в качестве детерминант исторического движения выступали социальные и экономические процессы как таковые. В этом-то, на наш взгляд, и заключалось главное отличие его исследования от работ сталинских времен по коллективизации.

Хотя эти рецензии не повлекли серьезных административных последствий для историка, но издание монографии ему все же пришлось отложить. Книга вышла уже после защиты им докторской диссертации. Она увидела свет в 1972 г. в издательстве Новосибирского университета (была издана в качестве учебного пособия) [8]. К этому времени историографическая ситуация по сравнению с эпохой «оттепели» изменилась. Во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. произошел ряд событий, существенно повлиявших на расстановку сил в советской исторической науке. В 1967 г. после нескольких обсуждений в отделе науки ЦК КПСС и на Ученом совете Института истории АН СССР был снят с печати подготовленный под руководством В.П. Данилова и содержащий ряд инновационных для того времени оценок первый том «Истории коллективизации сельского хозяйства в СССР». В 1969 г. Л.И. Брежнев с трибуны III Всесоюзного съезда колхозников осудил «любителей преувеличивать» ошибки партии в деле колхозного строительства. Наконец, в 1972 г. было осуждено так называемое новое направление в советской историографии. Однако это были лишь внешние проявления глубинных процессов развития науки. Московский исследователь Н.В. Наумов отмечал, что еще в эпоху «оттепели» сложились два подхода к критике догматики «Краткого курса». Первый из них основывался на программных документах партии и акцентировал внимание на изучении ленинского теоретического наследия, в соответствии с которым и рассматривалось дальнейшее поступательное развитие СССР. Второй подход стремился объяснить закономерности развития советского общества, исходя из экономических и социальных процессов [9, с. 19–20]. Однако если изначально оба они соответствовали курсу на обновление историографии,

то во второй половине 1960-х гг. их пути разошлись. В результате политических и историографических сдвигов, произошедших в это время, в историографии аграрной истории СССР сложились два самостоятельных направления – официальное и альтернативное.

Представители первого в идейном отношении постепенно сближались с консервативными кругами в советской исторической науке, в силу чего 1970-е – первая половина 1980-х гг. стали временем своеобразного ренессанса сталинских оценок. Историки второго направления сосредоточились на изучении частных проблем истории советского общества. Тем не менее в их трудах была представлена, по сути, целостная, отличная от официальной концепция аграрного развития СССР. В идейном отношении, пожалуй, главное отличие этих двух течений заключалось в оценке степени готовности советского общества к социалистическим преобразованиям. Согласно разработанной в трудах С.П. Трапезникова новой официальной схеме усилия партии, направленные на реализацию установок ленинского кооперативного плана, способствовали формированию в среде крестьянства предпосылок для дальнейшей перестройки сельской жизни. Развитие же капиталистических тенденций в нэповской деревне обусловило поддержку со стороны бедного и среднего крестьянства коллективизации и раскулачивания.

По мнению же главного идейного оппонента С.П. Трапезникова В.П. Данилова, капиталистические отношения в советской доколхозной деревне находились на раннем (мануфактурном) этапе своего развития. В силу этого осуществление социалистического преобразования сельского хозяйства имело свои издержки, а острота классовых борьбы в данном контексте (прямо об этом, разумеется, никто не говорил) выглядела ответной реакцией неподготовленного крестьянства. Дебаты историков вызывал и ряд более частных проблем: вопрос об ответственности за так называемые «перегибы», допущенные во время осуществления коллективизации, понимание социальной природы кулачества, общая оценка итогов «социалистического преобразования».

Для того чтобы охарактеризовать основные работы Н.Я. Гущина в контексте этих споров, необходимо учитывать два важных обстоятельства. Первое связано с тем, что работы С.П. Трапезникова второй половины 1950-х – 1960-х гг., вопреки распространенному сегодня мнению, отнюдь не повторяли положения «Краткого курса». В них историк расставлял акценты в соответствии с духом времени. Главное отличие заключалось в том, что он в качестве основного фактора «великого перелома» указывал на само крестьянство, тогда как в сталинской парадигме эта роль всецело отводилась партии¹. В силу этого работы Трапезникова

¹ В отличие от современных исследователей, это хорошо понимали мэтры из поколения историков-шестидесятников, в том числе и выступавшие в качестве идейных противников С.П. Трапезникова. Например, этот момент не единожды подчеркивал в своих работах и выступлениях И.Е. Зеленин. В своей последней книге он писал: «Впрочем, С.П. Трапезников, “маститый” историк-аграрник, воз-

независимо от уровня их аргументации вплоть до времени, когда они не обрели статус новой официальной концепции, также были частью идейного обновления историографии. Кроме того, нужно понимать, что к моменту выхода двух основных книг Н.Я. Гущина о коллективизации формирование альтернативной концепции советской аграрной истории было еще не завершено. Этот историографический факт следует отнести к концу 1970-х гг., когда увидели свет монографии В.П. Данилова по истории советской доколхозной деревни [11; 12]. Таким образом, можно заключить, что, даже не учитывая существования идейных противников историка в Новосибирске, Н.Я. Гушин писал свои книги о коллективизации в сложных условиях.

Его монография «Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне» стала одной из первых работ, рассматривающих раскулачивание с точки зрения задач новой исследовательской программы. В год ее выхода увидела свет и книга Н.А. Ивницкого на эту же тему, но основанная на материалах всего Советского Союза [13], а спустя несколько лет вышла работа ленинградского историка И.Я. Трифонова [14]. Именно эти научные труды и стали «тремя китами» историографии темы классовой борьбы в советской деревне. Поэтому есть смысл рассмотреть монографию Н.Я. Гущина в сравнении с трудами указанных авторов.

Как известно, монография Н.А. Ивницкого в свое время попала под удар критики в партийной печати. Сам ее автор впоследствии гордился этой критической рецензией, как медалью [15, с. 168–177]. Действительно, некоторые акценты им были расставлены в соответствии со взглядами историков-шестидесятников (в частности, расширялись хронологические границы применения политики раскулачивания и признавалась возможность его ненасильственного осуществления). Тем не менее его книга была традиционным (даже для того времени) институциональным исследованием аграрной политики партии. Спектр перечисленных задач в книге Н.Я. Гущина выглядел шире. Автора интересовала не только аграрная политика, но также экономические и социальные процессы, социальная структура и социальные отношения в советской деревне, социально-политическое сознание и формы активности крестьянства. Он даже подчеркивал, что «при освещении ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве деревни крестьянство часто изображается пассивным объектом приложения сил, не показывается рост сознательности и политической активности крестьян» [8, с. 32]. Это был сравнительно важный момент, демонстрирующий намерение автора выйти за рамки субъектного подхода, характерного для сталинской парадигмы. Моногра-

главлявший при Л.И. Брежнев отделе науки ЦК КПСС, критиковал первую часть сталинского определения (имеется в виду формула «революция сверху при поддержке снизу». – *Н.К.*), поскольку инициаторами коллективизации, по его мнению, были «сами крестьяне», а партия лишь «поддержала их порыв» и «помогла в проведении коренной реконструкции сельского хозяйства» [10, с. 3].

фия И.Я. Трифонова, в свою очередь, претендовала на обобщение накопленного опыта изучения политики советского государства в отношении «эксплуататорских классов», в силу чего в тексте чувствовалось влияние языка и духа советской социологии. Вследствие этих причин от двух первых работ она отличалась меньшей конкретностью.

Определенные различия имелись и в трактовке рассматриваемых историками более частных сюжетов. Так, Н.А. Ивницкий и Н.Я. Гушин, по сути, продемонстрировали две разные модели изложения предпосылок коллективизации и раскулачивания. У Ивницкого этот сюжет излагался с точки зрения нужд советского государства. Автор повторял известный тезис И.В. Сталина о невозможности развития крупной индустрии при господстве в стране мелко-товарного крестьянского хозяйства. На пути решения этой проблемы партия сталкивалась с сопротивлением кулачества [13, с. 37].

Н.Я. Гушин истоки раскулачивания видел в сфере социальных процессов, где, по его мнению, развитие капиталистических отношений вело к поляризации населения деревни на два противоположных класса. Взаимоотношения между ними он охарактеризовал как «социальную войну» [8, с. 68, 75]. Он считал, что особенно характерно это было для сибирской деревни, отличавшейся высокой товарностью сельского хозяйства, а соответственно и большим экономическим и политическим влиянием кулачества. В книге И.Я. Трифонова дано в некотором роде усредненное решение этой проблемы. С одной стороны, он отмечал существенное влияние социальных процессов, а с другой – концентрировался на изложении борьбы с кулачеством. Процесс раскулачивания во всех трех книгах описан относительно похоже, поскольку в них в той или иной степени воспроизведена схема советской официальной историографии. Однако если при этом Н.А. Ивницкий и И.Я. Трифонов основное внимание сосредоточили на описании различных административных акций советского государства, связанных с ограничением и ликвидацией кулачества, то в работе Н.Я. Гущина большее внимание было уделено характеристике форм «кулацкого сопротивления» (от вооруженных восстаний до антисоветской агитации) и методов работы бедняцко-советского актива.

Исходя из этого, Николай Яковлевич сделал вывод, вполне соответствовавший духу времени: «Ликвидация кулачества как класса была не административной мерой, а широким многомиллионным движением самих трудящихся масс деревни, руководимых рабочим классом» [8, с. 213]. Несмотря на явную одиозность этого заключения, именно предложенная историком модель позволяла более рельефно показать суть происходящего в деревне. Подробно рассмотреть формы крестьянского сопротивления другим языком и в иной системе идейных координат в советской науке того времени вряд ли было возможно. Причем самому исследователю интенсивность «кулацкого» протеста против коллективизации пришлось объяснять

историческими и социально-экономическими особенностями Сибири.

Еще один аспект, в котором работа Н.Я. Гущина отличалась от трудов Ивницкого и Трифонова, – это контекстуализация. Заключительные разделы книг последних представляли собой скорее формальный эпилог, содержащий набор сравнительно общих сентенций о росте классово-борьбы в ходе социалистического строительства, уничтожении эксплуатации человека человеком, превращении единоличного крестьянства в колхозное и т.п. Они интересны лишь постановкой акцентов².

В отличие от них, заключение книги Гущина являлось составной частью его исследования, где автор дал характеристику двух важнейших проблем. Прежде всего, конкретные выводы своей работы Николай Яковлевич сделал в контексте эволюции социального строя советской деревни. При этом он не ограничился констатацией факта превращения единоличного крестьянства в колхозное, но фиксировал и другие изменения. В частности, Н.Я. Гушин отмечал, что сосредоточение аграрного производства в колхозах частично освобождало от участия в сельскохозяйственном труде некоторых жителей деревни и тем самым способствовало появлению сельской интеллигенции как специфической социальной группы. Еще одно наблюдение касалось того, что коллективизация вела к профессионализации сельскохозяйственного труда. В среде крестьянства постепенно формировались группы трактористов, комбайнеров, механиков, шоферов и др. Итогом этих процессов, по мнению исследователя, стало постепенное стирание различий в социальной структуре между городом и деревней [8, с. 265–267]. Важно отметить, что все эти социальные изменения описывались автором практически как самодетерминируемая реальность.

Таким образом, объектные установки исследовательской программы второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. в книге Н.Я. Гущина явно доминировали над пафосом борьбы партии за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. Вторая проблема, о которой писал историк, – это региональные особенности процесса коллективизации в Сибири. На самом деле для автора этот сюжет имел огромное значение. С помощью региональных особенностей Н.Я. Гушин маскировал отличия своей трактовки как от официальной, так и от формирующейся тогда альтернативной концепции коллективизации. Бурное развитие кооперативных и капиталистических форм хозяйствования

в деревне накануне коллективизации он объяснил мощным экономическим потенциалом Сибири, а массовость и активность крестьянского протеста силой и влиянием местного кулачества. Немногом позже эти же выводы Николай Яковлевич повторил в своей фундаментальной монографии «Сибирская деревня на пути к социализму», ставшей своего рода height-версией предшествующей работы [16]. Исходя из сказанного, не будет преувеличением заключить, что эти работы Н.Я. Гущина стали самым амбивалентным нарративом по отношению к советской аграрной историографии 1960–1970-х гг., в котором в равной мере отразились достижения и недостатки данного направления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов И.С. Аграрно-исторические исследования Н.Я. Гущина в контексте общественно-политической и научной жизни второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири. Новосибирск, 1997. С. 8–15.
2. Кузнецов И.С. Н.Я. Гушин: человек, гражданин, ученый // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 3–13.
3. Ильиных В.А. Методы и содержание одной из «научных» дискуссий конца 1960-х гг.: Ф.С. Пестриков и А.Н. Резниченко против Н.Я. Гущина // Сибирская деревня: проблемы истории. Новосибирск, 2004. С. 14–33.
4. Кондрашин В.В. Историки-аграрники России XX – начала XXI в.: творческий путь и международное сотрудничество. Прага, 2014. 198 с.
5. Гушин Н.Я. Новая экономическая политика Коммунистической партии Советского Союза и ее значение в построении социализма: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954. 14 с.
6. Гушин Н.Я. Монография о зерновой проблеме в СССР // История СССР. 1967. № 6. С. 175–177.
7. Гушин Н.Я., Демидов В.А., Куперт Ю.В. Книга о коллективизации сельского хозяйства в Западной Сибири // Сборник работ аспирантов кафедры истории КПСС. Томск, 1968. Вып. 4. С. 50–57.
8. Гушин Н.Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.). Курс лекций, прочитанных в Новосибирском университете. Новосибирск, 1972. 289 с.
9. Наумов Н.В. Социально-экономические и культурные преобразования в СССР в годы довоенных пятилеток (1928–1941 гг.). Проблемы отечественной историографии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 42 с.
10. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. 315 с.
11. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. 319 с.
12. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979. 359 с.
13. Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.) М., 1972. 360 с.
14. Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. 408 с.
15. Ивницкий Н.А. Трудный путь в науку: автобиографические заметки. М., 2013. 279 с.
16. Гушин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. 518 с.

REFERENCES

1. Kuznetsov I.S. N.Ya. Gushchin's agrarian-historical studies in a context of political and scientific life of the second half of the 1960s –

² Например, Н.А. Ивницкий, сравнивая опыт коллективизации в СССР с ее осуществлением в странах народной демократии, как бы ненароком отмечал, что там этот процесс протекал без излишнего насилия, а кулаки были приняты в колхозы на определенных условиях [13, с. 352]. В среде ревизионистов советской аграрной истории это был известный аргумент, бросавший тень на сталинские методы осуществления «революции сверху». И.Я. Трифонов, напротив, писал, что «ликвидация эксплуататорских классов в других социалистических странах полностью подтвердила всеобщий универсальный характер основных закономерностей строительства социализма» [14, с. 398].

early 1970s. *Problemy agrarnogo i demograficheskogo razvitiya Sibiri*. Novosibirsk, 1997, pp. 8–15. (In Russ.)

2. *Kuznetsov I.S.* N.Ya. Gushchin: a person, citizen, scientist. *Sibirskaya derevnya: problemy istorii*. Novosibirsk, 2004, pp. 3–13. (In Russ.)

3. *Il'inykh V.A.* Methods and content of a “scientific” discussion in the late of 1960s: F.S. Pestrikov and A.N. Reznichenko against N.Ya. Gushchin. *Sibirskaya derevnya: problemy istorii*. Novosibirsk, 2004, pp. 14–33. (In Russ.)

4. *Kondrashin V.V.* Historians-agrarians of Russia in the XX – early XXI centuries: career and international cooperation. Prague, 2014, 198 p. (In Russ.)

5. *Gushchin N.Ya.* A new economic policy of the Communist party of the Soviet Union and its role in socialism construction: dis. abstr. Leningrad, 1954, 14 p. (In Russ.)

6. *Gushchin N.Ya.* A monograph on a grain problem in the USSR. *Istoriya SSSR*. 1967, no. 6, pp. 175–177. (In Russ.)

7. *Gushchin N.Ya., Demidov V.A., Kupert Yu.V.* A book on agricultural collectivization in West Siberia. *Sbornik rabot aspirantov kafedry istorii KPSS*. Tomsk, 1968, vol. 4, pp. 50–57. (In Russ.)

8. *Gushchin N.Ya.* The class struggle and liquidating kulaks as a class in the Siberian village (1926–1933): lectures read in Novosibirsk State University. Novosibirsk, 1972, 289 p. (In Russ.)

9. *Naumov N.V.* Social, economic and cultural transformations in the USSR in pre-war five-year plan periods (1928–1941): the national historiography problems: dis. abstr. Moscow 2004, 42 p. (In Russ.)

10. *Zelenin I.E.* Stalin’s “revolution from above” after the “great crisis”. 1930–1939: a policy, realization, results. Moscow, 2006, 315 p. (In Russ.)

11. *Danilov V.P.* The Soviet village before collective farms: population, land tenure, economics. Moscow, 1977, 319 p. (In Russ.)

12. *Danilov V.P.* The Soviet village before collective farms: social structure and social relations. Moscow, 1979, 359 p. (In Russ.)

13. *Ivnitskiy N.A.* The class struggle in village and liquidating kulaks as a class (1929–1932). Moscow, 1972, 360 p. (In Russ.)

14. *Trifonov I.Ya.* The liquidation of exploitative classes in the USSR. Moscow, 1975, 408 p. (In Russ.)

15. *Ivnitskiy N.A.* A difficult way to science: autobiographical notes. Moscow 2013, 279 p. (In Russ.)

16. *Gushchin N.Ya.* Siberian village on its way to socialism (social and economic development of the Siberian countryside in the years of the national economy socialist reconstruction (1926–1937). Novosibirsk, 1973, 518 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 19.07.2018

DOI: 10.15372/HSS20180410
УДК 79.1/069.8

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО, О.Н. ШЕЛЕГИНА

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ МЕСТО «НОВОСИБИРСКИЙ АКАДЕМГОРОДОК» КАК НОВАЯ ФОРМА ПУБЛИЧНОЙ ПАМЯТИ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируется история формирования и современная социальная практика новосибирского Академгородка, опыт институтов СО РАН и общественности по сохранению, изучению и представлению научного наследия. В русле новационного исследовательского тренда «мнемософия» – науки о публичной памяти – достопримечательное место представлено как форма публичной памяти. В тополе Академгородка выделены шесть социокультурных комплексов, подтверждающих официальный статус Академгородка как достопримечательного места регионального значения. Определены тенденции и формы комплексного включения объектов научного наследия новосибирского Академгородка в региональное социокультурное пространство. Особое внимание уделяется представлению научного наследия как в музейных подразделениях академических институтов, так и в новых формах презентации. Показана перспективность междисциплинарных проектов, креативных выставочных и IT-технологий; системного и международного партнерства; обучающих и рекреационных коммуникаций для реализации приоритетных направлений «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

Ключевые слова: наследие, достопримечательное место, новосибирский Академгородок, мнемософия, публичная память, «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации».

G.M. ZAPOROZHCHENKO, O.N. SHELEGINA

PLACE OF INTEREST “NOVOSIBIRSK AKADEMGORODOK” AS A NEW FORM OF PUBLIC MEMORY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article analyzes the formation history and modern social practice of Novosibirsk academic town, the experience of institutions of the Siberian Branch of RAS and the public in preserving, studying, and presenting the scientific heritage. In 2014, Akademgorodok was officially recognized as an object of cultural heritage of the regional importance, a place of interest “Novosibirsk Akademgorodok”. In line with the innovative research trend of “mnemosophy” – the science of public memory – proposed by Tomislav S. Shola, the place of interest is presented as a form of public memory. New trends related to the correlation of heritage – identity – public memory problems were derived and studied in the framework of implementing the interdisciplinary scientific project “Modern trends in actualizing a historical experience of the identity formation in the Siberian region” by the Institute of History, SB RAS. The authors show that in Akademgorodok topos there are six socio-cultural complexes, which confirm the official status of Akademgorodok as a place of interest of the regional importance: museum, memorial-monumental, toponymical, intellectual-recreational, ecological complexes, and creative street-art-attractions.

The scientific heritage representation in the museum units of academic institutions is the leading form of its actualization. Innovative forms are: thematic areas, spaces of free interpretation, interactive stands and creative installations in museum expositions. The prospects of interdisciplinary projects, IT-technologies, system and international partnership, training and recreational communications for implementing priority tasks of the “Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation” are shown as well.

Key words: heritage, place of interest, Novosibirsk Akademgorodok, mnemosophy, public memory.

Галина Михайловна Запорожченко – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: galinakoop@yandex.ru.

Ольга Николаевна Шелегина – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: oshelegina@yandex.ru.

Galina M. Zaporozhchenko – doctor of historical sciences, leading researcher, Institute of History SB RAS.

Olga N. Shelegina – doctor of historical sciences, leading researcher, Institute of History SB RAS.

В условиях глобализации, современных научных и социокультурных обстоятельствах на мировом уровне поднимается вопрос о целесообразности формирования новой науки – мнемософии как науки о публичной памяти. Активную позицию в постановке и решении проблем в этом актуальном исследовательском пространстве занимает всемирно признанный специалист в области музеологии, директор Европейской ассоциации наследия, хорватский ученый Томислав С. Шола. Мнемософия разрабатывается им с 1989 г. как некий «общий теоретический знаменатель» для музееведения и смежных дисциплин, которые объединенными усилиями изучают и хранят опыт человечества во всем его разнообразии. Наследие в понимании Т. Шола – транслируемая система ценностей, та этическая основа, без которой невозможно развитие, одна из ипостасей публичной памяти, воплощение накопленного опыта. Память и информация о прошлом, по мнению ученого, должны стать «полезной мудростью», а роль институций (музеев, науки) – не только в том, чтобы собирать, хранить и показывать шедевры, но и в том, чтобы помочь человеку понять мир и свое место в нем, связывая коллективный опыт прошлого с ситуациями сегодняшней жизни. Достопримечательное место он относит к новому институту публичной памяти [1, с. 11–12, 32–33].

Для разработки теории наследия, определения путей эффективного функционирования традиционных (музеи, библиотеки, архивы) и новых (интерпретационные центры, достопримечательные места, парки наследия) институтов публичной памяти необходимо формирование репрезентативной эмпирической базы, анализ релевантной научной литературы, реализация междисциплинарных научных проектов. К их числу можно отнести проект Института истории СО РАН «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирование идентичностей в Сибирском регионе».

В процессе работы по данному проекту выявлены и изучены новые тренды, связанные с корреляцией проблем наследия – идентичности – публичной памяти. В условиях глобализации становятся все более актуальными задачи сохранения и развития мест с ярко выраженной историко-культурной идентичностью. Анализ в исторической динамике опыта формирования идентичности локального научного сообщества в новосибирском Академгородке позволил реконструировать модель мультидисциплинарного научного центра, созданного по новаторским для своего времени принципам, которые сохраняются и востребованы в современных условиях развития России. Истоки и причины зарождения уникальной культурной среды, формирование традиций научного сообщества, способы трансляции наследия в новосибирском Академгородке дают возможность характеризовать его как регионально-локальный феномен идентичности, пространственно-временной социокультурный концепт эффективной организации научного пространства со значительной личностной составляющей.

Впервые в России научный топос со сложной идентичностью и репрезентативным наследием в соответствии с Постановлением Правительства Новосибирской области от 30 декабря 2014 г. № 544-п был включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения – достопримечательное место «Новосибирский Академгородок»¹.

Термин «достопримечательное место» в законодательный и социокультурный оборот был введен согласно федеральному закону об объектах культурного наследия (2002 г.). Он имеет достаточно широкое толкование, включает в свое содержание «места с ценными в архитектурном и градостроительном отношении историческими образованиями (центры исторических поселений, фрагменты исторической планировки и застройки), места, связанные с важными историческими событиями, жизнедеятельностью выдающихся личностей, историей формирования и культурой народов и иных этнических общностей (памятные места, культурные и природные ландшафты, места бытования традиционных народных промыслов, совершения традиционных обрядов), места, отличающиеся наличием материальных остатков жизни и деятельности людей исторических эпох» [2, с. 393–394].

В современный период на основе уникальной научной и социокультурной идентичности Академгородка руководством Новосибирской области и г. Новосибирска начала активно транслироваться позиция: «Новосибирск – научная столица России». Новосибирск – единственный российский город, являющийся полноправным членом Всемирной ассоциации технополисов². При такой постановке вопроса отношение к Академгородку, как центру концентрации науки, достопримечательному месту Сибирского региона, и в перспективе – федерального уровня, необходимо развивать с учетом релевантных международных исследований.

Проблемы освоения и актуализации наследия являются сегодня важным объектом научной рефлексии, пытающейся преодолеть его еще значительную неопределенность. Выступая против привычного понимания сохранения наследия музеями, положение которых иногда сравнивалось с «ярмарками старого хлама», Т. Шола пишет, что «наследие – это всегда система общих ценностей, сформированных на основе отбора и оценки того, что необходимо и достойно памяти, которую следует хранить» [1, с. 47].

Прошлое – это то, что мы хотим задокументировать, чтобы оно стало наследием, с которым мы начинаем работать и которое начинаем транслировать. На-

¹ О включении в Единый государственный реестр: URL: <http://docs.cntd.ru/document/465707460> (дата обращения: 07.06. 2018).

² По данным Global City. URL: <http://globalcity.info/news/globalcity/places/1428055322-top-6-alternativnykh-stolits-rossii> (дата обращения: 07.06. 2018).

следие – это конструкт. «Надо понимать, что любой конструкт либо низвергается, либо укрепляется с помощью моральных обоснований: для чего нам нужно наследие? Для научных и образовательных целей (знание) или для удовольствия (развлечения, досуга), является ли оно (также) частью политического проекта, или же наследие активно и с умом используется для улучшения качества жизни», – так понимает Т. Шола проблему выбора в наследии [1, с. 57]. Таким образом, наследие отличается от истории активным и деятельным включением людей [1, с. 43].

Кроме того, институт наследия является не целью, а «посредником, передатчиком, селектором и усилителем, инструментарием и средством, которое дано обществу для пользы, развития и совершенствования» [1, с. 58]. «Наследие – это не реальные вещи, – пишет Т. Шола, – а метареальность, сделанная, предложенная, интерпретированная, воображаемая, которая заставляет нас понимать, что это неизбежно особое искусство, или особая форма коммуникации» [1, с. 58–59]. Природа наследия выявляется через баланс музеализации и коммуникации, между реальным и отраженным «Я», между материальным и нематериальным наследием³. Следовательно, значение имеет не только материальное наследие, но и практики, коммуникации и нематериальное наследие.

Эти важные идеи определяют задачи, стоящие перед профессиональной работой с наследием, ее формы и содержание, а также перспективы новаций. В связи с этим целесообразно определить основные тенденции и формы комплексного включения объектов научного наследия новосибирского Академгородка в региональное социокультурное пространство, выявить их новационную составляющую.

До настоящего времени актуализация научного наследия происходила прежде всего в форме его музефикации. Музейные формы представления научного наследия развиваются под эгидой созданного в 1994 г. на базе Института истории СО РАН Научного совета по музеям СО РАН под председательством члена-корреспондента РАН В.А. Ламина. В наибольшей степени они сосредоточены в Институте истории СО РАН в рамках трех подразделений: сектора «Музей СО РАН», научно-исследовательской группы «Музей науки и техники СО РАН», сектора археографии и источниковедения, где хранятся собрания старопечатных книг и рукописей.

Собрание старопечатных книг и рукописей насчитывает более 1400 ед. хр. преимущественно книг кирилловской печати XVI–XVII вв. и манускриптов XVI–XX вв., приобретенных у староверов Урало-Сибирского региона, Алтая и Дальнего Востока в ходе археографических экспедиций.

Музей науки и техники – победитель первого Всероссийского грантового конкурса «Научный му-

зей в XXI веке» (фонда «Династия»), представляет историю вычислительной техники, приборов и техники научного эксперимента, транспортных средств, достижения сибирских ученых в области информационных технологий.

В секторе «Музей СО РАН» были реализованы имевшие высокий социокультурный эффект экспозиционно-выставочные и научно-просветительные проекты, представлявшие процесс функционирования СО РАН в триединстве науки, образования и инноваций («Главное дело жизни академика М.А. Лаврентьева»), «Музееведческие аспекты истории СО РАН: традиции и новации», «История сибирской науки в лицах», «СО РАН-45!», «Пять десятилетий в истории СО РАН», «Назавтра и навсегда!» (к 100-летию основателя СО РАН академика М.А. Лаврентьева, «От ЗСФ АН до СО РАН: историческое путешествие...»), «Науки о жизни в НИЦ СО РАН», «Науки о Земле в СО РАН», «Новосибирский научный центр: живем, работаем, отдыхаем» и т.п.).

В институтах Академгородка созданы мемориальные комнаты академиков Г.К. Борескова и К.И. Замараева (Институт катализа), Д.К. Беляева (Институт цитологии и генетики), М.А. Лаврентьева (Институт гидродинамики), А.А. Трофимука (Институт нефтегазовой геологии и геофизики), А.П. Ершова (Институт систем информатики), а также подразделения музейного типа, имеющие исторический, естественнонаучный и технический профили.

Перспективы их развития связаны не только с введением в научный и культурный оборот новых коллекций, но и с накоплением методологического музейного знания, расширяющего возможности презентации научного наследия за счет новых форм. Прежде всего, это обусловлено стремительным расширением влияния IT-технологий в жизни общества и вторжением их в музейную реальность в качестве неотъемлемой и важной составляющей. Значимым результатом в этом направлении является осуществление в Институте систем информатики СО РАН проекта «Электронный фотоархив Сибирского отделения РАН», который доступен широкому кругу интернет-пользователей⁴. Информационный массив, содержащий более 6 тыс. уникальных архивных фотодокументов, большинство из которых посвящено Академгородку, отражает становление и развитие сибирской науки в разные периоды истории.

Под влиянием представлений о важности ведения интерактивного ментально-эмоционального диалога с посетителями видоизменяются формы презентации музейных предметов. К новационным экспозиционно-выставочным технологиям, апробированным в «Музее науки и техники СО РАН» и секторе «Музей СО РАН», можно отнести: создание *тематических зон* (условный уголок атмосферообразующего для новосибирского Академгородка 1960-х гг. дома Лаврентьевых, условные научные лаборатории, «Радио-кафе»), использование выставочного приема *«продуктивного беспо-*

³ Доклад Шола Т. Стратегическое значение нематериального культурного наследия: Доклад на XIX Международном фестивале «Интермузей-2017» 25–29 мая 2017 г., г. Москва.

⁴ СО РАН с 1957 года. Фотолетопись. URL: <http://www.soran1957.ru> (дата обращения: 21.06.2018).

рядка» (приборы и техника научного эксперимента), *креативные инсталляции* (предметы хобби и коллекционирования ученых), организация свободного хранения книжного фонда для создания *пространства свободной интерпретации* (книги из серии «Сибирская наука в лицах»), создание *интерактивных стендов* для демонстрации физических явлений и алгоритмов работы технических устройств (стенд «Средства инструментального счета») и т.п. Такие технологии расширяют возможности вовлечения посетителями музейных предметов в научно-исследовательскую работу непосредственно в экспозиционном пространстве, активизируя когнитивный потенциал музейной аудитории.

Как уже отмечалось, перспективной частью общественного дискурса сегодня являются представления о нематериальном наследии – идеях, практиках и коммуникациях – и проблемах его передачи. Так, «Музей СО РАН» развивает традиции научного сообщества Академгородка, переданные ему творческой деятельностью так называемого научного десанта – первых ученых, прибывших в Сибирь из научных центров европейской части страны в конце 1950–1960-х гг. создавать сибирскую науку. Романтика неустоенного быта первых лет строительства научного городка, великий энтузиазм «шестидесятников», их гениальное в своей открытости, радушии и жизнелюбивости мироощущение воплощались в знаменитых капустниках, фестивалях, концертах, обильном стихотворно-песенном самиздате и самодеятельном творчестве, по размаху не менее впечатляющем, чем научные свершения. Образцы этих социокультурных практик используются в ходе экскурсий, официально-праздничных мероприятий, презентаций выставок, круглых столов.

Актуализация нематериального научного наследия прогрессирует и диверсифицируется, что является отражением профессионального роста музейного сообщества и целенаправленного планирования. «Музей науки и техники СО РАН» создает площадки для коммуникации, адресованные, прежде всего, молодежной аудитории, под девизом «Обучаться – развлекаясь, познавать – играя». Созданный по примеру Политехнического музея Москвы учебно-игровой комплекс «Игротека», включающий ряд интерактивных стендов, в доступной форме иллюстрирует основные принципы работы такого сложного устройства, как современный компьютер. Центральное место занимает стенд, помогающий понять принцип его работы, позволяющий составить, отладить и испытать свою небольшую программу в машинных кодах.

В ходе ретроспективных показов в интерактивном режиме приборов и техники научного эксперимента, кинофототехники и транспортных средств, осуществления тематических программ проведения Международной акции «Музейная ночь», которая проводится в Академгородке с мая 2009 г. (научно-популярный лекторий, кинопоказ, экскурсии, «Игротека», книжная выставка-продажа, историческая викторина, посвященные эпохе 1960-х гг. – первым десятилетиям

Сибирского отделения), актуализируются принадлежащие к сфере нематериального наследия практики счисления, программирования, пользования техникой, а также формы социокультурной жизни «соановской эпохи». Так проявляется миссия музея «с его неизменной приверженностью социальной идее, основанной на гуманистической этике» [3, с. 55].

Новые явления наблюдаются в концептуализации научного наследия. В процессе реализации проекта «Социокультурное наследие Сибири: традиции и новации (вторая половина XX – начало XXI в.)» сектор «Музей СО РАН» разрабатывает пространственную модель освоения регионального наследия на основе представлений о корреляции культуры, наследия и идентичности [1, с. 47]. Уникальная регионально-локальная идентичность новосибирского Академгородка анализируется с точки зрения «гения места, духа места, гения локуса» в рамках концепта «научного топоса». Под научным топосом понимается категория, описывающая отношения «человек – пространство – культура», обозначающая локально организованные смыслообразующие пространства (поселения), сопряженные с определенным географическим местом и культурно-исторической средой, нагруженные ментальной энергией формирования и трансляции научной идентичности в логическом, фактографическом и символическом аспектах [4, с. 340].

В топосе Академгородка выделены шесть социокультурных комплексов, маркирующих самобытный образ поселения, тесно пронизанный социокультурными символами принадлежности к большой науке:

- *музейный* (музейные формы представления научного наследия в академических институтах),
- *мемориально-монументальный* (памятники и мемориальные доски),
- *топонимический* (связанные с наукой и ее деятелями названия улиц и тропинок),
- *интеллектуально-досуговый* (объекты социально-бытовой и культурной инфраструктуры, названия которых имеют научный колорит),
- *экологический* (благоустроенные объекты природной среды, несущие научно-информационную нагрузку),
- *креативный* (тематические стрит-арт-аттракции).

В соответствии с концепцией развития ННЦ как центра науки – образования – инноваций современное звучание приобретает новый проект Музея СО РАН – «Самая умная улица мира», выполняющийся в актуальном концепте «протяженного наследия». По версии книги рекордов Гиннеса проспект Лаврентьева – самая умная улица мира, где на протяжении 2,4 км сосредоточено более 20 объектов научной инфраструктуры. Проект предполагает презентацию научного наследия Академгородка путем метафоричного обращения к доминантной сущности проспекта Лаврентьева как стержня научной инфраструктуры ННЦ.

Как одну из форм трансляции регионально-локальной идентичности нужно рассматривать современную коллекционную, собирательскую и музей-

ную деятельность жителей Академгородка: создание А. Г. Безносовой-Близнюк «Интегрального музея-квартиры повседневности Академгородка. Ярким проявлением развития идентичности новосибирского Академгородка и расширением его влияния на социокультурное пространство региона можно считать проведение значимых мероприятий на основе партнерства официальных институций, ученых, бизнеса и широкой общественности. В марте 2017, 2018 гг. состоялся областной фестиваль «Академина». В его основу был положен успешный опыт проведения в 2012 г. конкурса женщин, работающих в сфере науки – «Академина» по инициативе общественности новосибирского Академгородка, имеющей традиции в организации конкурсов для женщин.

1–11 марта 2018 г. в Академгородке прошел культурно-исторический форум «Место силы и свободы. Академгородок». Форум был приурочен к 50-летию фестиваля авторской песни, проведенного клубом «Под интегралом» в 1968 г., посвященного изучению социальной истории Академгородка и исследованию его феномена. В рамках дискуссионных сессий: «Под знаком «Интеграла», «Молодежь Академгородка 1960-х: «с «Факелом?» и без», «Новосибирская академ-идентичность», «Новосибирский Академгородок между прошлым и будущим. В чем сила, брат?» были проанализированы яркие черты уникальной идентичности Академгородка, делающие его «местом силы» не только для Новосибирска, но и для всей страны и мира.

В современную эпоху социокультурных трансформаций возрастает актуальность изучения всех видов наследия как основы национальной исторической памяти. В рамках вышеупомянутого проекта «Социокультурное наследие Сибири: традиции и новации (вторая половина XX – начало XXI в.) были продолжены традиции интегрированных межстрановых исследований в области социокультурного наследия. Итогом совместного изучения в течение последних двух десятилетий Институтом истории НАН Беларуси и Институтом истории СО РАН белорусов в Сибири был посвящен круглый стол «Россия и Беларусь: международные связи сибирских ученых», проведенный в Музее СО РАН в День науки 8 февраля 2018 г. В круглом столе приняли участие представители всех гуманитарных институтов Новосибирского научного центра – историки, этнологи, филологи, философы, а также советник Отделения Посольства Беларуси в РФ в г. Новосибирске, которые обсудили опыт развития научного сотрудничества и перспективы укрепления международных связей ученых двух стран – Российской Федерации и Республики Беларусь, в том числе и в сфере изучения и представления наследия.

Участники круглого стола выразили уверенность, что наследие является важной идеей, которая может объединить все гуманитарные дисциплины, выявить новые возможности научной кооперации. В рамках мирового мейнстрима «от сохранения наследия к его актуализации и освоению» возникает потребность в создании новых пространств для коммуникации, обмена

опытом, междисциплинарного и международного сотрудничества ученых.

В целом следует признать перспективность развития таких новых форм освоения научного наследия, как креативные выставочные и IT-технологии, междисциплинарное, системное и международное партнерство, обучающие («Игротека», «Радио-кафе») и рекреационные (музейная лирика, «Музейная ночь») практики и коммуникации, которые представляют нематериальное научное наследие и являются нематериальными объектами музеефикации. Разработка на основе концепции «научного топоса» пространственной модели освоения наследия («Самая умная улица мира») позволяет комплексно подходить к выделению и включению объектов материального и нематериального научного наследия новосибирского Академгородка в региональное социокультурное пространство.

Использование современных мировых научных трендов, анализ российской и региональной практики, связанной с изучением и актуализацией наследия, развития системы достопримечательных мест как национальных институтов публичной памяти, несомненно, будет способствовать реализации приоритетных направлений «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», в соответствии с которой ученые должны обеспечить возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития с применением методов гуманитарных и социальных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шола Томислав С. Мнемософия. Наука о публичной памяти / ИКОМ России; ГМЗ «Ростовский кремль». Ростов Великий, 2017. 320 с.
2. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. С. 393–394.
3. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 47–69.
4. Шелегина О.Н., Куперштох Н.А., Запорожченко Г.М., Покровский Н.Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 3. С. 117–123.

REFERENCES

1. Shola T.S. Mnemosophy. Science of public memory. Rostov Velikiy, 2017, 320 p. (In Russ.)
2. Kaulen M.E. Museumification of the historical and cultural heritage of Russia. Moscow, Eterna, 2012, 432 p. (In Russ.)
3. Kaulen M.E. et al. (comps.) The Dictionary of Relevant Museum Terms. *Muzey*, 2009, no. 5, p. 47–69. (In Russ.)
4. Shelegina O.N., Kupershtokh N.A., Zaporozhchenko G.M., Pokrovsky N.N. The identity of local scientific communities: the formation and translation experience (on the materials of Novosibirsk scientific center SB RAS). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2016, no. 3, p. 117–123. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 02.07.2018

DOI: 10.15372/HSS20180411
УДК 087. 5:655.42(571)

О.Н. АЛЬШЕВСКАЯ

ОСНОВНЫЕ КАНАЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕТСКОЙ КНИГИ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье рассматривается распространение детской книги в сибирском и дальневосточном регионах. Выявлено, что детская книга является значимым (вторым по величине после художественной литературы) сегментом российского книжного рынка, имеющим с 2008 г. тенденцию к росту. На региональном уровне детская книга широко представлена всеми книгораспространяющими каналами. Приводятся данные о доле детского ассортимента в наиболее крупных федеральных и региональных сетях. Особое внимание уделено принципам работы, продвижению детской книги малыми независимыми магазинами клубно-кулуарного формата, отмечена значимость в продвижении детской книги книжных выставок-ярмарок, охарактеризованы региональные интернет-проекты. Выявлены основные тенденции, характерные для рынка детской книги сибирско-дальневосточного региона.

Ключевые слова: рынок детской книги, книготорговые сети, независимые книжные магазины, магазины клубно-кулуарного формата, книжные выставки-ярмарки, Сибирь, Дальний Восток.

O.N. ALSHEVSKAYA

MAIN CHANNELS OF CHILDREN'S BOOKS IMPLEMENTATION IN SIBERIA AND THE FAR EAST

State Public Scientific-Technological Library SB RAS,
15, Voskhod Str., Novosibirsk, 630200, Russian Federation

The article characterizes the distribution of books for children and youth in the eastern regions of Russia. The study methodology is based on a combination of landscape-reconstructing principles, questionnaires, surveys and a comparative typological analysis.

The children's book takes a significant share in the assortment structure of all main channels: bookstores, represented by bookselling networks and independent shops; online stores; book departments of supermarkets (non-core retail); kiosks and stalls; book fairs. The joint retail network "Chitai-gorod"–"Bukvoed" has become the largest network book-selling enterprise in Russia by 2017. The children's literature share in the book assortment of the network is about 23 %. The children's book takes for 30 % in the book turnover of regional chains ("ProdaLit", Irkutsk, 1996, 50 stores; "Mirs", Khabarovsk, 1992, 30 stores, etc.). Small independent bookselling companies: "Peremen" (Novosibirsk, 2014), "Baken" (Krasnoyarsk, 2013), "Fedormikhailovich", "Korneiiivanovich" (Krasnoyarsk, 2014–2016), "Kukulya" (Irkutsk, 2016), and others appeared in recent years. They offer an original children's assortment and carry out various activities to promote children's books. A block of children's literature has a leading position (25,67 %) in the assortment map of the Internet-channel. The share of children's literature in the book departments of supermarkets increases annually and has become the largest (36,95 %) by 2016. Book-fair projects play a great importance in promoting children's books in Siberia and the Far East. Most successful of them are Krasnoyarsk Fair of Book Culture (2007–2017), Irkutsk International Book Festival (2017), which are supported by the largest Russian sponsors. The article reveals key trends specific to the markets of the children's book in the Siberian-Far Eastern region.

Key words: children's book market, book for children and youth, book-selling networks, independent bookshops, club-backstage format stores, book fairs, Siberia, Far East.

Ольга Николаевна Альшевская – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: alshevsk@yandex.ru.

Olga N. Alshevskaya – Candidate of Historical Sciences, Leading researcher, State Public Scientific-Technological Library SB RAS.

Развитие в современном мире той или иной сферы производства едва ли не в первую очередь определяется скоростью и качеством каналов обмена информацией, степенью доступности и качеством самой информации, а главное – мерой ее освоенности всем обществом¹. Именно поэтому приобщение детей к чтению и шире – к письменной культуре – является необходимым условием формирования нового поколения российских граждан. Значимость детской литературы в государственном масштабе подтверждает принятая в 2017 г. Концепция программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации², в которой развитие детского, подросткового и юношеского чтения рассматривается как приоритетное направление в культурной и образовательной политике государства, имеющее важнейшее значение для будущего страны. Рынок детской литературы является предметом многочисленных дискуссий зарубежных [1; 2] и российских [3; 4; 5] экспертов. обстоятельный анализ проблем книгоиздания и книгораспространения литературы для детей, подростков и юношества принят в аналитическом отчете [6], подготовленном российскими учеными в 2017 г. Изучением детской книги в Сибири на рубеже XX–XXI вв. занималась Е.В. Енгальчева [7].

По мнению президента Ассоциации книгораспространителей независимых государств Н.И. Михайловой, книги для детей – одна из самых востребованных и растущих тематик в книжной индустрии в 2016 г. [8, с. 21]. Объективно значимая доля детской книги в обороте книжного рынка России составляла в 2015 г. 25 %, в 2016 г. – 24,23 % [9, с. 37]. В 2012–2016 гг., согласно данным Российской книжной палаты (РКП), «выпуск книг для детей в России составлял ежегодно более 10 тыс. наименований, каждое из которых тиражировано в 7–8 тыс. экз., т. е. в количестве, двукратно превышающем средний показатель отрасли». В 2017 г., по данным РКП, произошел значительный (+36 %) прирост «детского» выпуска по количеству наименований при одновременном росте среднего тиража (с 7000 до 7400 экз.) в сравнении с первым полугодием 2016 г. [8, с. 20]. Но так было не всегда. До 2008 г. доля изданий для детей не превышала 9–11 % оборота российского книжного рынка.

Говоря о распространении детской книги в Сибири и на Дальнем Востоке, необходимо в первую очередь отметить, что «крайне неразвитым остается региональное книгоиздание для детей. Более половины наименований и тиражей детской книги выпускают чуть более 30 издательств. Устойчивый выпуск детской книги поддерживают всего 10 региональных из-

дательств. В остальных детская книга занимает единичные позиции»³. Таким образом, распространение детской книги в регионах – это, прежде всего, распространение изданий, выпущенных в Центральной России.

Каналами книгораспространения в стране являются: книжные магазины, представленные книготорговыми сетями и независимыми магазинами; интернет-магазины; книжные отделы в супермаркетах (непрофильный ретейл); киоски и лотки; книжные ярмарки. Основные каналы книгораспространения имеют разное ассортиментное наполнение, но детская книга занимает значительную долю в структуре ассортимента каждого из них. Прежде всего, книги для детей и юношества являются одним из основных разделов универсального книжного магазина, как сетевого, так и независимого, причем порой удельный вес детской книги в региональных книжных магазинах доходит до 30–40 % как по количеству наименований, так и по товарообороту и площади занимаемой выкладки.

Крупнейшим сетевым книготорговым предприятием в России к 2017 г. является объединенная розничная сеть «Читай-город» – «Буквоед». Основные продажи сети совершаются в Центральной России, в 21 городе Сибири и Дальнего Востока расположено 55 предприятий компании. Доля детской литературы в книжном ассортименте магазинов объединенной сети различна и зависит от региона, местоположения, площади магазина, но в среднем составляет около 23 %.

Во многом определяют состояние книготоргового пространства региона «собственные» сибирские и дальневосточные сети, образованные книготорговыми предприятиями «ПродаЛитЪ» (1996), «МИРС» (1992), «Приморский торговый Дом книги» (2026), «Аристотель» (2011) и др.; издательско-книготорговые холдинги «Новая книга» (1996), «Бичик» (1926).

В тройку крупнейших региональных книжных предприятий России входит книготорговая фирма «ПродаЛитЪ», основанная в 1996 г. в Иркутске: в 2017 г. компания насчитывала 54 магазина в 4 субъектах федерации. В ассортименте книжных магазинов «ПродаЛита» детская литература занимает 30–31 %, это самый крупный сегмент розничных книжных продаж. «ПродаЛитЪ» – единственная на книжном рынке Сибири компания, которая открывает детские супермаркеты. Магазин площадью в 1000 м², получивший название «Детский квартал», появился в Иркутске в августе 2012 г.

Лидером книжной торговли Дальневосточного региона является оптово-розничная сеть МИРС, созданная в 1992 г. и успешно развивающаяся уже более 20 лет. В 2017 г. в состав сети входили головной офис в Хабаровске, 6 оптовых филиалов, распределительный склад в Москве, 63 разноформатных магазина

¹ Концепция Национальной программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/436739637/> (дата обращения: 24. 10. 2017).

² Распоряжение Правительства РФ от 03.06.2017 N 1155-р «Об утверждении Концепции программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации». URL: <https://lawnotes.ru/pravitelstvo/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-03.06.2017-N-1155-r/> (дата обращения: 24.08.2017).

³ Концепция Национальной программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/436739637/> (дата обращения: 24. 10. 2017).

в 16 городах [10]. Вклад книжного ассортимента в оборот компании составляет около 30 %. По словам руководителя компании С. Кустова, «лучше всего себя чувствует направление детской литературы» [10].

Существенным элементом структуры книготоргового рынка Сибири и Дальнего Востока являются независимые книжные магазины. Крупные независимые магазины на региональном книжном рынке встречаются не часто. Крупнейшим из них является литературный магазин «Капитал» (Новосибирск, 2008 г.). Магазин площадью около 1500 м² расположен на трех этажах; ассортимент книг насчитывает более 90 тыс. наименований; доля детской литературы в обороте занимает около 10–15 %.

Основу регионального книготоргового ландшафта, особенно в малых городах, составляют небольшие независимые книготорговые предприятия и местные книготорговые формирования. В большинстве случаев это универсальные книжные магазины, в ассортименте которых широко представлена детская литература: «Гарцующий слон» (Новокузнецк, три магазина, детский ассортимент – 60 %), «Апекс» (Норильск, три магазина, детский ассортимент – 50 %), «Книги. ИП Хасанова», Барнаул, три магазина, детский ассортимент – 23 %) и др.⁴

Распространенным явлением на региональном книжном рынке являются книжные магазины с названиями, априори относящими их к магазинам, торгующим детской книгой. Но исследование, проводившееся в рамках проекта «Культурная карта России. Литература. Чтение» и предполагавшее в качестве одного из аспектов установление специализации книготорговых предприятий, выявило, что подавляющее большинство этих магазинов являются предприятиями с универсальным книжным и канцелярским ассортиментом, лишь в единичных случаях профилированными в учебном и/или детском сегментах. Примерами таких магазинов являются: «Чук и Гек», «Почитай-ка» (Новосибирск), «Знай-ка» (Омск), «Маленькие истории» (Хабаровск), «Цветик» (Новокузнецк), «Азбука детства» (Улан-Удэ), «Тимур» (Ангарск), «Кот ученый» (Усурийск) и др. В ассортименте этих предприятий детская литература составляет 20–40 %.

В последние годы стала очевидной тенденция появления в Сибири и на Дальнем Востоке малоформатных независимых книготорговых предприятий «клубного кулуарного формата». К сожалению, необходимо признать, что жизнь таких книжных магазинов, как правило, непродолжительна. Наряду с книгами для взрослых магазины такого формата представляют в своих торговых залах и на проводимых мероприятиях оригинальный ассортимент книг для детей, подростков и их родителей, выпущенных лучшими детскими интеллектуальными издательствами, а также

универсальными издательствами, публикующими и детскую литературу.

Основатели независимых книжных магазинов («Перемен» (2014), Новосибирск; «Бакен» (2013), «Федормихалыч» (2014–2016), «Корней Иванович» (2015–2016), Красноярск; «Кукуля» (2016), Иркутск) стараются не просто торговать книгами, но и создавать атмосферу для общения, расширения кругозора, развития творчества. Магазины являются инициаторами интереснейших общегородских мероприятий. «Перемен» стал организатором фестиваля новой подростковой литературы «Другие книги» (в 2017 и 2018 гг.), «Кукуля» провел в 2017 г. в Иркутске общегородской праздник чтения «День Ч». Важными особенностями внешней рекламы малоформатных независимых книжных магазинов являются обязательное присутствие и активность в социальных сетях «ВКонтакте», Facebook, Instagram, «Фламп» и/или наличие собственного сайта.

Существенную роль в распространении детской книги в регионах России играет интернет-канал – интернет-магазины книжного профиля, а также интернет-подразделения офлайн книжных магазинов (сетей) и издательств. Этот канал остается «самым динамично развивающимся сегментом розничного рынка в России» [9, с. 39]. В 2016 г. на его долю приходилось 17,2 % продаж бумажных книг в структуре рыночных каналов сбыта (в 2015 г. – 15,4 %, в 2014 г. – 13,7 %). В 2014–2016 гг. в ассортиментной карте интернет-канала блок детской литературы занимал лидирующее положение (19,2–25,67 %).

Интернет предоставляет новые возможности для жителей регионов. Ежегодно расширяют количество пунктов выдачи заказов федеральные интернет-магазины: «OZON.ru», «Лабиринт» (Labirint.ru), «Мой магазин» (My-shop.ru) и др. Детскую литературу в регионах предлагают магазины федеральных сетей и их интернет-подразделения: «Белый кролик», «Маленький гений», «Умный ребенок» и др. В 2015–2017 гг. фактически все издательства и книготорговые предприятия использовали интернет-канал в качестве одного из направлений политики сбыта. В Сибири и на Дальнем Востоке распространены случаи, когда заинтересованные читатели, чаще всего родители, объединяются, делают общую закупку книг напрямую в издательстве по оптовому ценам.

Действуют в Сибири и на Дальнем Востоке и местные интернет-магазины, в том числе специализирующиеся на детской литературе. Книжный интернет-магазин «Этажерка» (www.etagerka.ru) действовал в Красноярске в 2014–2015 гг. Специализированным книжным проектом являлся магазин «Книжная Полка» (детская литература Красноярска) (bookshelf24.ru). Новосибирские интернет-магазины предлагают детские книги наряду с другими товарами: «В гостях у детства», «Лавка чудес» (iskatel-k.tiu.ru), магазин детских экотоваров «Зелень» (zelensk.com).

К началу второго десятилетия XXI в. важным каналом региональной структуры книгораспростра-

⁴ Сведения предоставлены руководителями региональных книготорговых предприятий Сибири и Дальнего Востока в рамках реализации проекта «Культурная карта России. Литература. Чтение» (2016–2017 гг.).

нения стали непрофильные для книжников каналы сбыта – торговые площадки FMCG-сетей (сетей товаров массового спроса), предлагающие книги в качестве сопутствующего товара. В сибирско-дальневосточном регионе книжную продукцию в качестве сопутствующего товара предлагают несколько федеральных сетей («Ашан», «METRO Cash&Carry», «Лента» и др.), но расположены они в крупных и средних городах. Доля детской литературы в ассортименте книжных отделов гипермаркетов ежегодно растет, и к 2016 г. она стала самым большим блоком (36,95 %) в их тематической карте.

Повсеместно присутствует детская книга в качестве сопутствующего товара в незначительном количестве в небольших специализированных некнижных магазинах (детских товаров, одежды, питания), а также в ассортименте киосков и лотков.

Большое значение в продвижении детской книги в Сибири и на Дальнем Востоке играют книжно-ярмарочные проекты: книжный салон «Книга Бурятии» (с 1996 г.) в Улан-Удэ; фестивали «Томская книга» (с 1999 г.), «Издано на Алтае» (с 2006 г.) в Барнауле, фестиваль краеведческой книги «Книга Алтая» (с 2012 г.) в Горно-Алтайске; выставки «Печатный двор Якутии» (с 1999 г.), «Печатный двор» (с 1997 г.) во Владивостоке; выставка-ярмарка «Сибирская книга» (2008–2010, 2015 гг.), «Книга: Сибирь – Евразия» (2016 г.), «Книжная Сибирь» (2017 г.), «Новая книга» (2016, 2017 гг.) в Новосибирске и др.

Наиболее крупным и значимым книжно-ярмарочным проектом Сибири является Красноярская ярмарка книжной культуры (КРЯКК), проводимая с 2007 г. фондом М. Прохорова. За более чем 10 лет своего существования КРЯКК стала «международным культурно-просветительским фестивалем и ежегодно подтверждает свой статус глобального события»⁵. Особое внимание на КРЯКК всегда уделяется детской программе. В 2017 г. она включала 145 событий⁶ (из 256 событий ярмарки) и распространилась на 9 площадок и локаций, занимая более половины общей площади экспозиции (2017 г. – 8000 м²).

В мае 2017 г. состоялся первый Иркутский международный книжный фестиваль (ИМКФ)⁷. На книжной ярмарке в рамках ИМКФ было продано 8 т книг. В целом мероприятия и площадки посетили 15 тыс. иркутян и гостей города⁸. Важной частью ИМКФ была ра-

⁵ Годовой отчет 2016. URL: <http://www.prokhorovfund.ru/upload/iblock/3ef/3ef61b240353ccc7d23bdf997202964.pdf> (дата обращения: 24.12.2017).

⁶ КРЯКК. Детская программа. URL: <http://prokhorovfund.ru/fund/news/3976/> (дата обращения: 24.12.2017).

⁷ ИМКФ был организован в рамках программы «Пространство Библио-Сибирь», реализуемой фондом Олега Дерипаски «Вольное Дело» в партнерстве с En+ Group и ассоциацией «Межрегиональная федерация чтения» в Иркутской области и Республике Хакасия с октября 2016 г.

⁸ Первый Иркутский международный книжный фестиваль посетили 15 тыс. чел. URL: <http://irkutsk.news/novosti/2017-05-23/15653-pervyi-irkutskii-mezhdunarodnyi-knizhnyi-festival-posetili-15-tysjach-chelovek.html> (дата обращения: 02.10.2017).

бота детской площадки, программу которой составили более 20 мероприятий.

Оценивая российский рынок детской книги, важно отметить присущие ему серьезные проблемы. Сравнимая современное состояние западного и российского рынков детской литературы, генеральный директор издательства «Clever» А.В. Альперович в качестве основных его проблем выделяет традиционализм, зарегламентированность, табуированность, дефицит новых идей, воспроизводство одного и того же репертуара (бесчисленные переиздания классики и дешевые раскраски и «развивалки»), низкую покупательскую способность (особенно в регионах), укрупнение бизнеса, слияние издательств и в связи с этим предсказывает, что «через несколько лет начнутся проблемы, связанные с нехваткой новых идей и однотипностью продукции»⁹. Таким образом, вопреки мнению о потенциале и объективно значимой роли (23–25 %) детской книги драйвером российского печатного книжного рынка ее назвать сложно.

Рынку детской литературы Сибири и Дальнего Востока присущи все характеристики и проблемы общероссийского книжного рынка. В качестве особенностей отметим:

- значительную долю (в среднем 28–30 %) детской книги в ассортименте книжных магазинах – сетевых и независимых; чем меньше населенный пункт, тем больше доля детской книги в ассортименте расположенных в нем книготорговых предприятий;

- практически полное отсутствие специализированных магазинов детской книги; книготорговые предприятия, названия которых подразумевают детскую специализацию, не являются магазинами детской книги;

- повсеместное присутствие детской книги в незначительном количестве в качестве сопутствующего товара в специализированных некнижных детских супермаркетах, в неспециализированных супермаркетах, некнижных магазинах, киосках и лотках;

- постепенное проникновение федеральных книжных интернет-магазинов (путем открытия пунктов выдачи заказов и использования других способов доставки) в отдаленные регионы;

- организация специализированных детских интернет-проектов;

- появление малых независимых магазинов (клубно-кулуарного формата), освоение ими оригинального детского ассортимента и организация крупных и интересных мероприятий по продвижению детской книги; активность в социальных сетях;

- детская книга является обязательной номинацией всех проводимых региональных конкурсов «Книга года»;

⁹ Альперович А. В. Российский и западный рынок детских книг: сходства и отличия. Презентация. Отраслевая конф. «Книжный рынок России–2016» (8 сент. 2016 г.). URL: http://www.bookunion.ru/doc_news/%D0%90%D0%BB%D1%8C%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87.pdf (дата обращения: 24.03.2017).

– большое значение региональных книжных выставок-ярмарок в распространении детской книги и продвижении детского чтения. Наиболее успешны проекты, поддерживаемые крупнейшими российскими меценатами.

В целом наряду с востребованностью детской книги, с большим потенциалом емкости этого сегмента книжного рынка в сибирско-дальневосточном регионе, с появлением новых практик продвижения литературы для детей и юношества можно констатировать, что в связи с общими системными проблемами издания и распространения книг в нашей стране, в частности, удорожанием и низкой тиражностью детской книги, малым количеством книготорговых предприятия, узостью ассортимента в них, доступность детской книги в регионах страны не отвечает потребностям населения. «Практически отсутствует возможность распространения детских книг в сельской местности, а зачастую и в районных центрах. Нет никаких почтовых, транспортных льгот и других преференций» [6, с. 10]. Решение этих проблем, учитывая силу влияния литературы и чтения на образование, мировоззрение и образ жизни подрастающего поколения¹⁰, безусловно, станет значимым фактором социально-экономического развития страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Milliot J. Children's books: a shifting market // *Publ. Weekly*. 2014. Vol. 61, № 8. P. 15–17.
2. Лу Ц. Издательское партнёрство между Россией и Китаем в области детской литературы // *Библиография и книговедение*. 2018. № 1. С. 122–123.
3. Во многих случаях чтение спасает жизнь // *Университетская кн.* 2018. № 1. С. 8–13.
4. Детское книгоиздание: «ландшафт диковатый, но уже не пустыня» // *Университетская кн.* 2016. № 7. С. 32–37.
5. Рынок детской книги. Динамика. Инвестиции. Основные тренды // *Книжная индустрия*. 2016. № 3. С. 50–57.

6. Дудова Л.В., Кутейникова Н.Е., Чудинова В.П. Литература для детей, подростков и юношества: проблемы книгоиздания и распространения: аналит. отчет. М, 2017. 73 с.

7. Лизунова И.В., Енгальчева Е.В. Издание детской литературы: российские тренды и региональная специфика // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2016. № 3. С. 95–100.

8. Взрослые проблемы детского рынка // *Книжная индустрия*. 2017. № 9/10. С. 20–27.

9. Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад / отв. ред. В.В. Григорьев. М., 2017. 93 с.

10. Кустов С.В. «Пора становится более современными ...» // *Книжная индустрия*. 2017. № 9–10. С. 58–62.

REFERENCES

1. Milliot J. Children's books: a shifting market. *Publ. Weekly*. 2014, vol. 261, no. 8, pp. 15–17.
2. Li Ts. Publishing partnership between Russia and China in the field of children's literature. *Bibliografiya i knigovedenie*. 2018, no. 1, pp. 122–123. (In Russ.)
3. Reading saves lives in many cases. *Universitetskaya kniga*. 2018, no. 1, pp. 8–13. (In Russ.)
4. Children's book publishing: "the landscape is wild, but not desert yet". *Universitetskaya kniga*. 2016, no. 7, pp. 32–37. (In Russ.)
5. Children's book market. Dynamics. Investment. Main trends. *Knizhnaya industriya*. 2016, no. 3, pp. 50–57. (In Russ.)
6. Dudova L.V., Kuteinikova N.E., Chudinova V.P. Literature for children, adolescents and youth: problems of publishing and distribution: an analytical report. Moscow, 2017, 73 p. (In Russ.)
7. Lizunova I.V., Engalycheva E.V. Publishing of children's literature: Russian trends and regional specifics. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2016, no. 3, pp. 95–100. (In Russ.)
8. Adult problems of the children's market. *Knizhnaya industriya*. 2017, no. 9/10, pp. 20–27. (In Russ.)
9. Grigoriev V.V. (ed). The book market of Russia. Status, trends and prospects of development: a branch report. Moscow, 2017, 93 p. (In Russ.)
10. Kustov S.V. "It is Time to become more modern...". *Knizhnaya industriya*. 2017, no. 9/10, pp. 58–62. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 13.09.2018

¹⁰ Концепция Национальной программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/436739637/> (дата обращения: 24.10.2017).

DOI: 10.15372/HSS20180412
УДК 070.3

И.В. ЛИЗУНОВА

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ XXI в.: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ЗНАЧЕНИЕ

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

Статья посвящена изучению современных издательских стратегий, реализованных на книжном рынке. Автором рассматриваются различные толкования дефиниции «стратегия», дается собственное понимание термина «издательская стратегия». Определяются основные элементы издательской стратегии. Описываются существующие классификации издательских стратегий, предложенные современными учеными и практиками. Рассматриваются внедренные и адаптированные к условиям рынка издательские стратегии действующих издающих предприятий. Определяются характерные особенности и преимущества каждой из них, анализируются факторы, влияющие на выработку стратегии развития издающей организации: экономические, территориальные, общекультурные, технологические и др. На основе обобщения сущностных характеристик издательских стратегий выявляется специфика регионального книжного рынка, обсуждаются возможные варианты его будущего развития.

Ключевые слова: издательства, издательские стратегии, книгоиздание, книжный рынок, книжная индустрия, книжный бизнес, конкуренция, новый продукт, интеграция, Сибирь, Дальний Восток.

I.V. LIZUNOVA

PUBLISHING STRATEGIES IN THE XXI CENTURY: THE CONCEPT, ESSENCE, VALUE

State Public Scientific Technical Library,
15, Voskhod str., Novosibirsk, 630200, Russian Federation

The article is devoted to the actual problem of modernity, the study of publishing strategies existing at the book market. The author considers various interpretations of the term “strategy”, gives its own understanding of the term “publishing strategy”; determines the main elements of the publishing; describes existing classifications of publishing strategies proposed by modern scholars and practitioners.

The paper considers the publishing strategies of existing publishing enterprises introduced and adapted to the market conditions. The characteristic features and advantages of each of them are determined.

It emphasizes that various factors (economic, territorial, general cultural, technological, etc.) have an impact on elaborating a strategy for development of a publishing organization. The author analyzes how the mono-centrism influenced the formation of behavior patterns of regional publishing houses at the book market; reveals the regional book market specificity reflecting possible options for its future development based on the generalization of essential characteristics of the publishing strategies.

Keywords: publishing houses, publishing strategies, book publishing, book market, book industry, book business, competition, new product, integration, Siberia, Far East.

Трансформация издательских стратегий рубежа XX–XXI в. стала следствием изменения экономических основ российского книжного дела. На базе монопольной государственной отрасли возник мощный сектор экономики страны – книжная индустрия, функционирующая по законам рынка.

Расширение законодательных основ книгоиздания в последнем десятилетии XX в. оказало огромное влияние на возникновение новой инфраструктуры книгоиндустрии. К началу XXI в. издательские структуры активно функционировали помимо областных центров более чем в 300 городах России [1, с. 71]. В 1990-е гг.

Ирина Владимировна Лизунова – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: kniga@spsl.nsc.ru.

Irina V. Lizunova – doctor of historical sciences, leading researcher, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

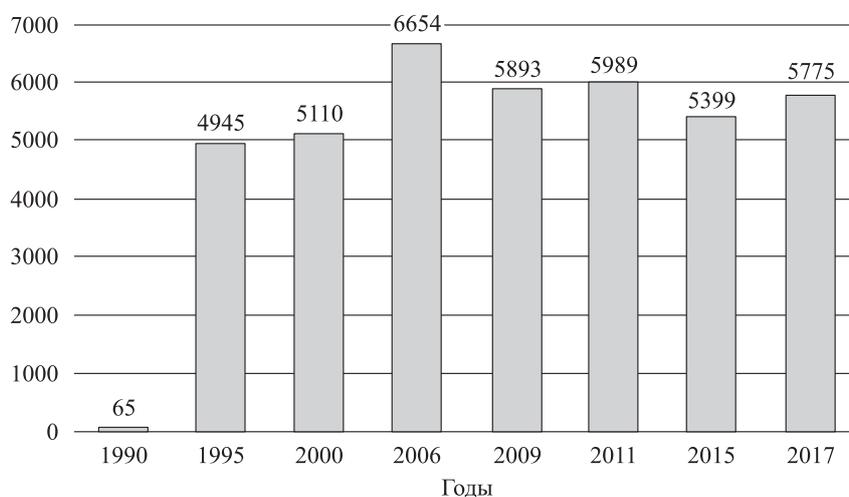

Рис. 1. Количество издательств в России в 1990–2016 гг.

количество издающих организаций увеличилось в десятки раз (рис. 1).

В XXI в. их численность стабилизировалась. По статистическим данным количество издательств варьировало в районе 5500 предприятий, примерно половина из них была расположена за Уралом. Однако в общероссийском книгоиздательском процессе они имели меньший вес по сравнению с издательствами, расположенными в Москве и Санкт-Петербурге [2]. Поэтому издательские стратегии, выбираемые региональными книжными предприятиями, отличались от повседневных практик издателей, которые внедрялись в жизнь центральными издательствами.

Вместе с ростом издательских мощностей на рубеже XX–XXI вв. возросла издательская активность вновь созданных предприятий; изменилась статистика производства книг: наряду с расширением ассортимента выпускаемых книг в регионе сохранялись относительно небольшие средние тиражи.

Это противоречие объяснялось внедряемой в практику новой издательской стратегией: желанием издателей максимально удовлетворить разнообразный потребительский спрос с помощью диверсификации производства с одновременным стремлением предельно снизить собственные риски за счет снижения тиражей и объемов. Так, с 1991 по 1999 г. выпуск книг и брошюр в Сибири и на Дальнем Востоке вырос в 1,5 раза – с 2183 до 3057 названий, при этом резко сократились тиражи – в 16,5 раз: с 44 181,9 до 2678,5 тыс. экз. (рис. 2) [2].

В 2001–2017 гг. динамика региональной книжной индустрии стала размеренно поступательной. Статистика книгоиздания в Сибири и на Дальнем Востоке демонстрирует тенденцию восходящего роста по числу наименований в 1,5 раза – с 2001 к 2017 г. – с 4994

до 7535 экз. книжной продукции, а также циклическую динамику тиражности изданий: от повышения в среднем в 5 раз с 2001 к 2009 г. – с 2918 до 14 294 – до противоположного тренда – снижения объемов публикуемой печатной продукции – в 2017 г. практически до уровня начала века (рис. 2). Цифры свидетельствуют об изменении издательских стратегий, реализуемых большинством региональных издательств [2].

Разрабатывая и реализуя собственные модели поведения на книжном рынке, сибирские и дальневосточные издающие предприятия вынуждены учитывать характерные особенности этого рынка в регионе: платежеспособность населения, реальные объемы продаж книжной продукции, транспортные расходы, логистику доставки книг на дальние расстояния, существующий уровень цен на книги, остроту конкуренции между издательствами с издательской продукцией столичных издательств. Последнее обстоятельство, а именно доставшийся в наследство с прежних времен моноцентризм книжного рынка, играло важнейшую роль в формировании приоритетных направлений развития региональных издательств.

Моноцентричность (т.е. ситуация, когда большинство издаваемых книг выходит в центре страны) оказывает непосредственное влияние на степень насыщенности книгоиздательской продукцией сибирско-дальневосточного региона, в первую очередь местного производства. В большинстве случаев именно моноцентричность рынка определяет издательские стратегии предприятий книжного рынка различных территорий страны: центра и ее регионов. Местные издательства вынуждены приспособляться к условиям жесткой конкуренции с более мощными и более успешными центральными издательствами-гигантами.

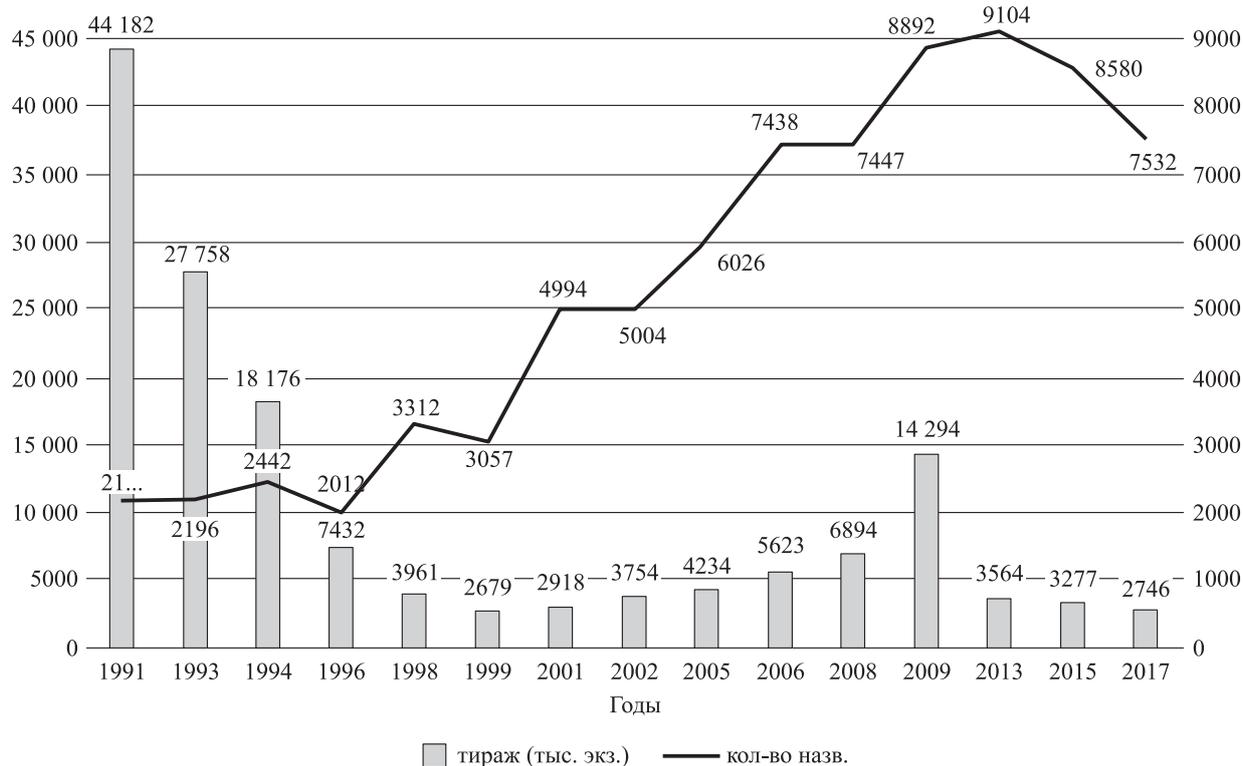

Рис. 2. Выпуск книг и брошюр в Сибири и на Дальнем Востоке в 1991–2010 гг.

Издательские стратегии – понятие, возникшее в начальный период формирования книжного рынка; сегодня их значение усилилось. Пристальный интерес к феномену со стороны издателей-практиков и ученых-исследователей обусловлен его комплексной и многофакторной природой. В настоящее время в книжном бизнесе издательские стратегии играют решающую роль в конкурентной борьбе. От реализации избранных моделей действий, координации и распределения имеющихся ресурсов зависит не просто положение издательства на рынке, но и зачастую его выживаемость в условиях рыночной экономики.

Что же подразумевается под термином «издательская стратегия»? В переводе с греческого слово «стратегия» означает «искусство полководца». Долгое время термин соотносился с наукой о войне, в частности, наукой полководца, с общим (недетализированным) планом военной деятельности, охватывающим длительный период времени. В дальнейшем дефиниция стала соответствовать любым навыкам управления; умению организовывать силы для победы над противником, создавать систему всеобщего управления.

В современном понимании стратегия – это поиск плана действий по развитию и закреплению конкурентных преимуществ компании; долгосрочное качественно определенное направление развития организации, касающееся определенной сферы; принципиальное направление для планирования действий,

которые нужно будет предпринять, чтобы добиться желаемого результата [3].

Говоря о литературных стратегиях современных писателей, В.Ю. Баль трактует стратегию как определенную модель поведения в их жизни и творчестве [4]. Согласно Е. Кассельсу, стратегия – это модель поведения, которой следует организация для достижения своих долгосрочных целей [5]. Ему вторит другой теоретик – И. Ансофф, определяя стратегию как модель действий, набор правил, форму достижения целей предприятия [6].

Опираясь на данные определения, сформулируем собственное понимание термина. Издательская стратегия – это некая упорядоченная во времени концептуальная модель поведения издательства / издающей организации, реализуемая через приоритетные направления, формы, методы, средства, правила, приемы использования ресурсного, научно-технического и производственно-сбытового потенциала предприятия для достижения собственной миссии и целей, сохранения и/или расширения своего конкурентного преимущества на книжном рынке.

Издательскую стратегию определяют многие параметры: цели издающей организации; действия (управленческие решения, пути и средства реализации целей); ресурсы (их виды и количество) и т.п. [6].

На модель поведения региональных предприятий влияют и другие факторы: уровень инвестиционной активности лидеров книгоиздания и книгораспростра-

нения, концентрация издательского и книготоргового бизнеса в Москве и Петербурге, развитость инфраструктуры, ресурсообеспеченность, государственное регулирование, привлекательность отрасли, конкурентоспособность организации, философия бизнеса, миссия компании, организационная культура, персональные амбиции руководства.

Помимо трансформации книгоиздательской системы страны, ее адаптации к рыночным условиям с участием названных факторов экономического порядка (падение платежеспособного спроса населения, сокращение времени на чтение за счет роста доли рабочего времени и др.), на издательские стратегии повлияли и общемировые тенденции: глобализация культурных процессов; интенсивное развитие новых информационно-коммуникационных технологий; ослабление интереса к чтению из-за растущей популярности других масс-медиа.

Л.В. Зими́на говорит об издательских стратегиях как о прибыльных издательских проектах, определяемых читательской аудиторией, дифференцированной в зависимости от читательской аудитории, от ориентаций на классические ценности, модные тренды, развлечение, отвлечение от действительности и пр. Характеризуя систему литературно-художественного книгоиздания, отражающую взаимосвязь литературного процесса и издательского дела, она предлагает следующую типологию издательских стратегий: *академические стратегии* (не только проекты академических изданий литературных классиков, но и восполнение огромных пробелов в дисциплинарном поле той или иной науки: философии, литературной теории, социологии), *нонконформистские стратегии* (спектр нонконформистских стратегий по целевой направленности широк: провокативные – культурно-интеллектуальная провокация, альтернативные, контркультурные, маргинальные, политически-радикальные – издательства Независимой издательской ассоциации «Фаланстер»), *беллетристические (развлекательные) стратегии* (издательства-гиганты и традиционные литературные издательства), *репутационные стратегии (или стратегии «новой буржуазности»)* (ориентация на модные каноны, средний класс, переплетение с функционированием престижных литературных премий/конкурсов), *традиционалистские стратегии* (рассчитанные на массовую аудиторию, поддержание литературного канона, семейных библиотек) [7].

Издательские стратегии, с точки зрения развития издательского бизнеса, как новые целенаправленные программы роста, анализируются начальником отдела деловой и учебной литературы издательства «Эксмо» И.Е. Федосовой [8].

Тенденция концентрации производства, развившаяся прежде всего в сфере тиражей, является ярким подтверждением используемой издательствами-гигантами, а также другими крупными общероссийскими компаниями *стратегии глубокого проникновения на рынок*. Данной издательской стратегии

следовало большинство крупных издательств, работавших в массовых сегментах рынка. Повышая объемы выпуска книжной продукции, издательства достигают увеличения прибыли за счет *эффекта масштаба*. Подобную модель поведения – глубокого эшелонированного проникновения на отечественный книжный рынок – могли позволить себе только издательства-гиганты. Огромные тиражи обеспечивали низкую себестоимость выпускаемой ими продукции. Поэтому гиганты могли применять самые разные приемы и методы расширения сбыта продукции: установление невысоких цен, массивное рекламное продвижение товаров, интенсификацию продвижения книг, постоянное обновление ассортимента и т.п. По мнению И.Е. Федосовой, «данная стратегия благоприятно сказывается на имидже издательства, рекламная поддержка усиливает бренд издательства и способствует реализации других стратегий. Однако для обеспечения значительных темпов роста использования данной стратегии для издательства-лидера недостаточно. Увеличение объемов продаж на 1 млн долларов небольшому издательству может обеспечить 200 % роста, а издательству-лидеру он обеспечит только 1–2 % роста» [7, с. 104].

Итак, к началу XXI в. стратегия интенсивного роста, глубокого проникновения на рынок исчерпала себя. Книжный рынок стабилизировался, сложилась его основная инфраструктура. Наряду с авторитетными специализированными книгопроизводящими гигантами, существующими не одно десятилетие («Просвещение», «Прогресс», «Наука», «Художественная литература», «Искусство», «Знание», «Высшая школа»), в 1990-е гг. развернули свою деловую активность и превратились в лидеров книжной индустрии новые мощные издательства. Они монополизировали российский книжное пространство, прочно утвердились на мировом рынке («АСТ», «Дрофа», «Олма-пресс», «Эксмо», «Вагриус», «Росмэн», «Фламинго» и др.). Примечательно, что в «десятке» лидеров из года в год оказывались центральные издательства с универсальным ассортиментом и издатели, специализирующиеся на учебной литературе: «Дрофа», «Росмэн», «ИЦ Академия», «Экзамен XXI», «Рипол классик», «Феникс» (Ростов-на-Дону)¹.

К 2000 г. сформировалась устойчивая группа издательств-лидеров, на долю которых приходился огромный объем годового суммарного тиража: для сравнения: в 2008 г. пятерка издательств-гигантов («Эксмо (+АСТ)», «Олма Медиа Групп (+Просвещение)», «Фламинго», «Азбука-Аттикус», «Феникс») издавала 35,3%, а в 2015 – уже 45,3%. 100 российских издательств обеспечивают половину всего книжного выпуска по числу названий [9, с. 18].

Издательства оказались перед сложным выбором стратегий развития – поиском новых моделей

¹ Кириллова Л.А., Сухоруков Н.М. Все выше, и выше, и выше... Рекордные статистические показатели российского книгоиздания в 2008 году // Российская книжная палата : URL: http://www.book-chamber.ru/content/stat/stat_2008.html (дата обращения: 10.10.2010).

издательского бизнеса. Одними из наиболее успешных в начале XXI в. были *стратегия создания рынка и стратегия нового продукта*. Они позволили стремительно подняться небольшим издательствам, которые даже смогли войти в двадцатку ведущих издательств России. Издательства-лидеры также применяли эти стратегии. Однако в настоящее время создание нового рынка для имеющейся продукции становится все более сложным, затратным и очень рискованным делом. Издательства могут осуществить эту стратегию только в долгосрочной перспективе: либо через новую ценовую политику, либо через выход на новые географические рынки (страны ближнего и дальнего зарубежья).

Реализовав стратегию создания рынка, многие издательства перешли на новое генеральное развитие собственных предприятий – на *стратегию внешнего роста*. Данная стратегия предполагает приобретение, слияние и образование совместных предприятий. В арсенале действий компаний самые разные варианты возможного развития событий: от приобретения или договоренности с недавно созданными, молодыми компаниями-производителями книг (издательствами, типографиями, книготорговыми предприятиями) до поглощения более слабых или уязвимых предприятий книжной индустрии. К внешнему росту более крупной компании подталкивают результаты анализа внешней среды: возможности сочетать ее сильные стороны, активно управлять ими или включить их в состав компании.

Стратегию внешнего роста следует представить в виде *вертикальной интеграции и горизонтальной интеграции*. *Вертикальную интеграцию* впервые на книжном рынке попытались воплотить в жизнь издательства-гиганты в 1998–2000 гг. Они стали вкладывать накопленные средства в покупки типографии, в заключение контрактов для последующего установления контроля над полиграфическим производством. Активно реализовали эту стратегию такие издательства, как АСТ, Эксмо, Олма-пресс. Издательства-лидеры выстроили экономические отношения с книготорговыми предприятиями, занялись созданием собственной сети торговых предприятий, открыли свои логистические центры, обслуживающие книготорговые точки.

Стратегия горизонтальной интеграции предполагает, что издательство приобретает активы конкурента или сливается с ним либо с какой-то другой компанией, действующей на той же стадии производства. Данная стратегия позволяет наращивать темпы собственного роста, сохранить и расширить свое влияние на книжном рынке страны. Однако позволить себе подобную стратегию могут только финансово независимые сильные компании, огромные издательские холдинги со своим производством и системой реализации, с миллионными объемами продаж либо единичные крупные региональные издательства.

Большинство издающих организаций для достижения собственных целей адаптации и расширения

книжного бизнеса использует *стратегию вывода на рынок нового продукта*, т.е. закрывают ту нишу, в которой они сохраняют и преумножают свои конкурентоспособные преимущества. Для обеспечения соответствующих темпов роста региональные издательства внедряют следующие *стратегии нового продукта*:

- краеведческие стратегии (большинство издающих предприятий региона: музеи, архивы, государственные учреждения, а также издательства выпускают печатную продукцию краеведческой проблематики);
- академические стратегии (научное академическое книгоиздание);
- вузовские стратегии (вузы – издательства-лидеры регионального книгоиздания);
- литературно-художественные;
- традиционалистские (универсальные);
- инди-стратегии (независимые издатели, ориентирующиеся на собственные вкус и видение читательских потребностей);
- онлайн-стратегии (стратегии цифрового будущего).

За два десятилетия постсоветской эпохи сибирско-дальневосточная региональные издательские стратегии изменились кардинальным образом. Многим из них, чтобы завоевать себе место на рынке и остаться конкурентоспособными, пришлось адаптироваться к требованиям рыночной экономики в условиях моноцентризма рынка и резко обострившейся конкуренции между издательствами за потребителя. Причем издательства Сибири и Дальнего Востока формировали свои стратегии, отличные от стратегий издательств центра, руководствуясь собственными целями и задачами, информацией о различных альтернативах развития и желаемым видением своего места и роли в книжной индустрии региона, страны. Специфика выработки издательской стратегии заключается в необходимости учета емкости регионального рынка, мощной конкуренции со стороны издательств-гигантов, низкой покупательной способности населения, отсутствия собственной розничной сети, дифференцированности отдельных областей по уровню транспортных тарифов на поставку книг и т.п. Отсюда изобретательность региональных издающих предприятий в проектировании и реализации самых разных издательских стратегий, их ориентация на конечного потребителя, планирование будущих перспектив развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современное отечественное и зарубежное издательское дело / сост. А.В. Зарубин; под ред. Т.В. Поповой. Екатеринбург, 2008. 112 с.
2. Книжный рынок России: проблемы, итоги, перспективы. Отраслевой доклад за 1991–2016. М., 1992–2017.
3. *Почепцов Г.Г.* Стратегия. М.: Рефл-бук, 2005. 384 с.
4. *Баль В.Ю.* Литературные стратегии современных писателей в медиапространстве // Книга: Сибирь – Евразия: труды I Междунар. науч. конгресса. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2016. Т. 3. С. 42–48.
5. *Гольдштейн Г.Я.* Стратегический менеджмент. Конспект лекций. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1995. 93 с.

6. Ансофф И. Стратегическое управление. М.: Экономика, 1989. 303 с.

7. Зими́на Л.В. Современные издательские стратегии: от традиционного книгоиздания до сетевых технологий культурной памяти. М.: Наука, 2004. 273 с.

8. Федосова И.Е. Направо пойдешь... Налево пойдешь... Проблемы стратегического развития издательского бизнеса России // Российское предпринимательство. 2004. №12. С. 103–107.

9. Книжный рынок России: подходы к количественной оценке // Книга. Исследования и материалы. М., 2008. Сб. 88/II. С. 12–20.

REFERENCES

1. Popova T.V. (ed.) Modern domestic and foreign publishing business. Ekaterinburg, 2008, 112 p. (In Russ.)

2. The Russian book market: problems, results, prospects: branch reports for 1991–2016. Moscow, 1997–2017. (In Russ.)

3. Pochepstov G.G. Strategy. Moscow, Refl-book, 2005, 384 p. (In Russ.)

4. Bal' V.Yu. Literary strategies of contemporary writers in media space. *Kniga: Sibir' – Evraziya: trudy I Mezhdunar. nauch. kongr.* Novosibirsk, 2016, vol. 3, pp. 42–48. (In Russ.)

5. Goldstein G.Ya. Strategic management. Lecture notes. Taganrog, Izd-vo TRTU, 1995, 93 p. (In Russ.)

6. Ansoff I. Strategic management. Moscow, Ekonomika, 1989, 303 p. (In Russ.)

7. Zimina L.V. Modern publishing strategies: from traditional book publishing to networking technologies of cultural memory. Moscow, Nauka, 2004. 273 p. (In Russ.)

8. Fedosova I.E. You will go to the right... You will go to the left ... Problems of strategic development of publishing business of Russia. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo*. 2004, no. 12, pp. 103–107. (In Russ.)

9. The Russian book market: approaches to quantitative evaluation. *Kniga. Issledovaniya i materialy*. Moscow, 2008, bk. 88, pt. 2, pp. 12–20. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 25.09.2018

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20180413
УДК 94(571) "18":070

И. С. ЧЕРНОВА (КОЗЛОВА)

СИБИРСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье на основе эго-документов сотрудников периодики определяется место сибирских журналистов в среде региональной интеллигенции. Отмечается, что корпус журналистов нередко комплектовался за счет представителей других профессиональных сообществ. Деятели прессы способствовали конструированию общественно-политических взглядов, системы ценностей своих читателей. Печать являлась институтом формирования и трансляции общественного мнения региональной интеллигенции. Благодаря коммуникативным практикам журналисты становились инициаторами сплочения различных слоев интеллигенции с целью участия в общественной жизни сибирских городов, а также создания местных учреждений культурного характера.

Ключевые слова: профессиональное сообщество сибирских журналистов, сибирская интеллигенция, история сибирской журналистики, эго-документы.

I. S. CHERNOVA (KOZLOVA)

THE PLACE OF SIBERIAN JOURNALISTS AMONG THE REGIONAL INTELLIGENTSIA IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str, Novosibirsk, 63000, Russian Federation

The article analyzes the place of Siberian journalists among the regional intelligentsia of Siberia in the second half of XIX – early XX centuries based on sources of personal origin. The historiography of the issue includes studies on the history of local intelligentsia, Siberian journalism, as well as works reflecting the activities of certain members of intelligentsia in the periodical press. Accepting the researchers' conclusions, the author notes that representatives of local intelligentsia, namely teachers, doctors, lawyers, officials, artists, fell into the ranks of journalists. At the same time, journalists belonged to other professional groups, which was a characteristic feature of the local press. Journalists contributed to forming social and political views of the reading public, constructing a picture of the world and a system of values. Their task was to study the region, to identify its "imperfections", as well as to find possible ways to transform the local life. Journalists uncovered the arbitrariness of the administrative apparatus, and linked the local society to Russia and Europe through publishing news in newspapers. The periodicals were a platform for joint activities of journalists

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Интеллектуальный лидер и его окружение: формирование социокультурной идентичности», № 18-00094а.

Ирина Сергеевна Чернова (Козлова) – аспирант, стажер-исследователь Института истории СО РАН, e-mail: chernovairina0611@mail.ru.

Irina S. Chernova (Kozlova) – postgraduate student, a research-intern, Institute of History SB RAS.

and intellectuals. Their editors invited representatives of the society's educated layers to cooperate that allowed readers to acquaint with the texts of various thematic areas. Journalists developed behavioral strategies with the authorities like the Governor or censors in order to approve the edition's direction and to save it. Through the communicative practices, the members of the press acted as intellectual leaders, initiated organizing cultural institutions, bringing together local intellectuals.

Key word: professional community of Siberian journalists, Siberian intelligentsia, Siberian journalism history, ego-documents.

Интеллигенция дореволюционной России играла важную роль в просвещении населения, содействуя общественному, культурному, духовному развитию регионов. Отдельные представители образованных слоев общества выступали «властителями дум» читающей публики, ее интеллектуальными лидерами. Их деятельность способствовала формированию общественно-политических взглядов, поведенческих стратегий «подвластной» им аудитории.

К вопросам зарождения сибирской интеллигенции, возникновения учреждений просветительской направленности обращались и сами журналисты дореволюционной России. Н.М. Ядринцев в своей работе «Сибирь как колония» описывал состояние умственной жизни региона, характеризовал развитие сети библиотек, музеев, медицинских учреждений [1]. Г.Н. Потанин анализировал условия общественной жизни Сибири, комплектования корпуса местной интеллигенции, отмечал ее задачи [2]. В данный период стали публиковать биографии выдающихся представителей интеллигенции [3].

В советское время изучению местной интеллигенции посвящались статьи А.Е. Плотникова и И.Г. Мосиной, которые показали динамику численности, специфику территориального размещения местной интеллигенции [4, 5]. В третьем томе истории Сибири характеризовались уровень народного образования, деятельность научных обществ, а также театральная культура сибирского общества [6]. Отдельного упоминания заслуживают исследования А.В. Дулова, Н.П. Матхановой, посвященные участию политических ссыльных в периодической печати, а также их взаимоотношениям с местной интеллигенцией [7, 8].

В постсоветский период А.В. Лисичникова комплексно охарактеризовала образ жизни интеллигенции губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в. [9]. Особый интерес представляют статьи, вошедшие в сборник об интеллигенции восточных регионов России первой половины XX в. [10]. М.В. Шиловским описаны повседневные практики городской интеллигенции в XIX – начале XX в., а также созданы биографические очерки о выдающихся сибиряках, сыгравших важную роль в культурной и общественной жизни региона [11, 12].

Специалистами по истории сибирской журналистики – С.И. Гольдфарбом, Н.В. Жиликовой, Л.С. Любимовым – проанализированы информационная наполняемость газетных номеров, обстоятельства их издания, а также цензурные, правовые и экономические условия развития газетного дела [13, 14, 15].

Участие представителей власти в местных периодических изданиях представлено в монографии Н.Н. Морозовой [16]. А.П. Шинкарева проанализировала сотрудничество иркутских врачей с региональной печатью [17]. Л.Я. Подольская и Ф.М. Полищук охарактеризовали личность В.И. Вагина в рамках его научно-исследовательской и публици-

стической деятельности [18]. Статья Н.П. Матхановой посвящена деятельности В.И. Вагина в периодической печати во время пребывания в должности окружного начальника г. Каинска [19].

Цель данной статьи – охарактеризовать место сибирских журналистов в среде региональной интеллигенции во второй половине XIX – начала XX в. на основе анализа эго-документов сотрудников прессы. В качестве источников нами были востребованы письма и воспоминания редакторов местных изданий, а именно «Сибирской газеты», «Восточного обозрения», А.В. Адрианова, Н.М. Ядринцева, И.И. Попова соответственно, а также сотрудников региональной печати Г.Н. Потанина, П.И. Макушина, П.Н. Лепешинского, Г.Д. Гребенщикова [20–28]. Часть из них не опубликована и хранится в личных фондах Н.М. Ядринцева и В.П. Сукачева¹.

В настоящей статье «сибирскими журналистами» мы считаем людей, временно или постоянно проживавших на территории Сибири и являвшихся постоянными сотрудниками местных периодических изданий. К ним отнесены и те журналисты, которые проживали на территории Европейской России и профессионально занимались сибирской проблематикой. Особое значение в детерминации данного понятия имеет именно самоидентификация сотрудника, соотнесение им собственного «я» с коллегами, журналистами, с их признанием.

В Сибири в 1850-е гг. начали издаваться «Губернские ведомости». Вокруг неофициального отдела постепенно сформировалась группа единомышленников, которые стали рассматривать газету не только в качестве «распространителя новостей», но и как «площадку» для публикации текстов научного и публицистического характера о Сибири [16, с. 74]. Н.М. Ядринцев отмечал, что около полугода они «старались сделать эту часть литературной. Это были первые шаги выяснения местных вопросов» [21, с. 154]. «Губернские ведомости» стали своеобразной «точкой отсчета» для формирования сообщества журналистов в среде местной интеллигенции, а также «пробой пера» и определения задач сибирской журналистики.

Корпус журналистов в большинстве случаев комплектовался за счет представителей различных профессиональных сообществ Сибири, что являлось характерной чертой местной периодики. Л.С. Любимов отмечает, что большинство журналистов в Сибири вышли из учителей, врачей, юристов, техников и инженеров, литераторов, библиотекарей, артистов и музыкантов [15, с. 10–11].

Какое же место занимали деятели прессы в среде региональной интеллигенции? Интересное рассуждение по этому поводу опубликовано в дореволюционном изда-

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 580; 1769.

нии «Город Томск» Г.Н. Потаниным. Под интеллигенцией он подразумевал не просто грамотную часть населения, а именно ту часть, которая служила развитию просвещения. Он подмечал, что интеллигентные слои общества распадаются на две части вследствие разницы в их темпераменте. Потанин указывал: «Часть интеллигенции состоит из людей спокойных, умеренных и уравновешенных; другая составлена из лиц более живых, тревожных, неудовлетворенных. <...> Люди спокойного темперамента отдаются ученым занятиям, уходят в кабинеты и лаборатории. Люди более живого темперамента становятся публицистами и общественными деятелями». В связи с этим он интересовался отношением различных категорий образованных слоев к строю современной им жизни: «Первая категория легко мирится с ним; <...> вторая категория по самой природе вещей никогда не может удовлетвориться существующими порядками; ее призвание улучшать эти порядки, протестовать против того, что устарело и отжило» [2, с. 93–94].

Журналисты нередко поднимали новые для местной интеллигенции вопросы, выступая «первооткрывателями». Так, в журнале «Сибирские вопросы» задачи региональной периодики формулируются следующим образом: «Местная печать является единственным средством <...> вывести общественное мнение из абсолютной темноты <...> Только путем печати коллективный разум местного общества и может разобраться в местных особенностях, определить местные условия, выяснить подробности, которые, быть может, на практике являются иными, чем представляются в теории» [29, с. 92]. Очевидно, что на журналистов накладывалась определенная ответственность в деле изучения региона, выработки ключевых проблем и поиска путей их решения. На это обращал внимание Г.Н. Потанин: «Когда в крае журналистика выработает местные вопросы, когда она выяснит местные нужды, местное горе, тогда людям самим захочется остаться в крае и работать на него» [23, с. 173].

Авторы публикаций на страницах периодических изданий информировали читателей о ежедневных происшествиях, событиях. Это позволяло подписчикам увидеть «невидимую связь» отдаленной Сибири с Европейской Россией, а также зарубежьем. Г.Н. Потанин подчеркивал ключевую роль печати: «Нужно дать понять провинциальной публике, что в газете все ее спасение, вся ее жизнь. Ни университет, ни земские собрания – ничто не может быть таким будильником жизни, как периодическое издание, пресса» [24, с. 22].

Журналистика не только воспринималась как способ доведения до населения насущных проблем, но и являлась институтом конструирования мировоззренческих ориентиров, картины мира у читательской аудитории. Подтверждение тому находим в воспоминаниях политического ссыльного, сотрудника «Сибирской жизни» П.Н. Лепешинского: «В известной мере мы могли располагать общественным мнением сибирского “общества”, как подсобной для нас стихией в нашей борьбе с <...> враждебными силами» [27, с. 73]. Журналисты с помощью печатного слова вскрывали несовершенство современного им общества, публиковали обличительные материалы, характеризовавшие деятельность местного административного аппарата. Редактор-издатель «Сибирской газеты» П.И. Макушин отмечал, что «предста-

вители прогрессивной политической мысли нашли в газете орган, через который они могли более или менее откровенно, а иногда хотя эзоповским языком, делиться своими чаяниями и мечтами о новой жизни, вскрывая общественные язвы и бичуя произвол и насилие» [26, с. 97].

Площадкой для совместной деятельности журналистов и представителей образованных сообществ выступала сама периодическая печать, поскольку привлечение интеллигентных кругов к работе в издании являлось важнейшей задачей редактора. Благодаря этому газетные номера наполнялись разносторонними текстами. Так, характеризую деятельность Н.М. Ядринцева в газете, И.И. Попов писал: «К участию в газете он привлекал лучшие тогдашние силы, ученых и профессоров, занимающихся изучением вопросов, касающихся Сибири и Востока»².

Журналисты сотрудничали с институтом власти в лице губернатора и/или цензора посредством личных встреч. В журнале «Сибирские вопросы» описывалось подобное знакомство: «Захотел ознакомиться с представителями местной прессы и вновь прибывший губернатор, Неверов, который пригласил редакторов <...>. Прибывшим он заявил, что не является врагом печати, и предложил свое любезное содействие в деле проверки корреспонденций и материалов» [30, с. 36–37]. Редактор газеты «Восточное обозрение» И.И. Попов, рассуждая о своей профессиональной деятельности, писал, что «положение редактора дало мне связи, открыло такие тайники, которые были недоступны простому смертному. Я переписывался, сносился со всевозможными лицами, проникал в отдаленные уголки Сибири, говорил с властями, не исключая генерал-губернаторов, таким языком, каким с ними другие не говорили. Со мной считались» [22, с. 7].

Таким образом, в источниках мы встречаем порой противоречивые сведения о выстраивании поведенческих стратегий с институтом власти, которые напрямую зависели от личности редактора, издателя. Цитата из воспоминаний Попова характеризует место, которое занимали журналисты в среде местной интеллигенции. Они выступали центром формирования и трансляции общественно-политических взглядов различных групп населения. Для поддержания данного статуса использовались коммуникативные практики, в числе которых следует назвать журфиксы, литературные вечера. Подобные мероприятия посещали представители образованных слоев общества с целью обсуждения вопросов государственного значения, а также газетных статей. К примеру, Г.Н. Потанин писал, что «в последний вторник собралось 12 персон, в том числе и шесть девиц. <...> Посещает меня также другая учительница. <...> Хочу еще несколько других учительниц пригласить на мои журфиксы. <...> Хотелось бы заполучить на них здешних беллетристов» [25, с. 69]. Журфиксы, литературные вечера становились трибуной для обмена мнениями по наиболее значимым проблемам современного им общества, а журналисты выступали проводниками, интеллектуальными лидерами.

Сами редакции являлись местом объединения местных жителей, интеллигенции. Так, Г.Н. Потанин писал, что «дома только пью чай, а завтракать и обедать ухожу к редак-

² РГАЛИ. Ф. 580. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

тору «Вост[очного] об[озрения]», где нахожу вороха газет, как столичных, так и со всех концов России. Таким образом, ежедневно an cougant [в курсе] всех политических новостей» [25, с. 35]. Однако территориальная отдаленность городов друг от друга нередко сказывалась на характере взаимоотношений читателей, журналистов, интеллигенции. Не имея возможности лично посетить редакцию, читатели ежедневно посылали письма по адресу издания. В письме В.П. Сукачеву Н.М. Ядринцев отмечал: «Я весьма доволен, что редакция становится центром, где стекаются известия и представители печати избирают как лиц беспристрастных, оказывая им полное доверие в делах общественных»³.

На характер взаимоотношений журналистов и местной интеллигенции влияла городская среда. В Томске и Иркутске устраивались различные мероприятия культурного и научного характера, где происходил обмен мнениями, укреплялись связи между образованными слоями общества. Г.Н. Потанин указывал: «Вот два спешных дела: юбилей В.В. Сапожникова и художественная выставка Гуркина. А кроме того разные общества; заседания чуть не каждый вечер» [25, с. 258].

Помимо участия в таких мероприятиях, журналисты нередко выступали инициаторами сближения с другими слоями интеллигенции с целью создания того или иного общественного учреждения культурного, научного, образовательного характера. В печати публиковались призывы к сотрудничеству, совместной деятельности на благо родного края. Г.Д. Гребенщиков писал: «Мне хотелось бы путем печати поднять вопрос об одном из способов приобретения средств для Сибирского Женского Университета, именно обратиться печатно ко всем редакциям сибирских и столичных газет, дабы они приняли на себя прием пожертвований, инициативу устройства вечеров, спектаклей и концертов» [28, с. 45].

Таким образом, сотрудниками сибирской прессы выступали представители различных образованных сообществ. Причем деятели печати одновременно принадлежали к различным профессиональным группам. Журналисты выступали интеллектуальными лидерами, общественными деятелями, инициаторами создания различных учреждений культурного и образовательного характера. Они формировали и транслировали общественное мнение в массы, конструировали систему ценностей для своих читателей, а также выявляли региональные проблемы, информировали о событиях в регионе, стране, мире. Посредством коммуникативных практик объединяли вокруг себя читателей, местную интеллигенцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892. 720 с.
2. Потанин Г.Н. Культурно-просветительные организации // Город Томск. Томск, 1912. С. 90–100.
3. Дубровский К.В. Рожденные в стране изгнания [биографические очерки]. Пг., 1916. 255 с.
4. Плотников А.Е. Численность, состав и территориальное размещение Сибири (по переписи 1897 г.) // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск, 1990. С. 96–105.
5. Мосина И.Г. Интеллигенция в Сибири в начале XX века (численность и структура) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. С. 133–136.
6. Просвещение и культура в Сибири во второй половине XIX – начала XX в. // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 3 / гл. ред. А. А. Окладников. С. 366–436.
7. Дулов А.В. Публицистика петрашевца Ф.О. Львова // Журналистика в Сибири / отв. ред. М.И. Давидсон. Иркутск, 1969. С. 55–71.
8. Матханова Н.П. Сотрудничество политических ссыльных и общественных деятелей Восточной Сибири в «Иркутских губернских ведомостях» // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1980. С. 205–223.
9. Лисичникова А.В. Образ жизни интеллигенции губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000. С. 116.
10. Интеллигенция восточных регионов России в первой половине XX века: сб. науч. тр. / отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск, 2011. 222 с.
11. Шиловский М.В. Повседневная среда обитания городской интеллигенции Сибири в XIX – начале XX в. // Города Сибири XVII – начала XX вв. Барнаул, 2001. С. 88–101.
12. Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью. Биографические очерки. Новосибирск, 2007. 252 с.
13. Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 2002. 312 с.
14. Жилиякова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011. 446 с.
15. Либимов Л.С. Возникновение и развитие периодической печати Сибири // 150 лет периодической печати Сибири: Материалы регион. науч. конф., посв. 150-летию издания в Сибири губернских ведомостей. Томск, 2007. С. 7–12.
16. Морозова Н.Н. Коммуникация власти и общества (по материалам «Губернских ведомостей» Западной Сибири 1857–1866 гг.). Новосибирск, 2012. 191 с.
17. Шинкарева А.П. Участие иркутских врачей в издательской деятельности // Интеллигент провинции: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 85-летию со дня рождения профессора ИГУ Л.Л. Ермолинского. Иркутск, 2012. С. 99–108.
18. Подольская Л.Я., Полищук Ф.М. В.И. Вагин – исследователь, публицист, библиофил. Иркутск, 2006. 170 с.
19. Матханова Н.П. Всеволод Иванович Вагин – каинский корреспондент сибирских газет // Гуманитарные науки Сибири. 2000. № 4. С. 107–110.
20. Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: письма Г. Н. Потанину / сост., публ. Н. В. Васенькин. Томск, 2007. 288 с.
21. Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Русская мысль. 1904. Кн. 6. С. 152–170.
22. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989. 384 с.
23. Письма Г.Н. Потанина: Иркутск, 1988. Т. 2 / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. 344 с.
24. Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1989. Т. 3 / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. 296 с.
25. Потанин Г.Н. «Мне хочется служить Вам, одеть Вас своей любовью»: переписка / сост. Н.В. Васенькин, Г.И. Колосова. Томск, 2004. 418 с.
26. Макушин П.И. Газетно-издательская деятельность во времена царизма. (Глава из воспоминаний) // Северная Азия. 1928. № 2. С. 91–100.
27. Лепешинский П.Н. На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). Л., 1925. 243 с.
28. Гребенщиков Г.Д. и Потанин Г.Н.: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост. Т. Г. Черняева. Барнаул, 2008. 212 с.

³ РГАЛИ Ф. 1769. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

29. L. Из хроники общественной жизни Сибири // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 88–93.

30. Сибирские письма // Сибирские вопросы. 1910. № 42–43. С. 24–46.

REFERENCES

1. *Yadrintsev N.M.* Siberia as a colony. Saint Petersburg, 1892, 720 p. (In Russ.)
2. *Potinin G.N.* Cultural and educational organizations. *Gorod Tomsk*. Tomsk, 1912, pp. 90–100. (In Russ.)
3. *Dubrovsky K.V.* Born in the country of exile: [biographical essays.] Petrograd, 1916, 255 p. (In Russ.)
4. *Plotnikov A.E.* The number, composition and territorial distribution of Siberia (according to the census of 1897). *Problemy istochnikovedeniya i istoriografii Sibiri dooktyabr'skogo perioda*. Omsk, 1990, pp. 96–105. (In Russ.)
5. *Mosina I.G.* Intelligentsia in Siberia in the early XX century (number and structure). *Sibir' v proshlom, nastoyashchem i budushchem*. Novosibirsk, 1981, pp. 133–136. (In Russ.)
6. *Okladnikov A.A.* (ed.) Education and culture in Siberia in the second half of XIX–beginning of XX century. *Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dney*. Leningrad, 1968, vol. 3, pp. 366–436 (In Russ.)
7. *Dulov A.V.* Publicism by F.O. Lvov, a Petrashev circle member. *Zhurnalistsika v Sibiri*. Irkutsk, 1969, pp. 55–71. (In Russ.)
8. *Matkhanova N.P.* Cooperation of political exiles and public figures of East Siberia in “Irkutskie Gubernskie Vedomosti”. *Ssylka i obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)*. Novosibirsk, 1980, pp. 205–223. (In Russ.)
9. *Lisichnikova A.V.* The intelligentsia way of life in provincial and regional centers of East Siberia in the second half of the XIX century: dissertation. Irkutsk, 2000. 116 p. (In Russ.)
10. *Soskin V.L.* (ed.) Intelligentsia of eastern regions of Russia in the first half of the XX century: scientific works collection. Novosibirsk, 2011. 222 p. (In Russ.)
11. *Shilovskiy M.V.* Everyday living environment of Siberian urban intelligentsia in the XIX – early XX centuries. *Goroda Sibiri XVII – nachala XX vv.* Barnaul, 2001, pp. 88–101. (In Russ.)
12. *Shilovskiy M.V.* Fates associated with Siberia. Biographical sketches. Novosibirsk, 2007, 252 p. (In Russ.)
13. *Goldfarb S.I.* Newspaper business in Siberia (the XIX – early XX centuries). Irkutsk, 2002, 312 p. (In Russ.)
14. *Zhilyakova N.V.* Journalism of Tomsk city (the XIX – early XX centuries): formation and development. Tomsk, 2011, 446 p. (In Russ.)
15. *Lyubimov L.S.* The emergence and development of periodicals in Siberia. *150 let periodicheskoy pechati Sibiri: materialy region. nauch. konf., posvyashch. 150-letiyu izdaniya v Sibiri gubern. vedomostey*. Tomsk, 2007, pp. 7–12. (In Russ.)
16. *Morozova N.N.* Communication of power and society (on the materials of “Gubernskie Vedomosti” in West Siberia, 1857–1866). Novosibirsk, 2012, 191 p. (In Russ.)
17. *Shinkareva A.P.* Participation of Irkutsk doctors in publishing. *An intellectual in the province: past, present, future: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 85-letiyu so dnya rozhdeniya prof. IGU L.L. Ermolinskogo*. Irkutsk, pp. 99–108. (In Russ.)
18. *Podolskaya L.Ya., Polishchuk F.M.* V.I. Vagin as a researcher, writer, bibliophile. Irkutsk, 2006, 170 p. (In Russ.)
19. *Matkhanova N.P.* Vsevolod Ivanovich Vagin is Kain correspondent of Siberian newspapers. *Gumanitarnye nauki Sibiri*. 2000, no. 4, pp. 107–110. (In Russ.)
20. *Adrianov A.V.* “Dear Grigory Nikolaevich...”: letters to G.N. Potanin. Tomsk, 2007, 288 p. (In Russ.)
21. *Yadrintsev N.M.* To my autobiography. *Russkaya mysl'*. 1904, bk. 6, pp. 152–170. (In Russ.)
22. *Popov I.I.* Forgotten Irkutsk pages: editorial. Irkutsk, 1989, 384 p. (In Russ.)
23. *Grumm-Grzhimailo A.G. et al.* (comps.) G.N. Potanin's letters. 1988, vol. 2. Irkutsk, 344 p. (In Russ.)
24. *Grumm-Grzhimailo A.G. et al.* (comps.) G.N. Potanin's letters. 1988, vol. 3. Irkutsk, 296 p. (In Russ.)
25. *Potanin G.N.* “I want to serve you, to dress you with my love”: correspondence. Tomsk, 2004, 418 p. (In Russ.)
26. *Makushin P.I.* Newspaper publishing activity in tsarist times. (A chapter of memories). *Severnaya Azia*. 1928, no. 2, pp. 91–100. (In Russ.)
27. *Lepeshinskiy P.N.* At the turn (from the late 1880s to 1905). Leningrad, 1925, 243 p. (In Russ.)
28. *Chernyaeva T.G.* (comp.) Grebenshchikov G.D. and Potanin, G.N.: a dialogue of generations (letters, articles, memories, reviews). Barnaul, 2008, 212 p. (In Russ.)
29. *L.* From the chronicles of public life in Siberia. *Sibirskie voprosy*. 1906, no. 2, pp. 88–93. (In Russ.)
30. Siberian letters. *Sibirskie voprosy*. 1910, no. 42/43, pp. 24–46. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.09.2018

DOI: 10.15372/HSS20180414
УДК 070 + 94(47)"1880/1900"

А.А. СТАРЫШКИНА

**ЭГО-ДОКУМЕНТЫ Л.Я. ГУРЕВИЧ КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БОРЬБЫ ЗА ЛИДЕРСТВО В РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ
КОНЦА XIX в.***

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья основана на эго-документах издательницы журнала «Северный Вестник» Л.Я. Гуревич. Автор статьи подвергает деконструкции представленный в них образ философа, литературного и театрального критика, «борца за идеализм» А.Л. Волынского, подчеркивает, что Л.Я. Гуревич акцентирует внимание читателей на интеллектуальной и моральной составляющей характеристики Волынского. В своих воспоминаниях она представляет А.Л. Волынского в качестве выдающегося интеллектуала, своего наставника первых лет журналистской деятельности и лидера, которому так и не удалось стать интеллектуальным вожакom всего российского читательского мира. Помимо опубликованных источников используются письма Л.Я. Гуревич, Я.Г. Гуревича и А.Л. Волынского, хранящиеся в фонде Л.Я. Гуревич в РГАЛИ.

Ключевые слова: эго-документы, интеллектуальный лидер, Л. Я. Гуревич, А. Л. Волынский, профессиональное сообщество журналистов, литераторы.

A.A. STARYSHKINA

**L. GUREVICH'S EGO-DOCUMENTS AS A SOURCE TO STUDY THE STRUGGLE
FOR LEADERSHIP OF THE RUSSIAN JOURNALISM IN THE LATE XIX CENTURY**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is written in the framework of the research area of intellectual history. The author deconstructs the image of Akim Volynsky, a philosopher, literary and theatrical critic, “fighter for idealism”, presented in ego-texts by L.Ya. Gurevich, a publisher of “Severnny Vestnik (The Northern Herald)”.

Gurevich creates his image as an intellectual, highlighting the following features: philosophical education, merciless mind, and ascetic way of life. Lubov' Gurevich describes Volynsky as a demiurge who formed her personality, put her on firm ground, and disclosed a purpose in life. She describes Volynsky in her memoirs as an indisputable intellectual, her mentor at her early professional activity, and a leader who failed to become an intellectual mastermind for the whole Russian reading audience. Probably, Gurevich wanted to create the image of Volynsky, which she considered necessary to preserve in history.

Gurevich regarded the debates in press between Akim Volynsky and Nikolay Mikhailovsky as a battle for the future of the Russian literature. The confrontation between the two journalists had seriously harmed Volynsky's reputation. It should be noted that both Volynsky's critical articles and his conflict with Mikhailovsky, “a thought leader” in Alexandra Davydova's salon, divided the adherents of these two literary figures into various literary salons and worldviews camps.

Initially, A. Volynsky and A. Davydova's salon were a guide in “the world of young literature” for L. Gurevich. After the final break of A. Volynsky, the editor of “Severnny Vestnik”, with N. Mikhailovsky, the journal editorial board at first became the center of Volynsky's supporters, and then this role was played by jour fixe organized by L. Gurevich. Besides published sources, the author used letters by Lubov' Gurevich, Yakov Gurevich and Akim Volynsky stored in Gurevich's fond at the Russian State Archive of Literature and Art.

Key words: ego-documents, intellectual leader, Lubov' Gurevich, Akim Volynsky, professional community of journalists.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–00094а.

Анастасия Андреевна Старышкина – аспирант Института истории СО РАН, e-mail: staryshkina@mail.ru.
Anastasia S. Staryshkina – postgraduate student, Institute of History SB RAS.

Журналисты в Российской империи представляли собой формирующееся профессиональное сообщество со сложной системой внутренних взаимосвязей и признаками сложившейся иерархической структуры. Сотрудники периодической печати образовывали различные объединения, возникавшие, как правило, вокруг влиятельных периодических изданий того времени. Во главе этих групп обычно стояли редакторы или издатели, которые часто являлись не только лидерами журналистского сообщества, но и выдающимися интеллектуалами.

Исследование такой проблематики относится к сфере интеллектуальной истории. Данное направление исторической мысли занимается историей не только идей, но и интеллектуальных сообществ, отдельных персон [1].

Главные герои этой статьи – Аким Львович Волынский (настоящая фамилия Флексер) и Любовь Яковлевна Гуревич. В дореволюционное время А.Л. Волынского критиковали М.А. Протопопов, Г.В. Плеханов¹, С.А. Венгеров, в какой-то период Максим Горький², при этом тепло о нем отзывавшийся в 1890-х гг. [2; 3]. Прямое воздействие на тон статей Д.С. Мережковского о Волынском оказывали дружба и вражда с ним [4]. С восторгом писал о Волынском Н.Г. Молоствов [5]. В советской России преобладали негативные оценки А.Л. Волынского [6; 7; 8].

Современный этап изучения жизни и деятельности А.Л. Волынского характеризуется переосмыслением его вклада в отечественную культуру. А.В. Быков выясняет, почему творчество А.Л. Волынского-критика непопулярно и неизвестно широкой публике³, а также изучает трактовку критиком творческого наследия Ф.М. Достоевского [9]. А.В. Котельников занимается интерпретацией работ Волынского с позиций развития религиозно-философской мысли и философии культуры⁴ [10]. И.И. Пименова ставила цель – «реконструировать и выявить основные аспекты содержания мировоззрения А.Л. Волынского в историческом контексте конца 1880-х – начала XX в.» [11]. Е.Д. Толстая рассказывает историю жизни Волынского, конструируя повествование вокруг взаимоотношений Акима Львовича со знаковыми фигурами его творчества.

Главным источником для нашей статьи являются воспоминания [12] и письма Л.Я. Гуревич⁵. Задача настоящей работы – охарактеризовать эго-документы Л.Я. Гуревич как

источник для изучения борьбы за лидерство в русской журналистике конца XIX в., а также выявить влияние, оказанное этой борьбой на самоидентификацию издательницы «Северного Вестника» и коммуникативные практики внутри профессионального сообщества журналистов.

Обычно фигура Л.Я. Гуревич исследуется в контексте истории данного журнала⁶. Очень высоко ее оценивает Стэнли Рабинович [13; 14], называя ее «возможно, важнейшей журналисткой в русской истории, сыгравшей ключевую роль в росте влияния раннего русского модернизма» [13. с. 235]. Пишут о ней и в работах, посвященных борьбе женщин за свои права в конце XIX – начала XX в. [15].

Любовь Яковлевна – действительно чрезвычайно яркая личность, которая умела жить, гореть идеями и жертвовать всем ради достижения желанной цели. Центром почти всех воспоминаний Гуревич является издававшийся и редактировавшийся ею «Северный Вестник», а также связанные с ним люди. И если «Северный Вестник» был делом жизни Любви Гуревич, то главным мужчиной в ее биографии являлся А.Л. Волынский.

Их первая встреча произошла в 1887 г. в доме будущей издательницы журнала «Мир Божий» А.А. Давыдовой. Эта встреча описывается Любовью Яковлевной как поворотный пункт в ее жизни. Именно этим знакомством заканчивается первый отдел воспоминаний, в котором Л.Я. Гуревич описывает состояние «до А.Л. Волынского»: детство, раннюю юность, метания – интеллектуальные, творческие, религиозные. Гуревич противопоставляет себя Волынскому, когда описывает свое состояние в момент знакомства: «Он казался весь собранным и направленным к одной определенной цели, а о себе я писала <...>: “Неизвестность цели душит меня... Я хочу стать на твердую почву”» [12, с. 143]. Осуществить эту важную задачу ей помог Аким Львович: «Во мне шла огромная работа не только умственная, но и психическая – переплавка характера, и он содействовал ей, смиряя мое нелепое юношеское самомнение, предъявляя мне суровые требования, заставляя сознательно передумывать многое и открывая новые философские горизонты» [12, с. 144]. Интересно, что в рассказе об изменениях, происходивших в ней благодаря Волынскому, он выступает в роли демиурга, сформировавшего ее личность, в роли ее интеллектуального лидера, ее наставника, направившего мысль в нужное русло. Со встречи с А.Л. Волынским Л.Я. Гуревич начинает отчет своей «деятельной жизни».

До самого закрытия «Северного Вестника» Л.Я. Гуревич практически не отделяет себя от Акима Волынского. В письме к писательнице Л.И. Микулич она признается, что ее с Волынским главная цель, «дело общее, идея, которая огнем жжет всю мою внутреннюю жизнь, – мысль повернуть взгляды людей внутрь и помочь им найти <...> то спасение, которого не дает никакая внешняя культура – эта идея, эта

¹ Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Пг., 1922. Т. X. URL: http://az.lib.ru/p/plehanov_g_w/text_0070.shtml (дата обращения: 10.07.2018).

² Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. URL: http://az.lib.ru/g/gorkij_m/text_0460.shtml (дата обращения: 10.07.2018).

³ Быков А. В. Интерпретация русской критики и литературы в работах А. Л. Волынского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/interpretatsiya-russkoy-kritiki-i-literatury-v-rabotah-a-l-volynskogo> (дата обращения: 10.07.2018).

⁴ Котельников А.В. Спиноза и становление русского религиозно-философского модернизма (Аким Волынский как наследник и критик Спинозы) // Вопросы философии. 2015. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1220&Itemid=52 (дата обращения: 10.07.2018).

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Ф. 131. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–5; Д. 43. Л. 5; Д. 64. Л. 1–10.

⁶ Гречишкин С.С. Архив Л.Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. Л., 1978. URL: http://az.lib.ru/g/gurevich_l_j/text_0020.shtml (дата обращения: 23.04.2017); Гулич Е.А. Роль Л.Я. Гуревич в эволюции журнала «Северный Вестник». URL: http://nauka.hnpu.edu.ua/sites/default/files/fahovi%20vudannia/2010/literaturoznavstvo63_3_1/10.html (дата обращения: 23.04.2017).

мысль тоже общая»⁷. Наличие этой идеи у Волынского, следуя которой возможно добиться «настоящей свободы», является одной из главных черт его образа в воспоминаниях и письмах Л.Я. Гуревич.

Первые же строки, написанные ею об А.Л. Волынском в воспоминаниях, создают образ интеллектуала: «Волынский <...> сразу внушил мне особенное уважение своей философской образованностью, беспощадным умом, равнодушием ко всему житейскому, суровым, аскетическим образом жизни» [13, с. 143]. В письме к Микулич она цитирует слова Л.Н. Толстого, который, как она считала, единственный понял, что «Волынский – человек с совершенно определенным, цельным, продуманным убеждением в душе»⁸.

Рассказ Л.Я. Гуревич об их общем деле, о журнале, об А.Л. Волынском пронизан религиозной риторикой. С Волынским она соединена «общим символом веры», в критических статьях в «Северном Вестнике» Аким Львович выражал «их общую святыню», а люди, его поносящие, «тушат своею грязью тот огонь, который горит» на ее «алтаре»⁹. О Волынском она говорит, как о святом-мученике: «он живет только в духе и только в Боге, стоически перенося все жизненные испытания и невзгоды»¹⁰. Любопытно, что К.Д. Федин подчеркивает, что у Волынского «нет биографии, у него – житие» [16, с. 29]. Хотя, по мнению Е.Д. Толстой, религиозным человеком Волынский не был: вначале бежав от иудаизма, он так и не смог прийти к христианству, что не мешало ему проповедовать необходимость религии – «универсальной и вечной, <...> способной спасти и пересоздать современное общество» [12, с. 134].

Л.Я. Гуревич вспоминает, что еще «до Волынского» она размышляла: «внешняя свобода не имеет цены без “свободы внутренней”. <...> Общественная работа в то время, когда “современное общество не уяснило себе основных вопросов религии, нравственности, искусства”, представлялась мне бесплодной» [12, с. 142]. Она критиковала «тенденциозную литературу», любила тех же авторов, которых после вознесил Волынский, и ругала тех же публицистов, которых он потом подверг разгрому. При этом Гуревич считала, что «эти мысли и настроения “уже носились в воздухе”, ибо все мои друзья того времени, мои сверстники, в общем разделяли мой образ мыслей, хотя и в нашей гимназии были представлены иные течения мысли» [12, с. 142]. Л.Я. Гуревич таким образом подчеркивает свою духовную близость с А.Л. Волынским. После описания, по ее выражению, «настоящих людей 80-х», которые «должны будут чувствовать себя одинокими и должны будут работать за десятилетия, чтобы отстоять свою любимую идею», идет их первое противопоставление людям другого поколения, к которому она относит Н.К. Михайловского [12, с. 142]. Идея противостояния двух поколений красной нитью пронизывает конфликт А.Л. Волынского и Н.К. Михайловского.

К.А. Федин отмечает, что живи А.Л. Волынский «тремя, пятью веками раньше нашего времени, он оставил бы после себя громадное идейное движение, десятки учеников, тыся-

чи последователей» [16, с. 29]. Аким Львович одно время был любимцем молодого поколения и молодых литераторов. Однако ревность Н.К. Михайловского, привыкшего быть духовным вождем молодежи, относительно преклонения молодого поколения перед А.Л. Волынским упоминается только сторонниками последнего.

Волынский и Гуревич стремились переломить ситуацию в русской критике, которая требовала от искусства служения обществу, соответствия политической повестке дня. По словам Е.Д. Толстой, «атака Волынского на Михайловского была первым его наступлением на позитивизм в литературе – и встретила такую же отповедь» [17, с. 67].

Разгоревшийся конфликт нанес серьезный ущерб репутации Волынского как редактора и критика. Начиная с 1891 г., А.Л. Волынский вступает в литературную полемику с Н.К. Михайловским [12, с. 145]. Для Гуревич это была война за будущее русской литературы. Шквал критики обрушился на А.Л. Волынского со всех сторон. Львиную долю этого потока почувствовала на себе и Любовь Яковлевна. Все недовольные Акимом Львовичем считали нужным уведомить об этом издательницу и редактора журнала, в котором он публиковал свои статьи.

Можно сказать, что в 1890-х гг. вокруг наследия шестидесятников и личности Н.К. Михайловского, являвшегося, по выражению журналистки А.В. Тырковой, «последним из могикиан», развернулись «войны памяти». Л.П. Репина считает, что «образы прошлого, составляющие важную часть коллективной идентичности, могут служить легитимации существующего порядка, выполняя функцию позитивной социальной ориентации, или же, наоборот, противопоставлять ему идеал утраченного “золотого века”» [18, с. 8]. Таким идеалом являлись 1860-е гг. По мнению Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой, «образ “святых шестидесятых” становится “местом памяти” для нового поколения» [19, с. 155]. Подобные мифы коллективной памяти поддерживали претензии интеллигенции и профессиональной группы журналистов на высокий статус, и, как всем подобным мифам, им была свойственна стереотипизация. Следствием этого была нетерпимость к каким-либо альтернативам и тем более к плюрализму мнений. В результате в обществе существовало непримиримое отношение к любым попыткам ниспровергать устоявшиеся авторитеты. Поэтому даже малейшая критика 1860-х гг. и деятелей этой эпохи могла вызвать яростный отпор.

Негодование по поводу тона критических статей Волынского высказывал и Я.Г. Гуревич – отец издательницы. Его возмущала материальная сторона вопроса, ведь он часто помогал Л.Я. Гуревич деньгами, а нападки А.Л. Волынского на шестидесятников негативно влияли на подписку, и, следовательно, на финансовое положение журнала. Отец Любови Яковлевны восклицал: «Мало, видно, до сих пор было нападков на этот журнал, мало еще Буренин издевался над Флексером и вообще над редакцией Северного Вестника и над журналом!»¹¹. В другом письме он упрекает Волынского в использовании «буренинских приемов», что «не идет серьезному журналисту»¹².

⁷ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–2.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 2, 3, 7, 10.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 114. Л. 145.

¹² Там же. Л. 159.

Л.Я. Гуревич глубоко лично воспринимала негативные оценки А.Л. Волынского в прессе, о чем свидетельствуют и ее чрезвычайно эмоциональные письма, и ее воспоминания. Она оспаривает точку зрения многих современников о своем друге, согласно которой он был лживым, лицемерным трусом, а главное, по мнению С.А. Венгерова, умел только разрушать, не создавая ничего нового [2, с. 311]. В своих эго-документах Л.Я. Гуревич конструирует противоположный образ А.Л. Волынского. В письмах она настаивает, что он – один из тех немногих, которые совершают «подвиги», «чистые поступки» и «пламенные деяния убежденных людей»¹³. В отличие от своих современников, он – человек с «божественным огнем в душе», «с совершенно определенным, цельным, продуманным убеждением». Гуревич не раз подчеркивалась «цельность и глубина его мировоззрения, ясность и твердость его принципов», а дело Волынского, по ее мнению, «вдохновлено чистым стремлением и любовью к правде»¹⁴.

Если верить Э. Голлербаху, Волынский думал, что мог изменить сложившуюся ситуацию, но сам этого не хотел [20, с. 21]. К Акиму Волынскому в конце 1890-х гг. очень тепло относился Максим Горький, о чем свидетельствует тон писем знаменитого писателя: «Письма Горького могли бы изменить мою репутацию “отверженного критика”, но я не стану их печатать, – за меня должны говорить мои собственные дела, а не письма знаменитых людей» [20, с. 21]. В целом образ «отверженного критика» А.Л. Волынский, судя по всему, поддерживал и даже способствовал его появлению. Он критиковал не только идейных противников, но и союзников. Подобная тактика объясняется принципиальным неприятием Акимом Львовичем любых союзов, что вслед за ним исповедовала в то время Л.Я. Гуревич.

Конфликт А.Л. Волынского с Н.К. Михайловским разделил представителей их поколения буквально в пространстве. Если поначалу и те, и другие были всегдашними дома А.А. Давыдовой, то с началом полемических статей Волынского из этого салона уходит молодая литература. Поэтому, хотя в первое время для Л.Я. Гуревич проводником в гостиные писателей новой формации стала А.А. Давыдова, то после ее сменил А.Л. Волынский, который и ввел журналистку в дома многих своих знакомых. Несмотря на проповедь «разъединения», Гуревич было необходимо, как издательнице и редактору, общаться с потенциальными авторами ее журнала. Постепенно центром социальных взаимодействий литературного круга, поддерживавшего «Северный Вестник», стала редакция журнала, а затем и журфиски Любови Яковлевны, которые она решила открыть у себя по субботам. В итоге уже сама Гуревич стала неким связующим звеном в цепи мира литературы и журналистики, которые тогда были до конца еще не разделены.

Таким образом, А.Л. Волынский в воспоминаниях и письмах Л.Я. Гуревич наделяется рядом качеств, которые характеризуют его как интеллектуала, искреннего, смелого и очень терпеливого человека, жившего своей идеей. Издательница конструирует и собственный образ, отталкиваясь

от объединяющей их с Акимом Львовичем цели, мыслей о благе общества и литературы. А.Л. Волынский в эго-документах Л.Я. Гуревич выступает ее создателем, выдающимся интеллектуалом и отверженным лидером, одиноком своей правдой. При этом если литературным миром признание Волынского вождем не состоялось, то для Гуревич – это изначально свершившийся, само собой разумеющийся факт. Он стал ее интеллектуальным лидером, ее учителем с первого взгляда. Если сначала ему удалось сплотить вокруг себя и журнала все то, что было ново и молодо в литературе, то позже он не смог удержать своих позиций. Произошло это в том числе из-за критики Волынским молодых писателей. Воспоминания и письма Л.Я. Гуревич, возможно, служат цели создания позитивного образа А.Л. Волынского, который должен был остаться в памяти последующих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кружок, 2011. 559 с.
2. *Протопопов М.* Критик-декадент (А.Л. Волынский) // М. Протопопов. Критические статьи. М.: Изд. С. Скримунта, 1902. С. 464–500.
3. *Венгеров С.А.* А. Волынский // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. С.А. Венгерова. М.: Республика, 2004. С. 310–318.
4. *Мережковский Д.С.* О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1893. 192 с.
5. *Молоствов Н.Г.* Борьба за идеализм. (А.Л. Волынский). СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1903. 396 л.
6. *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Журналы раннего символизма // В. Евгеньев-Максимов, Д. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 85–128.
7. *Браудо Е.* А.Л. Волынский. Н.С. Лесков // Жизнь искусства. 1923. № 37. С. 25.
8. *Куприяновский П.А.* Волынский–критик (литературно-эстетическая позиция в 90-е годы) // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново: ИГУ, 1978. С. 49–77.
9. *Быков А.В.* Образ Кириллова в интерпретации А.Л. Волынского (из истории восприятия романа Ф.М. Достоевского «Бесы») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2 ч. Ч. II. С. 45–48.
10. *Котельников В.А.* Воинствующий идеалист Аким Волынский // Русская литература. 2006. № 1. С. 20–75.
11. *Пименова И.И.* Становление и развитие мировоззрения А. Л. Волынского: (1880-е – начало 1900-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 22 с.
12. *Гуревич Л.Я.* История Северного Вестника // Русская литература XX века. 1890–1910 / под ред. С.А. Венгерова. М.: Республика, 2004. С. 141–159.
13. *Rabinowitz S.J.* Gurevich Liubov' Iakovlevna // Dictionary of Russian Women Writers / ed. by M. Rosenthal, M. Zirin. Westport, CT: Greenwood press, 1994. P. 235–238.
14. *Rabinowitz S.J.* No Room of Her Own: The Early Life and Career of Liubov Gurevich // The Russian Review. Vol. 57, N 2. 1998, P. 236–252.
15. *Ruthchild R.G.* Writing for Their Rights: Four Feminist Journalists: Mariia Chekhova, Liubov' Gurevich, Mariia Pokrovskaja, and Ariadna Tyrkova // An Improper Profession: Women, Gender and Journalism in Late Imperial Russia / ed. by B.T. Norton, J.M. Gheith. Durham; London: Duke University Press, 2001. P. 167–195.

¹³ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 4.

16. Федин К.Д. Аким Львович Волинский // Памяти Акима Львовича Волинского. Л.: Издание В.С.П., 1928. С. 29–31.

17. Толстая Е.Д. Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волинского. М.: Иерусалим: Гешарим, 2013. 631 с.

18. Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.

19. Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. Поколенческое измерение социокультурной истории России XIX в.: преемственность и разрывы // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 138–157.

20. Голлербах Э. Жизнь А.Л. Волинского. // Памяти А.Л. Волинского. Л.: Изд. В.С.П., 1928. С. 11–28.

REFERENCES

1. Repina L.P. The historical science at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practices. Moscow, 2011, 559 p. (In Russ.)

2. Protopopov M. Decadent Critic (A. L. Volynsky). *Protopopov M. Kriticheskie stat'i*. Moscow, 1902, pp. 464–500. (In Russ.)

3. Vengerov S.A. A. Volynsky. *Russkaya literature XX veka. 1890–1910*. Moscow, 2004, pp. 310–318. (In Russ.)

4. Merezkovsky D.S. The causes of the decline and new trends of the contemporary Russian literature. Saint Petersburg, 1893, 192 p. (In Russ.)

5. Molostvov N.G. A fighter for idealism (A. L. Volynsky). Saint Petersburg, 1903, 396 p. (In Russ.)

6. Evgen'ev-Maksimov V., Maksimov D. Journals of early symbolism. *Iz proshlogo russkoy zhurnalistiki*. Leningrad, 1930, pp. 85–128. (In Russ.)

7. Braudo E. A. L. Volynsky. N. S. Leskov. *Zhizn' iskusstva*. 1923, no. 37, p. 25. (In Russ.)

8. Kupriyanovsky P.A. Volynsky – a critic (literature-aesthetic position in the 1890s). *Tvorchestvo pisatelya i literaturnyy protsess*. Ivanovo, 1978, pp. 49–77. (In Russ.)

9. Bykov A.V. The image of Kirillov in A. L. Volynsky's interpretation (on perception of novel "Demons" by F.M. Dostoevsky). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2013, no. 3, pt. 2, pp. 45–48. (In Russ.)

10. Kotelnikov V.A. Akim Volynsky, a belligerent idealist. *Russkaya literatura*. 2006, no. 1, pp. 20–75. (In Russ.)

11. Pimenova I.I. The worldview formation and development of A. L. Volynsky (1880s – early 1900s): diss. abstr. Moscow, 2013, 22 p. (In Russ.)

12. Gurevich L.I. The History of "Severnny Vestnik". *Russkaya literatura XX veka. 1890–1910*. Moscow, 2014, pp. 141–159. (In Russ.)

13. Rabinowitz S.J. Gurevich Liubov' Iakovlevna. *Dictionary of Russian women writers*. Westport, 1994, pp. 235–238.

14. Rabinowitz S.J. No room of her own: the early life and career of Liubov Gurevich. *The Russian Review*. 1998, vol. 57, no. 2, pp. 236–252.

15. Ruthchild R.G. Writing for their rights: four feminist journalists: Mariya Chekhova, Liubov' Gurevich, Mariya Pokrovskaya, and Ariadna Tyrkova. An improper profession: women, gender and journalism in late Imperial Russia. Durham; London, 2001, pp. 167–195.

16. Fedin K.D. Akim L'vovich Volynsky. *Pamyati Akima L'vovicha Volynskogo*. Leningrad, 1928, pp. 29–31. (In Russ.)

17. Tolstaya E.D. The poor knights: intellectual journey by Akim Volynsky. Moscow, 2013m 631 p. (In Russ.)

18. Repina L.P. The experience of social crisis in the historical memory. *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati*. Moscow, 2012, pp. 3–37. (In Russ.)

19. Rodigina N.N., Saburova T.A. Generations in the social and cultural history of Russia in the XIX century: continuity and breaks. *Dialog so vremenem*. 2011, no. 34, pp. 138–157. (In Russ.)

20. Gollerbugh E. Life of A. L. Volynsky. *Pamyati A.L. Volynskogo*. Leningrad, 1928, pp. 11–28. (In Russ.)

Статья принята редакцией 18.09.2018

DOI: 10.15372/HSS20180415
УДК 94 (100+47)"1914/1918"

М. В. ОСЬКИН

ВЕТЕРИНАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Институт законовeдения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации,
РФ, 300028, г. Тула, ул. Болдина, 98

Рассматривается ветеринарное обеспечение конницы в действующей русской армии в период Первой мировой войны. Высокие качественные характеристики конницы способствовали укреплению боеспособности русских войск. Кавалерия была наряду с пехотой и артиллерией одним из основных видов вооруженных сил. Помимо конных подразделений, армия имела лошадей в обозах, широко используя гужевой транспорт в ходе войны. Ветеринарное обеспечение лошадей и войсковых гуртов скота на фронте являлось одним из важных аспектов полноценного функционирования армии. Автором показано, что в русской армии была выстроена стройная система ветеринарной службы, позволявшая своевременно лечить животных, а также вести профилактическую работу.

Ключевые слова: военный ветеринар, конский состав армии, войсковые гурты скота, гужевой транспорт.

M.V. OS'KIN

THE VETERINARY CARE OF THE RUSSIAN ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR

Institute of Jurisprudence and Management
of the All-Russian Police Association,
98, Boldina Str., Tula, 300028, Russian Federation

The article is devoted to the veterinary care of the Russian army during the First World War (1914–1917). The horse corps' quality in the army was an important part of the military activities of the Russian troops. The cavalry, military baggages of infantry units, the artillery unit, horse-drawn vehicles of the nearest rear – all these horses needed veterinary care. An integral part of such care was animals' treatment, bringing them up to necessary conditions to serve in the armed forces and epidemics prevention. Therefore, the veterinary unit of the front needed skilled doctors and paramedics, as well as the material equipment of veterinary facilities.

A significant number of cavalry formations in the troops and the massive use of horses as transportation required veterinary care. Horses suffered from injuries, malnutrition, illnesses and sometimes epidemics in military terms. Military vets were responsible for struggling such phenomena, they performed their duty in spite of the constant staff shortage. As the war dragged on, a coherent system of veterinary services was built up in the Russian army allowing timely treatment of animals, as well as carrying out preventive works.

In addition to horse units of the army, military veterinarians were responsible for maintaining cattle supplied for the troop allowance. Various animals were transported to the front alive, for example, cattle, sheep, and pigs. Most of them were sent to the military expenditure droves, where there was a veterinary examination, necessary treatment and slaughter.

Preventing diseases of animals intended for slaughter was an important task of the veterinary service. Purchases of foreign livestock for the army in various Asian countries exacerbated the fight against epizootics through vaccination. In general, the veterinary and sanitary supervision was carried out quite successfully complicated only by the lack of necessary people, food for animals, transport facilities. However, the dedicated work of the military veterinarians supported by the rare efforts managed to prevent mass disease and death of horses and cattle at the front during the war. It greatly contributed to the success of military operations.

Key words: military vet, army horse units, military livestock herds, cartage.

Максим Викторович Оськин – канд. ист. наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин, Институт законовeдения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, e-mail: maxozv@yandex.ru.

Maxim V. Os'kin – candidate of historical sciences, assistant professor, Department of Humanitarian and Socio-Legal Disciplines, Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association.

В годы Первой мировой войны (1914–1918) численность конницы в армиях воюющих государств постепенно сокращалась, однако конские обозы, несмотря на широкое применение автомобильного транспорта и узкоколейных железных дорог, как и раньше, обслуживали войска. Это обуславливалось как нехваткой автомобильного и железнодорожного транспорта, так и особенностями местности, где часто использование гужевого транспорта оказывалось эффективнее. Техника позволяла собрать животных, необходимых на передовой. Периодически возникавшие затруднения со снабжением войск устранялись с проведением конных и паровых узкоколейных железных дорог. Когда узкоколейки выручали с подвозом, конский состав обозов в это время отдыхал и усиленно откармливался перед наступлением¹.

Из вступивших в войну великих держав автомобильным и железнодорожным транспортом в наименьшей степени оказалась обеспечена русская армия. Поэтому значение ветеринарной службы для русских вооруженных сил было особенно важным в годы Первой мировой войны. Резкое увеличение численности лошадей в действующей армии должно было повлечь за собой и расширение ветеринарной службы. Согласно справке военного министра, к 1 апреля 1914 г. в армии состояло 172 588 лошадей, а к 1 января 1916 г. – без Кавказской армии и гарнизонов тыла – уже 1 476 210². К 1 сентября 1917 г. в действующей армии находилось 3 164 тыс. лошадей – 470 % от их количества в начале войны³.

Ветеринарные службы отвечали не только за конский состав, но и за сохранность поставляемого на фронт скота. Русская действующая армия в ходе войны более ½ всего мясного пайка получала в виде живого скота, что объяснялось слабостью отечественной мясоперерабатывающей промышленности, консервного производства и недостаточным количеством вагонов-холодильников, позволявших круглогодично обеспечивать армию мясом.

Ветеринарное управление армии с начала войны до 5 июля 1917 г. возглавлял Главный военно-ветеринарный инспектор А.М. Руденко (затем его сменил А.А. Петров), напрямую подчинявшийся военному министру. Руководство ветеринарной службой в действующей армии осуществляли начальники ветеринарной части от фронтного до полкового уровня, а в военных округах – окружные военно-ветеринарные инспекторы, являвшиеся начальниками окружных военно-ветеринарных управлений [1, с. 458].

По штату мирного времени, в русской армии состояло 740 ветеринарных врачей и 2 195 ветеринарных фельдшеров, однако с постоянным ростом численности армии комплект войсковых ветеринаров, достигший четверти наличного числа специалистов, лишь увеличивался. Причина крылась в слабой кадровой обеспеченности ветеринарного дела в Российской империи. Накануне войны в Европейской России земства имели около 400 ветеринарных лечебниц, 1 374 ветеринарно-врачебных участка и 2 638

ветеринарно-фельдшерских пунктов [2, с. 213–214]. Ветеринарных специалистов давали лишь 4 ветеринарных института – в Харькове, Юрьеве, Казани и Варшаве, а также ветеринарное отделение Петербургской медико-хирургической академии. С 1903 по 1912 г. было выпущено 2 314 ветврачей, а их общее количество составило 4 142 ветврача и 6 828 ветфельдшеров [3, с. 178, 204].

Для восполнения штатов в действующей армии требовалась привлечь тыловых специалистов, но ветеринаров в стране не хватало даже в мирное время⁴, и потому 12 мая 1916 г. министр земледелия А.Н. Наумов распорядился «всемерно озаботиться» об освобождении от призыва в действующую армию всех ветеринаров⁵. Буквально каждый ветеринар оказался на счету. К примеру, летом 1916 г. для закупок скота в Херсонской губернии из Минска откомандировали ветеринарного врача Лазура. Когда штаб Минского военного округа потребовал его обратно, то с ходатайством о продлении командировки выступил главноуполномоченный Министерства земледелия Н.А. Мельников⁶.

Ветеринары работали для армии не только непосредственно на фронте, но и в тылу. Не следует забывать, что обслуживать конские эшелоны и вагоны со скотом требовалось своевременно, до прибытия на фронт. Поэтому рекомендовалось «для сопровождения конских эшелонов и наблюдения за правильным уходом и питанием лошадей в пути» назначать ветврачей, следующих в армию⁷.

Ветеринарная лечебно-эвакуационная сеть в армии представляла собой следующую систему: передовые лазареты – обозные – корпусные этапные – армейские этапные – фронтовые этапные лазареты и пункты слабосильных лошадей. Соответственно, полевые ветеринарные учреждения распределялись: а) во фронтах – фронтовые этапные ветеринарные лазареты, полевые ветеринарные аптеки и лаборатории; б) в армиях – армейские этапные ветеринарные лазареты и ветеринарные дезинфекционные отряды; в) в корпусах – корпусные этапные ветеринарные лазареты и отделения дезинфекционных отрядов; г) в войсковых частях – передовые и обозные ветеринарные лазареты [4, с. 32, 40, 43]. Командование постоянно дополняло систему ветеринарного обслуживания. Например, приказом № 47 от 5 октября 1914 г. Верховный главнокомандующий (Главком-верх) великий князь Николай Николаевич разрешил комендантам крепостей формировать этапные ветеринарные лазареты в крепостях⁸.

Инфраструктура лазаретов создавалась в расчете на удовлетворение любых запросов войск, связанных с лечением лошадей. В ветеринарных лазаретах тыла и этапных лазаретах находились баня для чесоточных лошадей, центральная аптека и отдельные аптечки каждого отделения лазарета, учебная кузница, шорная, колесная, слесарная, портняжная и плотницкая мастерские. Имелись следующие отделения: хирургическое, накожное, карантинное, изолятор (для отбра-

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2053. Оп. 1. Д. 31. Л. 59 об.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1294д. Л. 4.

³ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1528. Л. 1.

⁵ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

⁶ РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 21. Л. 91.

⁷ Там же. Д. 343. Л. 31.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 1276. Л. 141.

кованных и предназначенных к продаже лошадей), бактериологическая лаборатория⁹ (не всегда имела).

Специальных ветеринарных лазаретов для заболевших заразными заболеваниями лошадей не было вследствие их дороговизны и, кроме того, опасались, что такие лазареты могли стать очагами заразы. В частях сооружались «совершенно легкие из жердей и досок навесы, прикрытые с боков рогожами или соломенными матами, и над такими навесами, устроенными, по возможности, в отдельных местах от общих конюшен и ветеринарных лазаретов, где размещались заболевшие лошади. По ликвидации эпидемии шалаши сжигались, и тем самым болезнь окончательно ликвидировалась, не создавая для будущего гнезд заразы»¹⁰. Основной формой превентивной борьбы с заболеваниями была вакцинация, несмотря на ее дороговизну: цена одной порции сыворотки равнялась цене пуда хлеба – 1 руб. 15 коп. летом 1915 г.¹¹

Ветеринарных лазаретов на фронте было недостаточно, и поэтому для поправки здоровья слабых, истощенных и больных, но еще годных для службы в армии лошадей создавались пункты слабосильных лошадей [5, с. 112]. Затем в помощь им стали формироваться питательные пункты (корм эвакуируемых лошадей, а равно и поставляемого в войска гуртового порционного скота), подкормочные пункты («для слабосильных лошадей, жеребых маток и молодняка»¹²), ветеринарно-дезинфекционные отряды (борьба с заразными болезнями и утилизацией трупов животных), а затем и ветеринарно-бактериологические лаборатории (для недопущения распространения эпизоотий в стране после демобилизации)¹³. Для вакцинации требовались доноры. Так, в конце 1915 г. бюро по объединению мер борьбы с заразными болезнями на юге России при Екатеринославской губернской земской управе возбудило ходатайство об освобождении от реквизиции для армии «сывороточных лошадей, принадлежащих ветеринарно-бактериологическим лабораториям». Военное министерство 4 декабря согласилось на этот шаг «при условии составления подробных именных списков таких лошадей»¹⁴.

Первоочередной задачей ветеринарной службы действующей армии являлось лечение конского состава войск. По расписанию 1910 г. передовые ветеринарные лазареты должны были насчитывать 621 единицу, а к 8 августа 1915 г. было развернуто 812, обозных лазаретов – 304 (462), этапных – 94 (132), ветеринарно-фельдшерские аптек – 2 696 (3 347)¹⁵. Кажется бы, было сделано больше, чем предполагалось. Но и этого количества для громадной армии, постоянно имевшей в своих рядах около 2 млн лошадей, не хватало, что влекло за собой повышенную смертность животных. Например, летом 1916 г. на Северном фронте в месяц в среднем погибало 1460 лошадей из 500 тыс. голов¹⁶.

По мере затягивания военных действий количество пригодных для службы в войсках лошадей стало уменьшаться. На совещании в Ставке по вопросам укомплектования действующей армии лошадьми 26 марта 1916 г. начальник мобилизационного отдела Генерального штаба доложил, что с начала войны взято у населения 70–75 % «числа лошадей, признанных на последней переписи годными для службы в войсках, почему требуется самое бережливое использование сравнительно незначительного остатка лошадей» в 1 млн голов. Было отмечено, что из этого 1 млн только 10 % годны для кавалерии и артиллерии, а прочие 900 тыс. – лишь для службы в обозах. Начальник Государственного коннозаводства П.А. Стахович и его предшественник на этом посту князь Н.Б. Щербатов, подтвердив это мнение, добавили, что сильных лошадей не хватает и в народном хозяйстве, и без того оставшегося без рабочих рук, что требует прекращения формирования новых кавалерийских частей. Помимо прочего, по мнению Стаховича и Щербатова, на сокращение количества годных для службы животных влияет и постановка ветеринарного дела в действующей армии. Были отмечены следующие недостатки ветеринарного обеспечения: «неудовлетворенность постановки ветеринарной помощи и надзора», самостоятельное лечение больных лошадей в войсках и обозах (неохотно сдают в лазареты), «соединение лошадей, больных заразными болезнями, с другими больными лошадьми в отделениях конского запаса фронтов и в ветеринарных лазаретах, особенно при передвижениях». Следствие – «убыль конского состава и развитие заразных болезней, в особенности чесотки, приняли в армии угрожающие размеры»¹⁷.

За два первых года войны в русской армии было ранено и заболело 1,7 млн лошадей, из них 84,5 % вылечено [6, с. 86], что составило около 30 % наличного состава. Основными эпидемическими болезнями стали инфлюэнца, плевропневмония, сепсис, чесотка, трипаносомоз, пироплазмоз и др. В числе недостатков, мешавших использованию лошадей, указывались неправильные копыта, коринки на глазу, шпаты, бронхит, лишай, мокрец¹⁸.

Для сохранения поголовья на будущее (пополнение войск лошадьми в 1917 г. и создание ремонта на 1917/1918 г.) Государственное коннозаводство требовало правильно и своевременно лечить лошадей. Чтобы соблюсти требования сортировки, «излишне реквизируемые лошади» шли в распределительные пункты, причем в комиссиях по сортировке лошадей должны были назначаться и «наблюдающие от Государственного коннозаводства» классные чиновники. На распределительных пунктах лошадей делили на несколько категорий: «1) годные для немедленной отправки в войска; 2) годные для службы в войсках, но требующие подкормки; 3) негодные для службы в войсках – лошадей этой категории отправлять на продажу в один из пунктов по указанию Государственного коннозаводства; 4) подлежащие изоляции – больные заразными болезнями; 5) подлежащие немедленно уничтожению»¹⁹.

⁹ РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 343. Л. 176, 194 об.

¹⁰ Там же. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 907. Л. 240.

¹¹ ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 421. Л. 2.

¹² Там же. Д. 521. Л. 118 об.

¹³ Там же. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 383. Л. 1.

¹⁴ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 62. Оп. 24. Д. 2. Л. 114.

¹⁵ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 31. Л. 29.

¹⁶ Там же. Ф. 2036. Оп. 1. Д. 779. Л. 463.

¹⁷ РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 343. Л. 161–163.

¹⁸ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 531. Л. 60.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 171. Л. 19.

Исходя из требований Государственного коннозаводства, в тылах фронтов стали создаваться сортировочные пункты. Сортировка лошадей производилась по четырем категориям: 1) «лошади, неизлечимо больные или совершенно негодные; эти лошади подлежат немедленному уничтожению»; 2) «лошади, больные незаразными болезнями или истощенные настолько, что не могут оправдать расходов на лечение или поправку»; их следовало передавать земствам для продажи; 3) «лошади больные, которые могут оправдать расходы на лечение»; их следует лечить в ветеринарных лазаретах; 4) «лошади слабосильные, то есть истощенные, которые могут оправдать расходы по поправке»; их передавать на пункты для слабосильных лошадей. Такая практика преследовала цель «постепенного очищения частей войск от лошадей-инвалидов, не подающих никакой надежды на поправку или выздоровление»²⁰.

Беречь лошадь оказалось делом нелегким, а работать приходилось в военных условиях, когда конский состав выбывал из строя не столько от потерь в боях, сколько от потери сил при выполнении боевых задач. Результаты напрямую зависели от фуражного довольствия конского состава армии. Перед войной конский паек состоял из овса (зерновая часть) и сена (травяная часть), но в годы войны часть фуража для армии, вследствие нехватки овса, стала пополняться ячменем и даже эрзац-продуктами (отруби, жмыхи, кукуруза, жом, меласса, обрат, барда и др.). С весны 1915 г. ухудшение питания конского состава армии стало очевидным фактом: «из внутренних болезней преобладали колики, вследствие нерационального и быстрого перехода от овса к ячменю»²¹, а с 1 мая конский состав внутренних округов вообще перешел на преимущественное довольствие ячменем²², так как овса не хватало и на фронте.

Вдобавок, в 1916 г. обычным явлением стала поставка фронту плохого сена, часть которого активно заменялась соломой. Действующая армия требовала много сена, и поставщики не всегда соблюдали требования военного интендантства. В июле 1916 г. Ветеринарное управление сообщало в Главное интендантское управление, что клевер, люцерна и эспарцет – «при большой даче вызывают у лошадей расстройство пищеварения, сильное потение и слабость. Поэтому эти травы необходимо смешивать с кормовой соломой в отношении двух частей первых на одну часть второй». Из яровой соломы были допустимы только овсяная и кукурузная²³.

После революции дело с поставкой конских пополнений на фронт существенно ухудшилось, так как оказался исчерпанным запас лошадей, пригодных для службы в армии. Помимо того, испытывавшие давление революционных событий коневладельцы стали придерживать своих питомцев для отправки в войска, саботируя указания по поставкам.

Несмотря на намерение Временного правительства продолжать войну, усталость России от конфликта становилась очевидной, что вызывало к жизни проекты и расче-

ты будущей демобилизации. Главные цели демобилизации конского состава: «1) сохранить армии нужных ей хороших лошадей; 2) вернуть русскому населению остальных пригодных для работ лошадей»²⁴. Чтобы предотвратить возможное распространение эпизоотий, Комиссия по приведению армии в состав мирного времени в качестве неотложных мер признала борьбу с заразными заболеваниями. Требование Комиссии – открыть «ветеринарно-бактериологическую лабораторию»²⁵ для сортировки лошадей.

За время Первой мировой войны в русской армии заболело более 2 930 тыс. лошадей, а безвозвратные потери составили более 400 тыс. голов – 30,5 % среднесписочного состава, определяемого в 1 369,6 тыс. лошадей. Эти цифры, правда, не учитывают лошадей различных организаций, работавших на нужды фронта в ближайшем войсковом тылу. Всего в русской армии за годы войны насчитывалось около 1 млн больных лошадей, лечившихся в ветеринарных лазаретах и на пунктах слабосильных лошадей. Ежедневно находилось на лечении 4,6 % от общего числа лошадей [4, с. 43].

Большинство потерь конского состава во всех армиях приходилось на эксплуатационные заболевания, болезни органов пищеварения и гибель животных от эпизоотий. Потери зависели и от фуражного довольствия, поэтому уже с начала войны ослабевшие лошади, поправлявшиеся в отделениях конского запаса фронтов, получали усиленное питание. В свою очередь, сбережение армейских лошадей позволяло использовать их для гужевых перевозок, промышленных и горнозаводских нужд, городских потребностей и, наконец, – для сельского хозяйства страны. Чем меньше было потерь лошадей в армии, тем больше их оставалось для тыла.

Ветеринарная ситуация в отношении поставляемого фронту скота обстояла несколько хуже, нежели с конским составом, которому, естественно, оказывалось предпочтение. Как говорилось выше, помимо наблюдения за конским составом армии и лечения лошадей, войсковые ветврачи осуществляли ветеринарный надзор за убоем скота на фронте и войсковом тылу. Приказом № 100 от 14 октября 1914 г. Главковерх предписал добавить в штаб каждой армии двух ветеринарных врачей для командировок – «в целях установления надлежащего ветеринарно-санитарного надзора в резервных гуртах порционного скота»²⁶. Чем дальше, тем больше эта задача усложнялась по мере роста подвоза скота в армию, вливавшегося в гурты предназначенного для питания войск (порционного) скота [7, с. 8].

В первый год войны особых сложностей с ветеринарным обеспечением порционного скота на фронте не было. Скот поступал из местных ресурсов (реквизиция в прифронтной полосе) и для питания по мере надобности. Поэтому гурты были небольшими и быстро расходовались войсками, после чего столь же быстро пополнялись. Ситуацию изменили поражения лета 1915 г., имевшие следствием массовую эвакуацию людей и других ресурсов, в том числе и скота, вглубь России.

Важной задачей ветеринарных служб стал контроль за перевозками скота на фронт. Пока перевозки были невели-

²⁰ РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 343. Л. 4, 426–427, 474.

²¹ Отчет о деятельности военно-ветеринарного управления временного военного генерал-губернаторства Галиции в период времени с 15-го января по 1-е июля 1915 года. Б.м., 1915. С. 3.

²² РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1405. Л. 101.

²³ Там же. Д. 1585. Л. 285.

²⁴ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238. Л. 28.

²⁵ Там же. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 383. Л. 1.

²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1276. Л. 144.

ки, с задачей справлялись успешно. Но с осени 1915 г. местные ресурсы оказались уничтоженными (эвакуация), и фронт стал питаться только за счет подвоза с тыла. Эвакуированный скот прибывал на откорм во внутренние губернии²⁷ «после нескольких месяцев хронического голодания и зараженным злокачественным ящуром, результатом чего была высокая смертность»²⁸. Для поправки больного скота и борьбы с его истощением рекомендовалось применять сильные корма – жмыхи и отруби²⁹.

К сентябрю 1915 г. в армейских тылах скопилось около 800 тыс. голов крупного рогатого скота и столько же овец и свиней. Такое скопление животных немедленно спровоцировало заболевания, возникла опасность распространения и во внутренние регионы страны. В ноябре военные констатировали, что «большой падеж скота в гуртах объясняется тем, что скот поступал от реквизиционных комиссий зараженный ящуром и в крайне истощенном виде. Кроме того, ввиду спешного отступления перенес большие изнурительные переходы; подкормить же его и поправить теперь за неимением кормов на местах и слабого подвоза их по железным дорогам крайне затруднительно»³⁰.

Заболевания эвакуированного скота неминуемо сказались на снабжении войск мясом. Эпизоотии затронули и войсковые гурты (куда передавалась часть эвакуируемого скота³¹). Для их ветеринарного обслуживания имелся штатный ветфельдшер, а общий надзор осуществлял ветврач корпусного продовольственного транспорта. Сами гурты находились в ведении корпусных интендантов. Войсковым ветеринарам приходилось тщательно обследовать каждое животное, чтобы не допустить заражения людей в окопах.

Еще одним важным обстоятельством стали поставки скота из Сибири, Маньчжурии и Монголии, куда еще до войны ежегодно отправлялись ветеринарные экспедиции МВД для борьбы с чумой [8, с. 41], так как везти этих животных следовало через всю страну. В начале октября 1916 г. МВД испрашивало у Совета министров 1,6 млн руб. из Военного фонда на борьбу с эпизоотиями (воспаление легких), заносимыми в Европейскую Россию гуртами казенного скота, закупаемого на востоке страны³², а также в Монголии и Маньчжурии Особой экспедицией («Монголэкс») П.К. Козлова.

Схожее положение складывалось и с поставляемым Кавказской армии скотом из Персии. Для его ветеринарной обработки не хватало ни средств, ни людей. Так, в 1915 г. для снабжения Закаспийской области мясом было разрешено пропустить туда афганский скот. Препятствием являлась опасность возникновения эпизоотий ввиду слабости ветеринарной организации в Туркестане³³. Уничтожение «негодного» мяса осуществлялось «через зарытие в землю и обливание

карболовой кислотой негодного мяса» и «путем облития карбинолом и сжигания в ямах»³⁴.

17 августа 1916 г. МВД просило председателя Особого совещания по продовольствию выделить средства на борьбу с эпизоотиями скота для армии. Помимо собственно фронта эпизоотии наблюдались во всей прифронтовой полосе: в Минской, Могилевской, Псковской, Витебской, Смоленской, Виленской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Тульской, Тверской губерниях. МВД отмечало, что «необходимость непрерывной подачи к фронтам и примыкающим к ним тыловым губерниям новых партий убойного скота создает постоянный приток к перечисленным местам зараженного скота (преимущественно в стадии скрытого заражения), поддерживающего и распространяющего эпизоотию»; «движение беженского скота, в большинстве случаев не поддававшееся систематизации и надзору». Откликнувшись на эту просьбу, 10 сентября Особое совещание по продовольствию постановило выделить кредит в 1,6 млн руб. из военного фонда³⁵.

С 1916 г. к осмотру животных стали привлекать ветеринарный персонал земств, что было связано с выводом в Европейскую Россию гуртов скота из Заволжья, где нередко были эпидемии легочных заболеваний³⁶. Случаи воспаления легких у скота означали, что он присылается на фронт из местностей, где были эпизоотии. Интенданты просили не присылать такой скот, так как мясо негде хранить – «благоволите распоряжением из таких местностей скот не присылать, иначе казна может понести большие убытки от вынужденного убоя». Следовало «высылать только вполне здоровый скот и из здоровой местности, ибо он тотчас по прибытии поступает в общий гурт»³⁷.

До войны скот перевозился по железным дорогам, что сводило эпизоотии к минимуму. Теперь гурты скота часть пути двигались на запад страны своим ходом, что и приводило к заболеваниям животных. На полномоченных Министрства земледелия возлагалось «устройство при железнодорожных станциях особых фуражных пунктов и надзор за содержанием скота в пути следования»³⁸.

Однако реально мало что было сделано. Проблемы с подвозом начались в октябре 1916 г., когда на эти фуражные пункты, предназначенные для снабжения только скота, стали обращаться следующие на фронт подразделения и команды. Они информировали заведующих фуражными пунктами, что «лошади не получали корма уже несколько дней и доведены недостатком корма до крайнего истощения»³⁹. В итоге предпочтение, конечно, отдавалось лошадям, а не гуртам скота. Результат – усиление эпидемий, истощение животных и голодовки, что угрожало заболеваниями и скоту населения прифронтовой полосы⁴⁰.

Во второй половине 1916 г. ветеринарными службами стали проводиться ревизии гуртов эшелонного скота на фронте, которые шли на пополнение резервных гуртов во-

²⁷ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 666. Оп. 1. Д. 4. Л. 103.

²⁸ Государственный архив Тверской области (ГАТвО). Ф. 800. Оп. 1. Д. 3889. Л. 49.

²⁹ РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 292. Л. 238.

³⁰ Там же. Д. 220. Л. 230.

³¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 81.

³² Там же. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 23. Л. 149.

³³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1576. Л. 472.

³⁴ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 576. Л. 20, 108.

³⁵ Там же. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1528. Л. 1–2 об.

³⁶ ГАТвО. Ф. 800. Оп. 1. Д. 3949. Л. 16 об.

³⁷ РГВИА. Ф. 2036. Оп. 1. Д. 268. Л. 441, 463.

³⁸ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 618. Л. 5–6.

³⁹ ГАТвО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 20. Л. 73.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 21. Л. 168.

енно-окружных интендантских управлений. Главное упущение, по мнению ветеринаров, – «отсутствие должной организации питательных пунктов, вследствие чего скот недостаточно питается в пути и падает от истощения». Кроме того, отмечалось распространение ящура и плохой водопой. Здесь негативную роль сыграло разное ведомственное подчинение. Фуражные пункты при станциях организовывались Министерством земледелия, а водопой – управлениями железных дорог⁴¹.

В 1917 г. положение вещей с ветеринарным обеспечением гуртов порционного скота, как и скота, поставляемого в армию, особенно не ухудшилось. Во-первых, установилась система обеспечения и надзора. Во-вторых, отсутствие крупномасштабных сражений по сравнению с предшествующим годом (Брусиловский прорыв) предполагало достаточно спокойную работу ветеринаров. Поэтому и в кампании 1917 г. живой скот составлял большую часть подвозимого для нужд действующей армии мясного пайка для войск.

Однако из-за ухудшившегося качества корма, сокращения подвоза фуража на фронт и распространения эпизоотий животные, закупаемые для фронта, нередко были «в очень плохом теле, с большими отеками ног, с признаками катаров желудка и т.д. ... экземы, лишай – становятся обычным явлением»⁴². Соответственно, увеличилось и число выбракованных животных. Что касается лошадей, то развал армии влиял и на распространение заболеваний у животных: к концу 1917 г. количество лошадей, больных сапом, насчитывало 8,7 % состава против 0,06 % до войны [9, с. 311].

Таким образом, ветеринарное обеспечение войск в период Первой мировой войны стало важным условием сохранения конского состава войск и снабжения фронта живым скотом, шедшим в войсковые расходные гурты. Более 11 млн лошадей приняло участие в военных действиях на театре военных действий [5, с. 108], и около 32 млн голов скота было поставлено на фронт. Ветеринарная служба Российской империи постоянно испытывала нехватку кадров, однако сделала все возможное, чтобы успешно выполнить поставленные перед ней задачи по обеспечению действующей армии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Первая мировая война 1914 – 1918 годов: в 6 т. М., 2017. Т. 5: Экономика и оружие войны. 848 с.
2. *Минеева Т.И.* История ветеринарии: учеб. пособ. СПб., 2005. 382 с.
3. *Коропов В.М.* История ветеринарии в СССР. М., 1954. 368 с.
4. Военной ветеринарии Вооруженных Сил 300 лет. М., 2007. 464 с.
5. *Петуховский А.А.* Ветеринарная служба в современной войне // Военная мысль. 1940. № 10. С. 108–114.
6. *Никитин И.Н., Калугин В.И.* История ветеринарии. М., 1988. 191 с.
7. *Попов В.И.* Довольствие мясом русской армии в Первую мировую войну 1914–1918 гг. (по архивным материалам). М., 1942. 20 с.
8. *Гринцер С.Г.* Современное положение ветеринарного дела в России. СПб., 1914. 377 с.
9. История тыла и снабжения русской армии. Калинин, 1955. 327 с.

REFERENCES

1. *Shoygu S.K.* (ed.) The First World War of 1914–1918. Moscow, 2017, vol. 5: War economics and weapons, 848 p. (In Russ.)
2. *Mineeva T.I.* The veterinary medicine history: a textbook. Saint Petersburg, 2005, 382 p. (In Russ.)
3. *Koropov V.M.* The veterinary medicine history in the USSR. Moscow, 1954, 368 p. (In Russ.)
4. The 300 anniversary of the military veterinary medicine of the Armed Forces. Moscow, 2007, 464 p. (In Russ.)
5. *Petukhovskiy A.A.* The veterinary service in a modern war. *Voennaya mysl'*, 1940, no. 10, p. 108–114. (In Russ.)
6. *Nikitin I.N., Kalugin V.I.* The veterinary medicine history. Moscow, 1988, 191 p. (In Russ.)
7. *Popov V.I.* Meat supply for the Russian army in the First World War of 1914–1918 (according to archival materials). Moscow, 1942, 20 p. (In Russ.)
8. *Grintser S.G.* Modern situation of veterinary affairs in Russia. Saint Petersburg, 1914, 377 p. (In Russ.)
9. *Milovskiy M.P.* (ed.) History of rear and supply of the Russian army. Kalinin, 1955, 327 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.06.2018

⁴¹ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 584. Л. 6–8, 33.

⁴² РГВИА. Ф. 8020. Оп. 1. Д. 1160. Л. 1об.

DOI: 10.15372/HSS20180416
УДК 94 (470.5) "1920/1925"

М.С. КЫРЧИКОВ

ИШИМСКИЙ ОКРУГ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРАХ УРАЛА И СИБИРИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-х гг.

Уральский федеральный университет,
РФ, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

В статье исследуется процесс территориальных споров между властями Урала и Сибири по вопросу административной принадлежности Ишимского округа (до ноября 1923 г. – Ишимского уезда) в ходе проведения политики районирования первой половины 1920-х гг., изучение которой представляется актуальным с учетом общих тенденций развития советской региональной политики того времени. Оцениваются возможности двух соперничающих регионов в обеспечении условий для развития данной территории и поддержки населения. Изучены последовательность аргументации сторон, проявления претензий в конкретных случаях, политико-экономические условия в Ишимском крае. Объясняются причины сохранения округа в составе Уральской области и его дальнейшее место в территориальной структуре России.

Ключевые слова: Ишимский округ, Уральская область, Сибирь, районирование, Россия, Госплан, региональная политика, территориальные споры.

M.S. KYRCHIKOV

ISHIMSKY DISTRICT IN TERRITORIAL DISPUTES OF THE URALS AND SIBERIA OF THE EARLY 1920

Ural Federal University
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

The article objective is to determine the content and direction of the USSR's regional policy towards the Urals and Siberia during the early 1920s by the example of Ishim district (uezd) in the light of the regionalization processes of the state administrative and territorial structure. It assesses possibilities of the two competing regions to provide conditions for the territory development and population support. The paper's main conclusions explain the reasons for preserving the district in the Urals region and its further place in the territorial structure of Russia. The work was carried out based on the principles of historicism, objectivity and systemic nature, permitting to consider the regional policy of the USSR in relation to the Urals and Siberia in the process of its formation and development, to evaluate the role and significance of a particular disputed territory in the process of registering the boundaries of the Soviet Russia's regions. The general theoretic-conceptual basis of the article is the modernization theory, which offers an objective view to study the features of Russia's development in the XX century. In particular, the role of regional policy as a set of solutions for transforming the country's territorial and economic structure is related to progressive changes in all spheres of the society's life, which are among the most important modernization tasks. The research was carried out with the help of special methods as well: a historical-system method – to consider the Ishim district as an object of regional policy in the integrated unity of its constituent branches and interacting with neighboring territories; a historical comparative method – to compare the goals and objectives of the studied areas and districts set by both the Soviet government and the Ural-Siberian authorities. The main result is implementing a comprehensive historical study of a separate economically specialized district (Ishim district) in the context of the Soviet regional policy of zoning in the early 1920s involving previously unused sources and their introduction into scientific circulation.

Key words: Ishim district, Ural region, Siberia, regionalization, Russia, Gosplan, regional policy, territorial disputes.

Удобное расположение г. Ишим и прилегающих к нему районов в лесостепной зоне Западной Сибири (Ишимская равнина), на железнодорожной линии Тюмень – Омск, вблизи ее выхода на Транссиб, ярко выраженная сельскохозяй-

ственная, земледельческая специализация края предопределили его важное место в региональной структуре Азиатской России. Сразу после революционных событий 1917 г. Ишимский уезд Тобольской губернии становится объектом при-

Максим Сергеевич Кырчиков – ассистент кафедры гуманитарного образования, Уральский федеральный университет, e-mail: maxim_kyrchikov@mail.ru.

Maxim S. Kyrchikov – associate lecturer, Department of Education in the Humanities, Ural Federal University.

стального внимания, а нередко и предметом политического торга, при решении спорных вопросов определения границ между новыми административно-территориальными образованиями. Так, по решению Тюменской губернской конференции Советов (3–5 апреля 1918 г.) уезд вошел в состав вновь образованной Тюменской губернии. Однако уже летом 1919 г. постановлением ВЦИК от 27 августа власть над уездом была передана Омской губернии. Вновь под юрисдикцию Тюменской губернии Ишимский уезд в составе 49 волостей вернулся постановлением ВЦИК от 21 апреля 1920 г. [1, с. 58]. Этот переход края «из рук в руки», до известной степени понятный в условиях Гражданской войны, создавал один из многих поводов и прецедентов для возникновения и усиления в дальнейшем тенденций межрегионального соперничества между Уралом и Сибирью, особенно ярко проявившихся в начальный период нэпа.

Разработка и реализация административно-территориальной реформы 1920–1923 гг., основанной на принципах экономического районирования, требовала значительных ресурсов, прежде всего на местах. В упраздняемых губерниях и уездах стали стремиться выработать экономически обоснованные проекты границ, учитывающие интересы комплексного развития вновь образуемых округов и районов, а также возможности опереться в этом развитии на помощь сильного политического центра. В свою очередь, со стороны центров будущих районированных краев и областей наблюдалась большая заинтересованность в «прибирании» к рукам пограничных районов, являвшихся объектами территориальных споров. В условиях нэпа (и особенно упадка промышленности) перспективная ресурсная мощь вновь создаваемых областей и краев мыслилась в основном как возможность взять под свой контроль больше крестьянских районов с их налогооблагаемой базой [2, с. 213]. Эти обстоятельства закономерно приводили к столкновению региональных интересов, возникновению напряженности в отношениях руководства и населения отдельных, вовлеченных в орбиту районирования губерний и уездов, особенно в свете проектирования Уральской и Обской (Западно-Сибирской) областей [3, с. 62].

Не остался в стороне от происходящих процессов и Ишимский округ, известный своей почвенной «мозаикой», типично сельскохозяйственный, с упором на развитие зернового, животноводческого и маслодельного хозяйства [4, с. 3]. Постройка железной дороги, связавшей в 1913 г. Ишим с крупными городами Транссиба, усилила торгово-экономическое тяготение уезда к Тюмени и Екатеринбургу. Кроме того, с Курганом и Тюменским округом Ишим был связан общим типом ведения сельского хозяйства [5, с. 132]. В целом слабое развитие промышленности, ярко выраженная аграрная экономическая специализация края предопределили далеко не пассивное участие самого Ишима в территориальных спорах между Екатеринбургом (с 1924 г. – Свердловском) и Омском в борьбе за хозяйственные перспективы развития в условиях нэпа.

Сибирские границы Уральской области могли формироваться с тем большей легкостью, что ее районирование существенно обгоняло любые подобные начинания в других регионах, и потому некоторые части Зауралья в ее составе были предварительно утверждены ВЦИК еще до райони-

рования Сибири¹. Тем не менее даже в середине 1920-х гг. власти в Омске еще продолжали оспаривать правомерность такой практики и поддерживать свои притязания на Ишимский округ, перешедший в состав Уральской области с 1 декабря 1923 г. [6, с. 3]². Определенным подспорьем для сибиряков в данном случае служило положение, включенное, во многом по их настоянию, в постановление ВЦИК о создании Уральской области. В нем указывалось, что Тобольский и Ишимский округа передавались в состав Уральской области временно, «до разрешения общего вопроса о районировании Сибири»³.

Существенную роль в передаче Ишима в административное подчинение Екатеринбургскому округу сыграла и позиция руководства Тюменской губернии, в большинстве своем выразившего однозначно уральскую ориентацию при формировании территориального состава «госплановских» областей⁴. При этом губернские власти Тюмени, находясь в давнем противостоянии с Тобольском за право руководящей роли в организации управления зауральскими территориями, пришли к таким выводам далеко не сразу [7, с. 4–5].

На местах тем временем продолжались дискуссии о перспективах округа, его «неопределенном положении», причем изначально чаша весов склонялась в сторону Сибири, прежде всего, из-за претензий будущего округа к самой Тюмени. Еще в 1921 г., на заседании Тюменской губернской комиссии по районированию, подчеркивалось, что «Ишимский уезд переживает неопределенное положение, тяготея к Омской губернии, попадает под административное давление Тюменского губернского центра и его южные волости в продовольственном положении Петропавловского уезда в конце переходят целиком в Тюменскую губернию. Но тяготение его к Омской губернии остается прежнее, в силу его экономических и разных других местных условий. И даже в промышленном отношении он более подходит к Омской, нежели к Тюменской губернии. Южные волости его все время, не переставая, возбуждают ходатайства о переходе их к другому административному центру, например, к Петропавловскому, или даже к Кургану. В нынешний неурожайный год это тяготение еще сказалось в продовольственном отношении, к тому же Тюменский центр, выкачивая почти начистую продукцию из неоднородного голодающего уезда, не оказывая в то время населению решительно никакой помощи. Помощь населению уезда оказывается сейчас Омским и Петропавловским центрами, а поэтому территория живет надеждой на скорейшее присоединение к Омской губернии, и поступают постоянные запросы с мест через ходячих от населения. Товарищ Молодых, поддерживая высказанное, говорит, что во всех отношениях Ишиму гораздо целесообразнее перейти к Омской губернии»⁵.

В феврале 1922 г. на заседании расширенного пленума Ишимского исполкома указывалось «на необходимость связаться с Омском, ввиду возможного перехода к нему нашего уезда, как экономически тяготеющего к Омской губернии».

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2332. Л. 2.

² Там же. Д. 2331. Л. 9.

³ Там же. Д. 2415. Л. 95.

⁴ Там же. Д. 2352. Л. 59; Д. 2320. Л. 70.

⁵ Там же. Д. 3325. Л. 2.

Пленум отметил, что «в силу целого ряда местных условий, это возвращение в прежнюю губернию весьма целесообразно, что Ишимский уезд имеет значительные запасы сырья и фабрикатов, в коих ощущается большая нужда населения Омской губернии, что с другой стороны Омская губерния может оказать весьма существенную помощь голодающему населению Ишимского уезда»⁶.

В целом же процессы приграничного определения в данном регионе нередко сопровождались территориальными спорами, наиболее острые вопросы разрешались в дискуссиях на межобластном урало-сибирско-киргизском (казахском) совещании по районированию, на совещаниях в Госплане, на согласительных межведомственных комиссиях (при ВЦИК, Сибревкоме и т.д.). Само согласование проектов границ проходило в центральных органах при ВЦИК и СНК, нередко сопровождалось возбуждением в Москве встречных ходатайств и протестов. В январе 1923 г. остро встал вопрос о ряде приграничных территорий, особенно о Петуховском районе. Отмечалось, что «значение Петухово в жизни округа определяется наиболее сильным развитием в нем полевого хозяйства, потому район является обычно источником пополнения хлебных запасов для северных волостей, а также соседнего Тобольского уезда, на нынешнем году Петуховский хлеб «делал погоду» на Ишимском рынке. Кроме того, в бюджетном отношении значение Петуховского района выделяется особо, так как главный объект обложения – пашня – имеется там в наибольшем количестве. Вследствие благоприятных экономических условий можно давать некоторый излишек средств, чем и будет компенсировать маломощность менее богатых районов. Затем станция Петухово служит центром притяжения и для других, соседних с Петуховским, районами Ишимского округа, и при отчуждении от последнего будет тем самым способствовать потере округом известных средств, получающихся в результате товарооборота, производящегося за счет районов, остающихся в составе Ишимского округа. Таким образом, отделение Петуховского района является совершенно не применимым»⁷.

К августу 1923 г. территориальные споры в Сибири достигли своего апогея, что привело к созыву в Омске межгубернского совещания по районированию с участием представителей Урала, Сибири и Киргизской АССР⁸. Роль Ишимского округа в упомянутых процессах, разрешение ключевых территориальных споров между Уралом и Сибирью представляет широкую панораму видения основных приоритетов хозяйственного развития того времени, продемонстрированную Москвой и отдельными регионами. Уральские плановики, проведя существенную подготовительную работу, в ходе переговоров фактически склонили на свою сторону представителей Тюменской губернии и ее уездов, используя ресурсное и бюджетное влияние, предлагая осуществлять не низовое районирование, а сразу перейти к формированию округов на базе прежних губерний. Сибиряки же, следуя установкам Госплана по формированию однородного хозяйства укрупненных административных образований, стремились создать область «сельскохозяйствен-

ного назначения» [3, с. 62–63]. На этом совещании вопрос о выгодах присоединения к Уралу как к «промышленному, пролетарскому и культурному центру» уже прозвучал в выступлениях представителей Тюмени, Тобольска и Ишима⁹. Сама Омская губерния планировалась Госпланом как центр будущей Обской (Западно-Сибирской) области, но ее положение относительно влияния на зауральские территории было весьма шатким. К примеру, даже в процессе подготовительной работы омские губернские власти столкнулись с резкой критикой со стороны аграрных уездов Тюменской губернии, над которыми они фактически не имели реальной власти¹⁰. Тем не менее позиция Москвы изначально была на стороне сибиряков, но принципиально изменить положение она не смогла [3, с. 62].

В ходе совещания при рассмотрении «ишимского вопроса» было решено передать разрешение спорного вопроса о границе в Петропавловском районе в Госплан, поскольку границы Западно-Сибирской (Обской) экономической области, «намеченные Госпланом в 1921 г. и одобренные Омгубисполкомом, оспариваются Уралом и Киргизией»¹¹. В целом территориальные споры между Ишимским округом и Акмолинской губернией КАССР продолжались в течение еще нескольких лет. В феврале 1924 г. проект границ между ними, разработанный членами комиссии от Уральской области, был передан на рассмотрение в Тюменское земельное управление. В декабре того же года вопрос об оставлении приграничной территории в размере 16 тыс. дес. земельного массива, расположенного между волостями Красноярской, Бугровской и Соколовской Акмолинской губернии и Ильинским и Сладковским районами Ишимского округа Уральской области в пределах самого округа был передан на рассмотрение в Уралплан. Секция районирования Уралплана поддержала ходатайство о закреплении за Свердловском уездом десятины земли, которые представляли собой лишь незначительную часть «действительно свободных земель, находящихся рядом в пределах Петропавловского уезда»¹². Данный конфликт находился вне общих процедур урегулирования территориальных споров в ходе оформления административных границ Уральской области. К примеру, в проекте внешних границ области 1924 г. вообще не затрагивались ишимско-петропавловские приграничные проблемы, которые разрешались в особом порядке – в Центральном земельном комитете. На деле, к 1926 г. данный участок границы оставался без изменений [8, с. 119].

В ходе продолжительных дискуссий Центр в итоге отказался от формирования Обской области; территории же Тюменской губернии (Тюменский, Курганский, Ишимский, Тобольский, части Ирбитского и Тагильского уездов), которые по проекту Госплана должны были войти в состав Обской области, составили часть образованной в ноябре 1923 г. Уральской области. Не была реализована к тому времени и идея сохранения за Тюменью своей роли в качестве промежуточного звена между Уральской областью и ее будущими восточными округами [7, с. 7]. Сложная экономи-

⁶ ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Л. 3.

⁷ Там же. Д. 3325. Л. 12.

⁸ Там же. Д. 2352. Л. 52.

⁹ ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2352. Л. 57.

¹⁰ Там же. Л. 48.

¹¹ Там же. Д. 16. Л. 29.

¹² Там же. Д. 2332. Л. 148, 150.

ческая ситуация, неурожаи, нестабильная социальная обстановка после подавления крупного Западно-Сибирского восстания (1921 г.) выдвигали на первый план исключительно хозяйственный прагматизм, и решение Ишимского уездного исполкома о вхождении в состав Уральской области было обусловлено, прежде всего, необходимостью разрешения неотложных проблем, когда «вопросы настоящего важнее перспектив будущего»¹³. Кроме того, после Омского совещания вопрос об отнесении к Сибири был практически единодушно опротестован на заседаниях волисполкомов Ишимского уезда. Только 3 из 26 волостей, самые восточные, высказались за переход под юрисдикцию Омска, а при последующем формировании районов они высказались уже за сохранение своей принадлежности к Уральской области. Само же население уезда выражало заинтересованность в присоединении к Уралу в основном по экономическим соображениям – стремлением войти в состав более развитой и богатой ресурсами крупной области [5, с. 130–131].

Сельское хозяйство нового округа, определявшее специализацию местной экономики, мыслилось как естественное и мощное дополнение к промышленному сектору Урала. Упор руководства Уральской области на индустриализацию и формирование на этой основе мощного территориально-хозяйственного «комбината» давал властям в Свердловске особые преимущества в деле «собираания» сопредельных уездов и губерний, поскольку подкреплял у сельскохозяйственных районов потребительско-экономические мотивы тяготения к сильному, «пролетарскому» краю [2, с. 214]. Присутствовали в этом и политические мотивы – попытки «заморить» и взять под политический контроль беспокойное крестьянство Зауралья, активно проявившее себя в антибольшевистском восстании 1921 г., подчинить его пролетариату крупных промышленных центров Урала [9, с. 289]. Кроме того, позиция уральцев и сибиряков относительно подходов к районированию отличалась и методологически. Первые опирались, прежде всего, на принцип экономического тяготения, направленность товарных потоков и интересы формирования «смешанного хозяйства» в своей области. В соответствии с их представлениями, некоторые аграрные территории Предуралья и такие обширные зауральские территории, как Курганский, Тюменский и Ишимский округа, издавна снабжавшие хлебом заводское и городское население Урала, должны были стать мощной продовольственной базой в составе вновь образуемой области, удовлетворять ее весьма значительные внутренние потребности в продуктах [10, с. 41].

В ответ Сибревком, до этого фактически контролировавший зауральские губернии, в начале 1925 г. отмечал, что «с образованием Уральской области, включившей в свой состав часть территории Сибири, которая по проекту Госплана должна была войти в Западно-Сибирскую область, первоначальная схема районирования Сибири оказалась существенным образом нарушенной» [11, с. 15]. Что касается Ишимского округа, то здесь проблема размежевания отдельных районов в середине 1920-х гг. сохраняла свою остроту: при сохраняющемся преобладании Урала в хозяйственно-снабженческих связях с территорией по-прежнему велись

длительные переговоры и согласования. Сибирские власти в целом продолжали отстаивать позицию, согласно которой Ишимский округ являлся типичным сельскохозяйственным округом Западной Сибири, связанным с Омском железной дорогой и экономически тяготеющим к нему. Более того, высказывались сомнения в том, что «промышленный Урал сможет уделять должное внимание своей восточной аграрной окраине» [12, с. 140]. Тем не менее, несмотря на длительные территориальные споры, Ишимский округ остался в Уральской области, опиравшейся на экономическую конъюнктуру и остро нуждавшейся в продовольственном снабжении модернизирующихся промышленного сектора и социальной сферы. Кроме того, направляемая на Урал сельхозпродукция округа отчасти компенсировала последствия отхода от области аграрных районов Башкирии [5, с. 132].

Присоединение сопредельных земледельческих территорий, способных обеспечить полноценное функционирование хозяйственного «комбината» области стало также политической победой уральских плановиков, улучшило их экономические и властные позиции среди других региональных центров.

Однако дальнейшие события показали, что, Ишим, находясь в подчинении Свердловску, так и не сумел органично вписаться в единую экономическую систему края [13, с. 340–341]. При всей очевидности хозяйственного тяготения Западной Сибири к Уралу, с точки зрения природно-географического районирования, зауральская территория оставалась неотъемлемой составной частью Западной Сибири. Ишимский округ, как и другие сопредельные с ним районы, оказался вовлечен в зарождающийся процесс исторической переориентации территории в региональной структуре, соотносимый главным образом с новыми реалиями существования лесостепной Сибири в системе связей горнозаводского Урала в условиях нэпа [14, с. 78–79]. В дальнейшем ряд внутренних и внешних факторов, связанных со следующим этапом политики районирования в стране, привел к упразднению округа в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1930 г. [1, с. 64]. Был образован Ишимский район, в 1930-е гг. несколько раз подвергнувшийся территориальным реорганизациям и лишь в 1944 г. окончательно перешедший в Тюменскую область из состава Омской, сохранив хозяйственную принадлежность к Западно-Сибирскому экономическому району.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / под ред. В.П. Петровой. Тюмень, 2003. 304 с.
2. Зубков К.И. Между Уралом и Сибирью: Тобольский Север в фокусе межрегионального соперничества начала 1920-х гг. // Тобольск научный – 2016: Материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. (с международным участием) (г. Тобольск, 10–11 ноября 2016 г.). Тобольск: ООО Принт-Экспресс, 2016. С. 213–216.
3. Зубков К.И. Территориальные споры в ходе районирования Урала и Сибири (начало 1920-х гг.): геополитика в региональном интерьере // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 62–65.
4. Сарафанникова Л.А. Экономика города в годы нэпа // Ишимская правда. 2006. 21 окт. С. 3.
5. Соловьева Т.В. Проблема административно-территориального устройства Тобольского Севера в ходе экономического районирования Уральской области // Урало-Сибирский Север в развитии рос-

¹³ ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2352. Л. 63.

сийской цивилизации: сб. науч. стат. Екатеринбург: Банк культурной информации ИИиА УрО РАН, 2005. С. 119–145.

6. Бирюков Я.О. Наш край. Ишимский округ с приложением карты округа и таблиц. Ишим, 1926. 83 с.

7. Зубков К.И. Тюменская губерния в процессах районирования Уральской области (1920–1923 гг.) // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 65-летию Тюменской области (21–23 мая 2009 г., г. Тюмень). Тюмень, 2009. С. 3–7.

8. Кокшаров В.А., Тиханова Е.В. Юго-восточная граница России: исторический путь к согласию. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 259 с.

9. Камынин В.Д., Панькин И.Д. К вопросу об особенностях регионального управления на Урале в 1920-е – начале 1930-х гг. (на примере Уральской области) // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.): сб. науч. стат. Оренбург, 2012. С. 286–290.

10. Проблемные регионы ресурсного типа: Экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири / под ред. В.В. Алексеева, М.К. Бандмана, В.В. Кулешова. Новосибирск, ИЭОПП СО РАН, 2002. 356 с.

11. Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.): справочник. Новосибирск, 1966. 219 с.

12. Карпов Е.В. Проблема административных границ Уральской области в начале 1920-х гг. // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995. С. 140–145.

13. Ишим и Приишимье: страницы истории / гл. ред. С.П. Шилов, отв. ред. И.В. Курьшев. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2013. 448 с.

14. Менщиков В.В. Зауралье в контексте исторического развития территориальных структур // Урал на пороге третьего тысячелетия: Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 78–79.

REFERENCES

1. Petrova V.P. (ed.) Administrative-territorial division of the Tyumen region (XVII–XX centuries). Tyumen, 2003, 304 p. (In Russ.)

2. Zubkov K.I. Between the Urals and Siberia: Tobolsk North in the focus of interregional rivalry of the early 1920s. *Tobol'sk nauchnyy–2016:*

materialy XIII Vseros. nauch.-prakt. konf. (s mezhdunar. uchastiem) (Tobol'sk, 10–11 noyab. 2016 g.). Tobolsk, 2016, p. 213–216. (In Russ.)

3. Zubkov K.I. Territorial disputes during the “zoning” of the Urals and Siberia (early 1920s): geopolitics in the regional interior. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2008, no. 2, p. 62–65. (In Russ.)

4. Sarafannikova L.A. The urban economy during the New economic policy. *Ishimskaya Pravda*, 2006, 21 Oct. (In Russ.)

5. Solov'eva T.V. The problem of the administrative-territorial structure of the Tobolsk North during the Urals region's economic zoning. *Uralo-Sibirskiy Sever v razvitiy rossiskoy tsivilizatsii*. Ekaterinburg, 2005, p. 119–145. (In Russ.)

6. Biryukov Ya.O. Our land. Ishim district with the map of the county and tables. Ishim, 1926, 83 p. (In Russ.)

7. Zubkov K.I. Tyumen province in the processes of the Ural region's zoning (1920–1923). *Tyumenskaya oblast: istoricheskiy opyt ekonomicheskogo i sotsialnogo razvitiya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 65-letiyu Tyumenskoy oblasti (Tyumen', 21–23 May 2009 g.)*. Tyumen, 2009, p. 3–7. (In Russ.)

8. Koksharov V.A., Tikhanova E.V. The south-eastern border of Russia: a historical path to agreement. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. Univ., 2012, 259 p. (In Russ.)

9. Kamynin V.D., Pankin I.D. On the issue of specificity of regional governance in the Urals in the 1920s – early 1930s (a case of the Urals region). *Regional'noe upravlenie i problema effektivnosti vlasti v Rossii (XVIII – nachalo XXI vv.)*. Orenburg, 2012, p. 286–290. (In Russ.)

10. Alekseev V.V., Bandman M.K., Kuleshov V.V. (eds.) Problematic regions of the resource type: economic integration of the European North-East, the Urals and Siberia. Novosibirsk, IEEPP SO RAN, 2002, 356 p. (In Russ.)

11. Administrative-territorial division of Siberia (August 1920 – July 1930), West Siberia (July 1930 – September 1937), Novosibirsk region (since September 1937): a reference book. Novosibirsk, 1966, 219 p. (In Russ.)

12. Karpov E.V. The problem of administrative boundaries of the Urals region in the early 1920s. *Regional'naya struktura Rossii v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike*. Ekaterinburg, 1995, pp. 140–145. (In Russ.)

13. Kuryshev I.V. (ed.) Ishim and Priishimie: pages of history. Ishim, Izd-vo P.P. Ershova IGPI, 2013, 448 p. (In Russ.)

14. Menshchikov V.V. Zauralie in the context of the historical development of territorial structures. *Ural na poroge III tysyacheteletiya: materialy Vseros. nauch. konf.* Ekaterinburg, 2000, pp. 78–79. (In Russ.)

Статья принята редакцией 18.06.2018

DOI: 10.15372/HSS20180417
УДК 94(571.6)“1925/1953”

А.В. МАКЛЮКОВ

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В СЕРЕДИНЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1950-х гг.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО СО РАН,
ПФ, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89

Статья посвящена истории электрификации села российского Дальнего Востока в период с середины 1920-х до начала 1950-х гг. Показано, что первые шаги по электрификации сельской местности в регионе были сделаны в начале XX в. Автор ставит задачу – проследить особенности электрификации сельскохозяйственного производства на Дальнем Востоке, роль государственной поддержки в этом процессе. Отмечено, что государство стало оказывать помощь дальневосточным селам в строительстве электростанций с середины 1920-х гг. В сельхозпроизводстве электричество стало применяться со второй половины 1940-х гг. Показано, что электрификация колхозов и совхозов в 1930–1940-е гг. оставалась одним из наиболее слабых звеньев в работе по укреплению материально-технической базы села. Только с 1950-х гг. в стране началась реальная поддержка государством электрификации села.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, сельское хозяйство, сельская местность, электрификация, электростанции, электроэнергия.

A.V. MAKLYUKOV

ELECTRIFICATION OF AGRICULTURE IN THE FAR EAST IN THE MID-1920S – EARLY 1950S

Institute of History, Archaeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East FEB RAS,
89, Pushkina Str., Vladivostok, 690001, Russian Federation

Studying the electrification of agriculture in the Far East is relevant due to the need to reconstruct the agrarian history of Eastern regions of Russia. The agrarian sector of the Far East was characterized by the heterogeneity and low development of its constituent territories, heavy climatic conditions, economic weakness of collective farms and numerous unresolved problems. The article objective is to trace the development of rural electrification in the Far East in the mid-1920s – early 1950s.

The theoretical and methodological basis of the research is the concept of modernization. The author analyzes conditions for agriculture electrification in the Far East during the period under study; reveals the regional features of this process and determines the influence of electrification on the agricultural production development.

The study shows that the first steps in rural region's electrification took place in the early XX century. The state started to provide assistance to remote Far Eastern villages to construct power plants in the mid-1920s. The electric power was applied in the countryside to light houses and technical needs of tractor stations and repair shops. It is established that electricity was introduced directly in the regional agricultural production since the second half of the 1940s. The author notes that the collective and state farm electrification in the 1930–40s remained a weak component in the activity to strengthen the rural material-technical base, which was financed by a leftover principle and became a concern of farms, local authorities and enterprises. This way of electrifying the village did not yield the results expected by the state, especially under difficult social and economic conditions of the postwar period. The real state support of rural electrification started only in the early 1950s.

Key words: Russian Far East, agriculture, rural area, electrification, power stations, electric power.

Алексей Владимирович Маклюков – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, e-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru.

Aleksey V. Maklyukov – candidate of historical sciences, researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS.

Актуальность исследования электрификации сельского хозяйства Дальнего Востока обусловлена необходимостью воссоздания аграрной истории восточной части России, в которой важное место занимал процесс применения электрической энергии в производственных процессах. Аграрный сектор Дальнего Востока отличался неоднородностью и слабой освоенностью входящих в него территорий, сложностью климатических условий, экономической слабостью коллективных хозяйств и нерешенностью многих проблем. С начала 1920-х гг. советская власть стала отводить важную роль сельскому хозяйству в модернизации экономики страны. Важнейшим элементом развития материально-технической базы советской деревни становится ее электрификация.

Значительный вклад в изучение процесса формирования энергетической базы сельского хозяйства на востоке России внес академик В.В. Алексеев [1], который раскрыл роль электроэнергетики в развитии сельскохозяйственного производства Сибири в первой половине XX в. Экономические проблемы истории аграрного сектора Сибири выступают в настоящее время одними из ведущих направлений исследований сибирских историков (С.Н. Андреев, В.А. Ильиных, В.М. Рынков) [2; 3; 4]. Исторический опыт сельской электрификации Дальнего Востока впервые стал рассматриваться экономистами (И. Ковригин, М.А. Виленский) [5; 6], в работах которых приведены статистические данные о выработке электроэнергии сельскими электростанциями в 1920–1940-е гг. Среди дальневосточных исследователей вопросам электрификации материально-технической базы амурской деревни впервые уделила внимание Т.П. Стрельцова [7]. Однако научно-историческая проблема аграрной электрификации Дальнего Востока историками предметно не рассматривалась, она нуждается в расширении проблематики и специальной проработке отдельных вопросов.

В настоящей статье автором анализируются условия проведения электрификации сельского хозяйства Дальнего Востока в середине 1920-х – начале 1950-х гг., выявляются региональные особенности этого процесса, определяется влияние электрификации на развитие сельскохозяйственного производства в рассматриваемый период.

Первые шаги сельской электрификации на Дальнем Востоке были сделаны в начале XX в. Электричество использовалось для освещения хозяйственных построек, а также ближайших домов крестьян. Например, в 1913 г. в с. Раздольном Приморской области «Русское мукомольное товарищество» при собственной паровой мельнице установило динамо-машину на 10 кВт, и электрический ток появился в домах рядом проживающих селян¹.

Слабая заселенность и освоенность Дальнего Востока, его отдаленность от Центра, пограничное положение и сильная зависимость от государственных инвестиций сдерживали процесс сельской электрификации. Социальные потрясения 1917–1922 гг. привели почти к полной потере хозяйственных связей дальневосточной окраины с центральными районами страны и Сибирью. Дальний Восток выпал из

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 27. Л. 479.

глобальных процессов, происходивших в стране в 1920-е гг. и не был включен в план ГОЭЛРО.

Всеобщая городская перепись населения и промышленных предприятий 1923 г. зафиксировала в Приморской области 3 сельские электростанции – в Раздольном, Шкотово и Ольге. Две последние начали работать в 1918 г.² В Амурской области в 1923 г. насчитывалось 22 мельницы с электросиловыми установками³. Электричество в дальневосточных селах использовалось только для освещения, в сельскохозяйственном производстве механизация процессов строилась на мускульной силе, паровом, ветряном и конном приводах.

В 1923 г. Дальний Восток встал на путь социалистической реконструкции. В регионе создаются советские хозяйственно-экономические структуры, благодаря которым край постепенно включился в систему народного хозяйства СССР. С 1923 г. сельские электроустановки в стране стали сооружаться при содействии государства, которое выдавало организациям через Сельхозбанк долгосрочную ссуду под 6–7 % годовых в размере 60–70 % стоимости строившегося сооружения. В январе 1925 г. во Владивостоке открылось Дальневосточное инженерное бюро государственного электротехнического треста. На местах создавались бюро содействия электрификации при губернских и волостных Советах. В 1926 г. Дальневосточный сельхозбанк открыл первый долгосрочный кредит на электрификацию приморских сел в размере 191 600 руб. На эти средства планировалось строительство 7 сельских электростанций⁴.

Однако на практике проводимые мероприятия по электрификации сел Приморья имели успех только в с. Владимиро-Александровское. Здесь в 1926 г. построили угольную котельную с генератором на 50 кВт. Местные советско-партийные и хозяйственные структуры вели больше пропагандистскую работу, чем реально помогли селу. Инициатива и организация электрического освещения шла снизу. В 1924 г. в Сучанском районе в с. Сергеевка крестьяне коммуны «Смычка» самостоятельно без всяких кредитов соорудили плотину на р. Муладза и установили самодельную турбину с генератором на 35 кВт. Первая на Дальнем Востоке сельская мини-ГЭС работала в весенне-осенний период⁵.

Более масштабно сельская электрификация развернулась в Амурской области. Здесь было развито мукомольное производство, в селах имелись крупные мельницы, на которых работали паровые машины и локомотивы, их энергия могла использоваться для работы генераторов. В марте 1925 г. Благовещенский уездный исполнительный комитет принял решение об электрификации тех сел, в которых находились паровые мельницы. Уже в 1925 г. динамо-машины появились в селах Бочкарево, Демьяновка, Песчано-Озерское и др. А в с. Толстовка, например, электростанция

² Итоги Всероссийской городской переписи 1923 года на Дальнем Востоке. Серия III. Данные о промышленных заведениях. Чита, 1924. Вып. 2. С. 109.

³ Развитие электрификации Советской страны. 1921–1925 гг.: сб. документов и материалов. М., 1956. С. 497.

⁴ Красное знамя (Владивосток). 1926, 29 авг. С. 2.

⁵ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 41. Д. 398. Л. 16–17.

Выработка электроэнергии сельскими электростанциями Дальнего Востока в 1936–1937 гг.*

Тип сельских электростанций	1936 г.			1937 г.		
	Всего	Мощность, кВт	Выработка, млн кВт·ч	Всего	Мощность, кВт	Выработка, млн кВт·ч
Сельсоветские	4	46	93,0	10	207,0	529,0
Колхозные	4	54,2	36,6	7	91,0	225,0
Совхозные	4	366,2	810,0	16	464,0	640,0
Прочие	–	–	–	5	99,0	83,0
<i>Всего</i>	12	466,4	939,6	38	861,0	1477,0

*Составлено по: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 1735. Л. 74.

мощностью 140 кВт стала освещать более 100 крестьянских дворов⁶.

К 1929 г. мощность всех сельских электроустановок на Дальнем Востоке не превышала 400 кВт. По уровню сельской электрификации среди дальневосточных районов заметно выделялась Амурская область. Но по сравнению с темпами электрификации Сибири регион отставал [1, с. 171; 6, с. 63].

С началом организации колхозов и совхозов на Дальнем Востоке в конце 1920-х – начале 1930-х гг. электрификация проводилась исключительно в обобщественном секторе сельского хозяйства с преимущественным использованием электроэнергии на производственные цели сельского хозяйства. Электрификация сельской местности в период коллективизации шла по двум направлениям: 1) электрификация хозяйств колхозов и совхозов; 2) строительство сельских электростанций. Для обеспечения технической и организационной помощи крупных производителей сельхозпродукции создавались машинотракторные станции (МТС) и машинотракторные мастерские (МТМ), принимались меры к увеличению тракторного, комбайнового и автомобильного парка в селе.

В районах Приморья и Хабаровского Приамурья в начале 1930-х гг. были созданы первые МТС и МТМ: Астраханская – в Приморье, Аргунская, Новотроицкая, Матвеевская – в Хабаровском Приамурье. В них сосредоточилась вся сельскохозяйственная техника, поставляемая государством. Для их энергообеспечения устанавливались автономные дизельные и дровяные генераторы. Вырабатываемый электрический ток использовался для освещения помещений станций и мастерских, работы моторов металлообрабатывающих и металлорежущих машин, компрессоров, насосов⁷.

В 1934 г. на Дальнем Востоке работало 42 МТС и МТМ, их обслуживало 69 генераторов суммарной мощностью 1094 кВт. К ним было подключено 194 мотора мощностью 426 кВт. В 1937 г. собственную электроэнергию вырабатывали уже 54 МТС и МТМ, а мощность установленных моторов достигала уже 705 кВт⁸.

Для электрификации административных зданий, домов колхозников и сельских улиц, школ, больниц строи-

лись отдельные электростанции, состоявшие из одного или нескольких генераторов, работавших от дизельного двигателя или парового котла. Одну из первых колхозных электростанций построили в 1931 г. в с. Яковлевка, мощностью 80 кВт⁹.

Примечательно, что в 1930-е гг. несколько раз предпринимались попытки электрифицировать колхозы и совхозы на Дальнем Востоке за счет использования так называемых «возобновляемых» источников энергии. В 1936 г. на установку 10 опытных ветряных электростанций правительство выделило 200 тыс. руб. Экспериментальные ветряки планировалось установить в Ханкайском и Биробиджанском районах и Зейско-Бурейской низменности¹⁰.

Во второй пятилетке сельские электростанции на Дальнем Востоке строились в основном в совхозах, районных центрах и колхозах. Только за 1936–1937 гг. их общее количество увеличилось в 3 раза, мощность – в 2 раза, выработка электроэнергии – в 1,5 раза (табл. 1).

Несмотря на количественный рост электростанций, степень электрификации колхозов и совхозов региона оставалась крайне низкой. Из 1198 колхозов в 1937 г. электрическое освещение для бытового пользования имелось только в 7, т.е. электрификацией было охвачено не более 0,5 % хозяйств. Из 76 совхозов электрифицировано только 16, или 20 %. По СССР электроэнергией уже пользовалось 4 % колхозов и 25–30 % совхозов. Мощность всех сельских источников генерации (включая МТС и МТМ) Дальнего Востока в 1937 г. составляла 2000 кВт, выработка электроэнергии – 3,2 млн кВт·ч. На электростанции МТС и МТМ в регионе приходилось 56 % мощности и столько же выработки сельской электроэнергии¹¹. С 1929 по 1937 г. мощность сельских станций в регионе увеличилась в 5 раз. В Сибири за этот период мощность также возросла в 5 раз [1, с. 178].

Электрификация сельского хозяйства Дальнего Востока до второй половины 1940-х гг. осуществлялась медленно и односторонне: новые источники генерации появлялись в основном на предприятиях, обслуживавших колхозы и совхозы, МТС и МТМ. В годы Великой Отечественной войны в сельском хозяйстве региона сохранялся дефицит электро-

⁶ Развитие электрификации Советской страны. 1921–1925 гг. С. 479, 489.

⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 398. Л. 47.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 15. Д. 786. Л. 22; Д. 1727. Л. 60.

⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 398. Л. 16.

¹⁰ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4378. Оп. 34. Д. 337. Л. 47.

¹¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 15. Д. 786. Л. 22; Д. 1735. Л. 74

энергии, ее не хватало для нужд МТС и МТМ, освещения колхозов и совхозов, несмотря на то, что устанавливались новые источники электрического тока.

В послевоенные годы государство впервые стало разрабатывать меры по скорейшему подъему сельскохозяйственного производства, созданию крупных высококотлованных сельскохозяйственных предприятий индустриального типа, базирующихся на общественной собственности. Существенную роль в повышении уровня механизации колхозно-совхозного производства стала играть его электрификация [8, с. 81–82].

В первые послевоенные годы обязанность по электрификации колхозов и совхозов возлагалась на промышленные предприятия разных министерств. Работники предприятий своими силами и средствами поставляли селу оборудование для станций, строительные материалы, монтировали агрегаты, проводили линии электропередач. В частности, в 1946–1947 гг. сотрудники ТЭЦ сахарного завода г. Ворошилова провели ЛЭП и подключили к станции колхоз «Вперед», работники ТЭЦ масложиркомбината снабжали электричеством колхоз «Красный Восток». В 1946 г. шахтеры г. Сучан электрифицировали колхоз в с. Новицкое, построив для этого линию передач от ЦЭС, которая передала 50 кВт мощности. В результате к 1949 г. в Приморском крае 19 колхозных хозяйств стали суммарно получать 680 кВт [9, с. 85]¹².

Колхозы и совхозы Дальневосточного края, находящиеся в отдалении от ближайших городов и промышленных предприятий, самостоятельно заключали договоры с Главсельэлектро на установку электростанций, однако реальной помощи не получали. Например, в январе 1946 г. колхоз «Первая пятилетка» Сучанского района заключил договор на электрификацию с. Бровничи, но никаких работ произведено не было¹³.

Далеко не все совхозы и колхозы могли позволить энергетическое строительство, которое требовало больших затрат. Электрооборудование и техника для общественных построек и предприятий колхозов полностью оплачивались за счет колхозов или сельхозкредита. Электрификация домов колхозников и сельских жителей осуществлялась за их личные средства.

Некоторым хозяйствам все же удавалось успешно решить вопрос электрификации. Работники Даубихинского рисосовхоза с. Чернышевка в 1947–1948 гг. построили 2 электростанции: гидроустановку на р. Телянца на 75 кВт и дизель-станцию на МТС села на 70 кВт. В приобретении материалов и оборудования помог Приморский краевой комитет ВКП (б). Работники совхоза собственными силами провели линии передач общей протяженностью 10 км и установили 2 трансформаторных киоска на 50 и 24 кВт. В результате были электрифицированы центральные ремонтные мастерские, семенная и товарная сушилка, зерноочистительные машины по переработке зерна, проведено электрическое освещение в дома. В совхозе на электроэнергию перевели весь процесс молотбы риса. Это позволило в 1948 г. сэкономить 293 тыс. руб. государственных средств

и 264 т дизельного топлива¹⁴. Однако успешный пример Даубихинского рисосовхоза в Приморском крае был едва ли не единственным.

В 1947 г. на Дальнем Востоке с целью оказания помощи сельской электрификации создаются строительно-монтажные конторы Главсельэлектро – Приморское, Хабаровское и Амурское управления. Главной проблемой стало отсутствие необходимых квалифицированных кадров – проектировщиков, монтажников, электриков, гидротехников. Инженерно-технические работники в региональных управлениях практически отсутствовали. Основным источником пополнения технически грамотных и опытных специалистов Сельэлектро стало временное перераспределение или командирование работников с других предприятий и организаций. Но и здесь возникали определенные сложности. Например, единственный инженер-гидротехник Приморского управления Сельэлектро Г.С. Налобин работал на постоянной основе в штате комбината Приморскуголь и не мог выполнять обязанности по совместительству¹⁵.

В штаты региональных управлений Сельэлектро в результате удалось набрать не более 40–50 работников. Даже при большом желании и возможностях они не могли выполнить и сотой доли тех заявок на электрификацию, которые поступали от сельских хозяйств региона. В адрес краевых управлений Сельэлектро со стороны центральных партийно-хозяйственных органов последовала критика. Отмечалось, что областные и краевые управления сельского хозяйства устранились от руководства строительства электростанций, не оказывают реальной помощи в поддержке электростанций, построенных самими колхозами [10, с. 237].

Планы сельскохозяйственной электрификации дальневосточного региона ежегодно срывались. Так, на 1 января 1949 г. в Приморском крае электрифицировали только 14,6 % колхозов и 42,9 % совхозов (табл. 2.).

Структура сельской электроэнергетики Приморского края в 1949 г. выглядела следующим образом: 73 дизельных генератора (2620 кВт), 12 паровых генераторов работавших на дровах (320 кВт), 3 гидроустановки (90 кВт). Всего действовало 88 местных источников электрического тока мощностью 3030 кВт. По подсчетам Приморской конторы Сельэлектро, для полной электрификации сельских хозяйства края требовалось строительство еще 307 тепловых станций на 8900 кВт, 224 гидроустановки на 5900 кВт и 34 линий электропередач – для подключения к государственным сетям. Уполномоченный Госплана СССР по Приморскому краю И. Виноградов оценивал работы полной электрификации сел Приморья в 27,8 млн руб., а сроки реализации плана определял не ранее 1960 г.¹⁶

Таким образом, и в Центре, и на местах осознавали, что сельскохозяйственную электрификацию невозможно осуществить быстро, односторонне, что это длительный и затратный процесс, требующий консолидации всех необходимых сил и средств.

В послевоенные годы наиболее динамично сельскохозяйственная электрификация проводилась в Амурской об-

¹² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 398. Л. 47, 10.

¹³ Там же. Оп. 33. Д. 161. Л. 21.

¹⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 398. Л. 60.

¹⁵ Там же. Оп. 33. Д. 161. Л. 22.

¹⁶ Там же. Оп. 41. Д. 398. Л. 10–12.

Т а б л и ц а 2

Электрификация сельского хозяйства Приморского края на 1.01.1949 г.*

Группа хозяйств	Наличие хозяйств	Фактически электрифицировано на 1949 г.		Подлежало электрификации	
		Кол-во хозяйств	%	Кол-во хозяйств	%
Колхозы	452	66	14,6	386	85,4
Совхозы	28	12	42,9	16	57,1
МТС и МТМ	53	44	83,1	9	16,9
<i>Всего:</i>	553	122	22,9	411	71,1

*Составлено по: ГАПК. Ф. П-68. Оп. 41. Д. 398. Л. 10.

ласти, которая по показателям технической оснащенности на Дальнем Востоке являлась передовой. В 1946 г. в области работало 56 МТС, в хозяйстве большинства которых уже имелись генераторы. Качественное изменение и пополнение тракторного парка амурской деревни в послевоенные годы привело к тому, что на всех МТС установили или заменили электросиловое оборудование, а уровень их электрификации достигал почти 100 %. Амурское управление Сельэлектро и местные власти активно помогали развитию электроэнергетики в колхозах и совхозах. К началу 1950-х гг. в Амурской области электрифицировали 80 колхозов (около 16 % от общего количества) и 18 совхозов (100 %). В некоторых хозяйствах в Амурской области электроэнергия использовалась в водоснабжении животноводческих ферм, приготовлении и раздаче кормов, доении коров, стрижке овец и других работах [7, с. 52]. Всего в 1950 г. в Амурской области работало 127 сельских электростанций. Они вырабатывали 8,8 млн кВт·ч электроэнергии, что составляло 5 % от общего областного производства¹⁷.

За годы четвертой пятилетки благодаря строительству новых сельских электростанций на Дальнем Востоке почти в 2 раза возросла общая мощность энергетической базы деревни. Но по уровню сельскохозяйственной электрификации регион незначительно отставал от средних показателей по СССР, где на 1950 г. было электрифицировано 15 % колхозов, 80 % МТС и 76 % совхозов [6, с. 63].

Государственная задача по подключению сел к энергосистемам стала постепенно решаться на Дальнем Востоке только с середины 1950-х гг., когда в регионе развернулось строительство протяженных ЛЭП и стали создаваться новые энергосистемы. Так, в 1959 г. от энергосистемы «Хабаровск-энерго» села централизованно получали 1,3 млн кВт·ч электроэнергии. В 1960 г. к Амурэнерго подключили 61 село, для которых построили линии передач общей протяженностью более 700 км¹⁸.

Таким образом, в середине 1920-х – начале 1950-х гг. на Дальнем Востоке шаг за шагом осуществлялся процесс электрификация сельского хозяйства. В регионе появляются первые сельские электрические станции, которые действовали еще в незначительном числе населенных пунктов. Электрическая энергия использовалась для освещения домов и производственных нужд тракторных станций и ремонт-

ных мастерских. Непосредственно в сельскохозяйственном производстве электричество в регионе стало применяться только со второй половины 1940-х гг. Электрификация колхозов и совхозов оставалась одним из наиболее слабых звеньев в работе по укреплению материально-технической базы села. Она осуществлялась по остаточному принципу и в значительной степени была отдана на откуп самим хозяйствам, местных властей и предприятий. Только в начале 1950-х гг. в стране и в регионе началась реальная поддержка электрификации села.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Новосибирск, 1973. Ч.1 (1885–1950). 284 с.
2. Андреев С.Н. Колхозно-совхозная система Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск, 2016. 256 с.
3. Ильиних В.А., Андреев С.Н., Рынков В.М. и др. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск, 2015. 298 с.
4. Ильиних В.А., Андреев С.Н., Рынков В.М. и др. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. 408 с.
5. Ковригин И. Электрификация в деревне // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1924. № 2. С. 101–105.
6. Виленский М.А. Проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока. М., 1954. 159 с.
7. Стрельцова Т.П. Амурская деревня: противоречия и трудности послевоенного развития (1946–1965 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006. 283 с.
8. Андреев С.Н. Агротехника совхозов Сибири во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2017. № 47. С. 81–86.
9. Маклюков А.В. Решение задач электроснабжения народного хозяйства Дальнего Востока СССР в послевоенные годы (1946–1950 гг.) // Вестник Том. гос. ун-та. 2016. № 402. С. 79–87.
10. Маклюков А.В. Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX – середина XX вв.) Владивосток, 2018. 280 с.

REFERENCES

1. Alekseev V.V. Electrification of Siberia. Historical research. Novosibirsk, 1973, pt. 1: (1885–1950). 284 p. (In Russ.)
2. Andreev S.N. The collective and state farm system of Siberia in 1946–1964: functioning and reforming. Novosibirsk, 2016, 256 p. (In Russ.)
3. Il'inykh V.A., Andreev S.N., Rynkov V.M. et al. Projects of the agrarian system transformation in Siberia in the XX century: the choice of modernization ways and methods. Novosibirsk, 2015, 298 p. (In Russ.)

¹⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 3746. Л. 126.

¹⁸ Там же. Ф. 348. Оп. 1. Д. 102. Л. 5; Ф. 7870. Оп. 3. Д. 43. Л. 15.

4. Il'inykh V.A., Andreenkov S.N., Rynkov V.M. Agriculture of Siberia in the XX century: problems of development and crises. Novosibirsk, 2012, 408 p. (In Russ.)

5. Kovrigin I. Electrification in the village. *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*. 1924, no. 2, p. 101–105. (In Russ.)

6. Vilenskiy M.A. Problems of the electric power industry development in the Far East. Moscow, 1954, 159 p. (In Russ.)

7. Strel'tsova T.P. The Amur village: contradictions and difficulties of post-war development (1946–1965): dissertation. Vladivostok, 2006, 283 p. (In Russ.)

8. Andreenkov S.N. Agrotechnics of the state farms of Siberia in the second half of the 1940s – early 1950s. *Vestnik Tomskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2017, no. 47, p. 81–86. (In Russ.)

9. Maklyukov A.V. Solving the problems of electricity supply to the national economy of the USSR Far East in the postwar years (1946–1950). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016, no. 402, p. 79–87. (In Russ.)

10. Maklyukov A.V. Electrification of the Russian Far East (late XIX – mid XX centuries). Vladivostok, 2018, 280 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 04.09.2018

DOI: 10.15372/HSS20180418
УДК 94(47)“1930”

А.А. РАССКАЗИМОВ

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА 1930 Г. В СИБИРИ КАК СРЕДСТВО ЛИКВИДАЦИИ КОНЦЕССИИ «ЛЕНА ГОЛЬДФИЛЬДС ЛИМИТЕД»

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, 8

В статье рассмотрены причины, ход и итоги ликвидации концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед» посредством проведения всеобщей забастовки на концессионных предприятиях в Сибири. Проанализированы ее цели, механизм проведения и результаты забастовки. Показано, что забастовка 1930 г. явилась своеобразным «финалом» в противостоянии советского правительства и крупной иностранной компании, при этом отражена высокая степень координации действий центральных и региональных партийных, советских и профсоюзных органов в ликвидации концессии. В результате всеобщей забастовки, которая хотя формально и проходила под эгидой профсоюзов, но фактически санкционировалась и контролировалась партийно-государственными структурами, в августе 1930 г. концессионная деятельность компании была прекращена. Забастовка отразила двойственность политики в отношении забастовочных акций – инициирование и допущение рабочих протестов в негосударственных секторах экономики и недопущение и подавление забастовок на государственных предприятиях.

Ключевые слова: концессия, концессионная политика СССР, «Лена Гольдфильдс Лимитед», Сибирь, всеобщая забастовка 1930 г.

A.A. RASSKAZIMOV

THE GENERAL STRIKE OF 1930 IN SIBERIA AS A MEAN TO LIQUIDATE THE CONCESSION “LENA GOLDFIELDS LTD”

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article considers reasons, course and outcomes of liquidation of concession “Lena Goldfields Ltd” by means of the general strike at its Siberian enterprises in 1930. The English company, working on the Lena gold mines before the October Revolution, and having the opportunity to continue this activity according to an agreement with the Soviet government in 1925, compiled with the basic terms of the agreement on gold mining in Siberia. Despite the existing contradictions and disagreements between the Soviet government and concessional administration, all conflicts were reconciled by finding compromises until 1929. The government ceased to consider the concession as necessary for the economic growth after sharp changes of political and economic conjuncture in 1929–1930, and their interaction turned to a destructive phase. The concessional enterprises in Bodaibo district were subjected to searches by the Joint State Political Directorate, which withdrew the business documents, arrested employees. Newspapers “Pravda” and “Soviet Siberia” published articles criticizing “Lena Goldfields” and pointing multiple violations of the concessional contract terms. The Soviet government didn’t respond to the written applications of the Board of Concession about its future fate, all foreign citizens among the workers and employees of the concession received an order to leave the USSR territory. Naturally, there was no talk of any payments to the Soviet workers of “Lena”. Since spring of 1930, salaries had not been paid, later problems with goods and food delivery began. The proceedings moved to the arbitration in London, and meanwhile (late May – early June of 1930) all the Soviet workers of “Lena” mines declared the general strike. The general strike was a necessary means in the matter of the legal substantiation to transfer gold mines under the state control. The strike committee of Bodaibo district had been created. It led “the fight” of the working class against the foreign capital. As a result of the general strike of 1930 sanctioned by political forces, not by trade unions, all enterprises of “Lena Goldfields” practically came under the government’s control in August 1930.

Key words: concession, USSR concession policy, “Lena Goldfields Ltd”, Siberia, general strike of 1930.

Александр Александрович Рассказимов – аспирант, Институт истории СО РАН, e-mail: alexrasskazimov@gmail.com.
Alexander A. Rasskazimov – graduate student, Institute of History SB RAS.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед» в Сибири в 1930 г., на конечном этапе ее функционирования. После корректировки экономического курса страны с введением нэпа и появлением необходимости выхода из политической изоляции эта концессия вернулась в Сибирь на Ленские золотые прииски. Концессионный договор¹ между правительством СССР в лице ВСНХ СССР и обществом «Лена Гольдфильдс Лимитед» окончательно был утвержден и подписан в Москве 14 ноября 1925 г. Договор включал 95 параграфов и дополнительные приложения. В Сибири к основным предприятиям концессии относились золотые прииски в Ленско-Витимском горном округе (далее – ЛВГО) (Бодайбинский район, Иркутский округ).

С подписанием концессионного договора правление концессии и советское правительство, несмотря на практически сразу же проявившиеся значительные нестыковки в вопросах правового регулирования деятельности иностранной компании, вынужденно действовали в рамках «благожелательной политики» по отношению друг к другу. Это несмотря на тот факт, что профсоюз горнорабочих и местная районная парторганизация неоднократно поднимали вопросы о нарушениях администрацией концессии трудового законодательства СССР и всячески старались противодействовать этим нарушениям [1, с. 66–80]. Это естественным образом касалось и установок сибирских властей, которые являлись проводниками государственной политики непосредственно на местах (период с 1925 по 1928 г., в ходе которого концессия выполняла условия договора по объемам золотодобычи в ЛВГО) [2, с. 284–292].

С завершением же 1928/29 хозяйственного года для концессии оказался исчерпан «допустимый потенциал» ее функционирования и наступил период агонии, обусловленный изменившейся политикой высших советских органов власти. Постепенное «выдавливание» иностранных концессионеров из экономики СССР проявлялось как путем ужесточения контроля над выполнением условий концессионного договора, так и в спланированных акциях, очевидно направленных на дестабилизацию производства, инструментами которых становились недовольство рабочих и обострившиеся конфликты вокруг условий труда, оплаты, снабжения продуктами, товарами и т.д.

Так, согласно отчету Концессионной комиссии ВСНХ СССР, направленному на имя председателя Главного концессионного комитета (ГКК) при Совете народных комиссаров СССР Л. Б. Каменева от 13 января 1930 г. [2, с. 33–54], вопрос о дальнейшей эффективности деятельности «Лены Гольдфильдс» стоял достаточно остро. Комиссия ВСНХ предлагала правительству СССР «форсировать ликвидацию Ленско-Витимского объекта концессии, что в интересах правительства ... [будет достаточными] поводами для ликвидации Алтайского и Уральского объектов в нужный момент и быть подготовленным для включения предприятий этих объектов в систему горнопромышленности [СССР] [3, с. 53]».

В ночь на 15 декабря 1929 г. на золотых приисках концессии в Бодайбинском районе работники ОГПУ изъяли

всю техническую документацию, арестовали группу служащих – представителей высшей технической администрации [4, с. 32]. Четверых из них впоследствии обвинили в «шпионаже и контрреволюционной деятельности»².

В ответ на проведенные на концессионных предприятиях обыски правление «Лены Гольдфильдс» в Лондоне перенаправило правительству СССР официальный запрос, в котором был поставлен логичный вопрос о дальнейшей судьбе концессии. Официального ответа не последовало, но 18 февраля 1930 г. комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) по концессионным вопросам приняла решение о публикации материалов, полученных в ходе обыска на предприятиях концессии, с целью освещения невыполнения «Леной Гольдфильдс» пунктов концессионного договора, и, следовательно, делалась попытка ее скомпрометировать [3, с. 70]. На приисках «Лены» участились случаи привлечения к ответственности (в том числе к уголовной) концессионной администрации со стороны профсоюза горняков за различного рода нарушения [5, с. 110–112]. Это продемонстрировало более чем ясную картину отсутствия будущего для иностранной концессии в советской экономической системе. Подготавливая документы для организации международного третейского суда и разрешения там всех имеющихся к друг другу претензий, «Лена Гольдфильдс» лишила всех своих служащих административных полномочий, а весной 1930 г. начался постепенный выезд иностранных граждан с концессионных предприятий. По сути, уже к маю 1930 г. концессионная администрация фактически перестала существовать как руководящий центр предприятий в ЛВГО.

20 мая 1930 г. в кабинете председателя Сибкрайплана состоялось совещание для обсуждения конкретных мероприятий по урегулированию создавшегося положения на предприятиях концессии. Для обсуждения этой ситуации на него были приглашены представители Уполнаркомпути, Сибугля, Сибтруда, Госпароходства, Крайсовпрофа, ПП ОГПУ по Сибкраю, Крайпрокуратуры и Крайсовнархоза, а также редактор газеты «Советская Сибирь»³. На совещании были озвучены директивы высшего советского руководства о необходимости усилить давление на концессионную администрацию, что проявилось бы в предъявлении со стороны экономических организаций Сибири всевозможных финансовых претензий, которые накопились за годы «благожелательного» отношения к концессии (1925–1928 гг.). Все конфликты, связанные с нарушениями коллективных трудовых и концессионного договоров, которые ранее разрешались в пользу «Лены Гольдфильдс», теперь актуализировались.

1 июня 1930 г. председатель Сибкрайисполкома И.Е. Клименко обозначил директиву, которую предстояло реализовать местным органам в отношении предприятий «Лены» в Сибири: «Концессионная администрация «Лены Гольдфильдс» бросила [на] произвол судьбы предприятия, не уплатив рабочим причитающейся зарплаты. Имеются сведения [о] затоплении шахт, приведении [в] негодность имущества предприятий. [В] связи [с] изложенным выше

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 891. Л. 132–167.

² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4286. Л. 593.

³ Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 105. Л. 36.

предлагаем руководствоваться следующим: ни в коем случае недопустимо официальное принятие советскими хозяйственными органами концессионных предприятий, необходимо лишь организовать самую тщательную охрану имущества официальными органами власти [и] милицией. [В] тех случаях, когда налицо порча имущества, затопление шахт [–] необходимо оформление положения ... актами горного надзора, немедленное принятие мер [по] недопущению дальнейшего разрушения предприятия, также исправления уже имевшего место разрушения ...»⁴.

Примечательна установка Сибкрайисполкома о «непринятии» концессионных предприятий советскими организациями, очевидно, преследовавшая не только политические цели, но имевшая и правовую подоплеку – принятие таких сразу же после отъезда руководителей концессии могло в дальнейших спорах трактоваться как обычный захват, проведенный государством путем экономического и внеэкономического давления; предпочтительнее был прием предприятий «Лены» после «всеобщей» забастовки, когда рабочие и служащие сами «потребуют» возвратить все предприятия в государственную собственность.

31 мая 1930 г. райком Всероссийского профессионального союза горняков (ВСГ) предъявил требования управлению концессии в ЛВГО о выплате в 16-часовой срок задолженности по заработной плате за апрель–май 1930 г., а также за сданное старателями золото. Объявлялось, что в случае невыполнения данных требований в указанный срок работы будут приостановлены «путем забастовки».

В ответ на эти требования представители администрации концессии в письменном виде уведомили профсоюзную организацию о том, что они, во-первых, лишены доверенностей и полномочий Главным управлением концессии в Москве, а во-вторых, попросту не имеют средств для выплаты заработной платы рабочим. С отстранением от руководства делами концессии бывшего директора Э.Н. Крюгера Главное промысловое управление концессии в ЛВГО фактически перестало существовать, остался лишь концессионный аппарат, который продолжал работу на основании решения уполномоченного ГКК от 8 мая 1930 г., уже не имея на то полномочий от Главного управления концессии в Москве. Соответственно, требования райкома ВСГ не могли быть выполнены, и представители оставшегося аппарата концессии в своем письменном ответе на требования райкома ВСГ заявили, что они «персонально подчиняются всем решениям райкома по этому вопросу»⁵.

30–31 мая 1930 г. по всем приискам концессии в ЛВГО проводились митинги и собрания рабочих, служащих и старателей, на которых выносились решения об объявлении с 1 июня 1930 г. всеобщей забастовки⁶.

Следует отметить, что ЦК и райком ВСГ получили директиву от высшего руководства СССР о том, что митинги должны проводиться не только под знаком требования ликвидации задолженности и выплаты различных неустоек, а также с предъявлением требований от правительства СССР

передать предприятия «вредительской» концессии» обратно под государственное управление⁷.

Рабочие и служащие концессии полностью поддержали эту директиву и принимали на общих собраниях «необходимые» решения. Так, рабочие Светлого прииска 31 мая 1930 г. в количестве 309 чел. объявили забастовку с невыходом на работу, однако обязались «ни в коем случае не допускать затопления шахт и шурфов и хищения всякого рода имущества и вредительства». То есть рабочие фактически обязывались выполнять необходимые операции для поддержания шахт и рудников в рентабельном состоянии, что в принципе выходило за рамки «забастовки». С целью поддержания общественного порядка на период забастовки собрание вынесло решение закрыть торговлю спиртными напитками и приостановить выезд работников из района Светлого прииска⁸.

31 мая – 1 июня 1930 г. работы приостановились на Ленинском и Артемовском приисках ЛВГО. В ходе проведенных митингов было принято решение о создании стачечного комитета в количестве пяти человек, закрытии винной лавки для сохранения порядка, организации групп по три человека для обхода шахт и помещений приисков. 2 июня 1930 г. началась выдача продуктов бастующим рабочим и служащим⁹.

1 июня 1930 г. забастовали рабочие буровой разведки концессии и Кропоткинского прииска. Рабочие требовали от концессии покрытия убытков, «понесенных от вредительства, хищнического ведения работ», взыскания всех задолженностей перед профессиональными и правительственными организациями. Телефонограмма в райком ВСГ и стачечный комитет с Кропоткинского прииска явилась одним из самых ярких примеров того формализма и той безропотной поступи профессиональных союзов в рамках указанных высшим руководством страны ориентиров: «Применить к конкретным вредителям суровые меры наказания, немедленно ликвидировать концессию, [со] своей стороны заверяем правительство, что на развалинах концессионного предприятия организуем свое предприятие СОЮЗЗОЛОТО, выполнять задание по добыче золота, все трудности по выполнению пятилетнего плана горняки Бодайбинского района преодолеют. Долой вредителей концессию, суровая кара конкретным носителям вредительства, хищничества. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВКП(б) [–] вождь строительства социализма в СССР»¹⁰.

Для общего руководства ходом забастовки был создан стачком Бодайбинского района из членов райкома ВСГ ЛВГО¹¹.

Исходя из заявленного формального повода забастовки, одной из первоочередных задач стачкома стало выявление общей суммы задолженности по зарплате рабочим, служащим и старателям концессии и передача полученных данных в прокуратуру. Согласно акту инспектора труда Бодайбинского района за январь–май 1930 г. задолженность управления концессии перед рабочими, служащими, старателями за сданное золото и сезонными рабочими исчислялась примерно в 170 тыс. руб.¹²

⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4286. Л. 573.

⁸ Там же. Л. 577.

⁹ Там же. Л. 578.

¹⁰ Там же. Л. 580.

¹¹ Там же. Л. 589.

¹² Там же. Л. 586.

⁴ ГАНО. Ф.Р-47. Оп. 5. Д. 105. Л. 37.

⁵ Там же. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 4286. Л. 576.

⁶ Там же. Л. 569.

Из 1500 бастующих рабочих, старателей и служащих в ЛВГО почти 400 чел. было занято на разного рода работах: дежурство в шахтах, отвод воды и проч. Все эти работы по мере необходимости постепенно прекращались и производились только в случаях экстренной необходимости и по линии обеспечения самих рабочих. При обращении администрации концессии к местным властям по привлечению рабочих к ряду поручений, как правило, последние отказывались, оставляя за собой «законное» право не выходить на работы до полного погашения задолженности. Естественно, что призывы выйти на работу в случаях «экстренной необходимости» исходили от стачечного комитета и находили поддержку в рабочей среде. В основном, кроме охраны предприятий, работа во время забастовки заключалась в отправлении один раз в неделю поезда в тайгу с материалами и продуктами, разгрузке пароходов, прибывающих с грузами треста «Союззолото». Причем в распоряжениях Стачкома по вопросам транспортировки грузов акцент делался не на том, что эта мера связана с необходимостью продолжения нормального функционирования государственного предприятия, а на потребности переброски на прииски концессии кооперативных товаров и продовольствия, необходимого самим рабочим. Концессионные магазины на приисках и касса не были опечатаны с целью снабжения рабочих продуктами питания и необходимыми материалами в счет заработной платы за апрель–май 1930 г.¹³

В течение июня–июля 1930 г. при продолжавшейся забастовке в ЛВГО концессионные рабочие стали проявлять «настойчивое желание» прекратить таковую и перейти на работу в государственный трест «Союззолото» с целью «выполнения плана по сдаче золота государству в условиях пятилетнего плана»¹⁴. Естественно, часть рабочих мало интересовал вопрос срывов производственных программ – переход в «Союззолото» преследовал своей целью возможность рассчитаться и уволиться, отработав определенное время. Это было необходимо в связи с запретом въезда и выезда с приисков в ЛВГО на время забастовки – общая дезорганизация вкуче с «наплывом» большого количества «копачей» могла негативно повлиять на экономическую обстановку на предприятиях прекратившей свою деятельность концессии. И рабочие вынужденно находились в своего рода «подвешенном» состоянии, когда не было ясности в вопросах полной выплаты заработной платы, от которой значительная часть была готова уже отказаться, и действовал запрет на выезд из района или переход на работу в государственный трест. В данных условиях профсоюз вел «просветительскую» работу – организовывались собрания с «проработкой» тезисов к XVI съезду ВКП(б), все остальное время рабочие были заняты работой на огородных участках¹⁵.

13 августа 1930 г. на закрытом заседании Бодайбинского райкома ВКП(б) рассматривались вопросы, связанные с директивным распоряжением высшего советского руководства о прекращении всеобщей забастовки. В связи с этим заседание постановило провести ряд мероприятий: выпустить

специальную листовку для освещения хода ликвидации забастовки и порядка управления работой предприятий в обозримом будущем, а также распустить Стачком и стачкомы на местах, для чего объявлялось о проведении митингов на приисках. На митинги посылались члены данного закрытого заседания (Юрьев, Георгиев, Грудницкий). Управление предприятиями бывшей концессии поручалось прежней администрации из числа советских граждан под руководством уполномоченного ГКК Красникова. Основными задачами временного руководства приисками в ЛВГО явились восстановление и сохранение имеющегося оборудования предприятий и обеспечение перехода на зимовку¹⁶. Примечательно, что уже 15 августа 1930 г., наряду с важнейшими директивами в области промышленного развития, вновь разрешалась продажа «вина» в Бодайбинском районе в лавках Центроспирта¹⁷.

Несмотря на формальное существование концессии «Лена Гольдфильдс», но вследствие отсутствия соглашения между правлением компании и советским правительством фактически с августа 1930 г. руководство предприятиями перешло к государству. Осуществляло его главное управление «Ленабанка» [6, с. 91] и Ленско-Витимское приисковое управление. В 1932 г. на базе этих предприятий был образован трест «Лензолото», объем годовой добычи которого в 1934 г. достиг 5 т [7, с. 120] (312,5 пудов), что было значительно меньше от уровня золотодобычи «Леной Гольдфильдс», на предприятиях которой условия договора по годовой добыче в ЛВГО 400 пуд. золота выполнялись вплоть до 1928 г. Однако нужно учитывать тот факт, что такой механизм, как концессия, требовал совместных усилий для его реализации, и указывать при расторжении договора на единственного виновника неправомерно [5, с. 113–114].

Только после нескольких лет третейских разбирательств, 4 ноября 1934 г. правительство СССР и компания «Лена Гольдфильдс Лимитед» пришли к взаимному соглашению о прекращении действия концессионного договора, подписанного 14 ноября 1925 г., и согласовали все условия его разрыва [3, с. 146–149]. Согласно подписанному соглашению, все завезенное концессией оборудование и капиталы, вся техническая документация перешли в собственность СССР вместе с долгами, которые «Лена» имела перед советскими учреждениями, но не перед иностранными компаниями. В свою очередь правительство обязывалось выплатить концессии 3 млн фунтов стерлингов без каких-либо процентов в рассрочку до 1954 г. и освобождало ее от всех имеющихся долгов в СССР. От других возможных претензий к друг другу стороны отказались.

Деструктивная фаза взаимодействия сибирских органов власти с концессионной администрацией свидетельствует еще раз о том, что в советском государстве сложилась и укреплялась жесткая тоталитарная система управления. Основываясь на первоочередности решения внутренних и внешнеполитических целей и задач, высшее советское руководство низводило местные организации до исполнительного уровня непосредственных проводников общегосударственного курса, отклонение от которого приводило

¹³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 105. Л. 42.

¹⁴ Там же. Л. 42 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 4286. Л. 707.

¹⁷ Там же. Л. 706.

к обвинениям в «правом уклоне», превышении служебных полномочий, «шпионаже» и проч.

Все мероприятия, проведенные местными органами власти в соответствии с поступившей сверху директивой скомпрометировать концессионную администрацию и выставить ее только в негативном свете, демонстрируют своего рода отлаженную систему государственной вертикали власти. При необходимости поддержания «доброжелательных» отношений с правлением «Лены Гольдфильдс» на начальном этапе ее деятельности (1925–1928 гг.), в основном по политическим мотивам, высшее советское руководство шло навстречу концессионерам в проявлявшихся конфликтных ситуациях с сибирскими организациями. С изменением же политической конъюнктуры к 1930 г. такая необходимость отпала. Политика в очередной раз оказалась главенствующей над экономикой, поскольку производственный потенциал концессии на этот момент далеко не был исчерпан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Угроватов А.П. Из истории борьбы партийных организаций Сибири за трудовые права рабочих концессии «Лена – Голдфильдс – Лимитед» (1925–1930 гг.) // Рабочий класс Сибири в период строительства социализма: сб. науч. тр. (Материалы к «Истории рабочего класса в Сибири»). Новосибирск, 1977. Вып. 2. С. 66–80.
2. Рассказимов А.А. Взаимоотношения сибирских партийных, советских и профсоюзных органов с администрацией концессии «Лена Гольдфильдс Лимитед» в рамках конструктивного сотрудничества (1925–1928) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2016. Иркутск, 2016. С. 284–292.
3. Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. М.: Ин-т российской истории РАН, 2006. Ч. II. 401 с.
4. Nussbaum A. Arbitration between the Lena Goldfields LTD and Soviet Government // Cornell law Review. 1950. Vol. 36, iss. 1. P. 31–53.
5. Угроватов А.П. Частная промышленность Сибири и трудовое законодательство в 20-е годы: практика исполнения. Новосибирск: Сов. Сибирь, 1998. 120 с.
6. Юдина Т.В., Булатов В.В. Особенности процесса перехода (возврата) концессий к государству на примере концессии «Лена Гольдфильдс» // Власть. 2013. № 09. С. 161–164.
7. Сапоговская Л.В. Национальная золотопромышленная политика XVIII – XX вв., или Нужно ли России золото? Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 328 с.

REFERENCES

1. Ugrovatov A.P. On the history of party units' struggle in Siberia for the workers labor rights at the concession "Lena Goldfields Ltd" (1925–1930). *Rabochiy klass Sibiri v period stroitel'stva sotsializma*. Novosibirsk, 1977, iss.2, pp. 66–80. (In Russ.)
2. Rasskazimov A.A. The relations between the Siberian party, Soviet and trade-union authorities and the administration of concession "Lena Goldfields Ltd" in the framework of constructive cooperation (1925–1928). *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik*. 2016. Irkutsk, 2016, pp. 284–292. (In Russ.)
3. Khromov S.S. Foreign concessions in the USSR. A historical essay. *Dokuments*. Moscow, IRH RAS, 2006, pt. 2, 401 p. (In Russ.)
4. Nussbaum A. Arbitration between the Lena Goldfields LTD and Soviet government. *Cornell law Review*. 1950, vol. 36, no. 1, p. 31–53.
5. Ugrovatov A.P. Private industry of Siberia and labor legislation in the 1920s: practice of execution. *Novosibirsk, Soviet Siberia*, 1998, 120 p. (In Russ.)
6. Yudina T.V., Bulatov V.V. Features of the process of transition (return) of concessions to the state, a case of the concession "Lena Goldfields". *Vlast*. 2013, no. 9, pp. 161–164. (In Russ.)
7. Sapogovskaya L.V. The national gold industrial policy of the XVIII–XX centuries, or does Russia need gold? *Ekaterinburg, UrB RAS*, 2008, 328 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 17.09.2018

DOI: 10.15372/HSS20180419
УДК 94(571.1)“1930/1940”

В.Б. ЛАПЕРДИН

ПРОЕКТЫ АГРАРНОГО ОСВОЕНИЯ КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ В 1930-е гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается аграрное развитие районов Кулундинской степи в 1930-е гг. Анализируются проекты по борьбе с засухой в Кулунде и расширению сельскохозяйственного производства. Недород 1931 г. стимулировал поиск новых методов борьбы с засухой как на общегосударственном, так и на региональном уровнях. В 1932 г. Западно-Сибирское крайземуправление выдвинуло проект мелиорации Кулундинской степи. Невозможность его реализации в ближайшем будущем, а также череда новых засух повлияли на решение краевого руководства развивать сельское хозяйство Кулунды на основе комплекса агротехнических мероприятий. Упоминания о невозможности борьбы с засухой без мелиорации объявлялись «кулацкой агитацией». Тем не менее, несмотря на фактический запрет внутрикраевого дискурса, руководители региона продолжали ставить перед Центром вопрос о необходимости создания оросительной системы.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, засуха, хлебозаготовки, крестьянство, Кулундинская степь, Сибирь.

V.B. LAPERDIN

PROJECTS OF AGRARIAN DEVELOPMENT OF KULUNDA STEPPE IN THE 1930s

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article objective is to study the problems of agrarian development of Kulunda steppe, a region constantly subjected to severe droughts, in the 1930s. The situation was aggravated by the government procurement policy, according to which resources necessary for agrarian development were withdrawn. Several years of drought forced searching new methods of avoiding its damage, both at central and regional levels. In 1932, the West Siberian Territorial Administration (Krayzemupravlenie) proposed to the party's regional committee a project of Kulunda steppe melioration. It was planned to build a dam near the town of Kamen' and a canal network to irrigate arid regions. Due to inability to implement the project in coming years, regional authorities were looking for alternative ways to solve the problem. After a several arid years, regional authorities decided to offer the central government a new plan of Kulunda's agricultural development based on the complex agrotechnical measures without considering land reclamation. References to the impossibility of fighting the drought without creating an irrigation system were declared as "kulak agitation". This conclusion was based on the opinion of district authorities to reduce the sowing and harvesting plans because of unfavorable weather and climate conditions. Nevertheless, despite the actual prohibition, region's leaders continued to appeal to the central government regarding the creation of irrigation systems. The problem of drought and low harvests in the 1930s was not solved. The project to create an irrigation network was developed further in the postwar years. The construction of Kulunda main canal began in 1973-1983. Thus, projects of 1930s on Kulunda agricultural development were realized in the late Soviet period.

Key words: agriculture, agrarian policy, drought, grain procurement, peasantry, Kulunda steppe, Siberia.

Изучение аграрного развития Западно-Сибирского края невозможно без рассмотрения особенностей его отдельных областей. Районы Кулундинской степи относятся к зоне рискованного земледелия. Несмотря на значительные площади плодородных земель, развитие сельского хозяйства здесь затруднено вследствие резко континентального климата, отличающегося жарким засушливым летом и холодной мало-

снежной зимой. Особенно остро данная проблема обозначилась в 1930-е гг. вследствие череды засух, повторявшихся несколько лет подряд. Следует отметить, что и в предыдущие годы в юго-западной части края наблюдался недород. В 1932 г. Западно-Сибирское крайземуправление констатировало, что 8 лет из последних 16 урожайность зерновых была ниже 4,5 ц/га, в том числе 5 лет – «с чрезвычайно

Вячеслав Борисович Лапердин – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: laperdin2011@mail.ru.

Vyacheslav B. Laperdin – candidate of history sciences, junior researcher, Institute of History SB RAS.

низким урожаем ниже 3 центн[еров] с га»¹. В 1930–1936 гг. относительно благоприятными были только 1930 и 1934 гг. В остальные годы районы Кулунды поражал недород, особенно сильный в 1931 и 1935 гг.

Для всего исследуемого периода был характерен высокий уровень налогового-податного отчуждения сельхозпродукции, прежде всего хлеба. В неурожайные годы тяжесть обложения усиливалась, а хлебозаготовки превращались в форменный грабег деревни. Изъятие необходимых продовольственных запасов вызывало голод. Наиболее сильный голод поразил юго-восточные районы Западно-Сибирского края в 1931–1932 гг. В другие недородные годы лишь предоставление колхозам возвратных продовольственных ссуд предотвращало повторение массового голода. Однако локальных голодовок избежать не удавалось (см. [1]).

В начале 1930-х гг. негативные последствия недородов побудили региональные власти активно заняться вопросами сельского хозяйства юго-запада края. Цель данной статьи – рассмотреть проекты аграрного развития Кулундинской степи в 1930-е гг., направленные на преодоление последствий неблагоприятных погодно-климатических условий и всемерное развитие аграрного производства. Несмотря на то, что сельское хозяйство Западной Сибири в указанный период стало объектом исследования ряда сибирских историков [2; 3; 4; 5], проблема освоения Кулунды детально не рассматривалась.

В 1931 г. Западно-Сибирский край поразила катастрофическая засуха. От нее пострадало около 55 районов, а в них была сосредоточена примерно половина всех посевов зерновых края. В эпицентре засухи оказались районы Кулундинской степи, где урожай составлял 2,05 ц/га (при среднекраевом – 4,5 ц/га) [4, с. 69]).

Недород 1931 г. охватил не только территорию Западной Сибири, но и юг Урала, а также Поволжье и послужил стимулом для поиска решения проблемы засухи как на краевом, так и на общегосударственном уровнях. В конце октября – начале ноября 1931 г. состоялась Всесоюзная конференция по борьбе с засухой. На XVII конференции ВКП(б), проходившей с 30 января по 4 февраля 1932 г., также обсуждались пути решения данной проблемы.

В 1932 г. в рамках реализации плана реконструкции сельского хозяйства в юго-западной части края развернулось строительство Алейской оросительной системы. Еще в 1914 г. по распоряжению Томского переселенческого управления с целью полива лугов был проложен от р. Алей канал длиной 14,5 км. Вскоре он пришел в негодность, но в конце 1920-х гг. его восстановили и продолжили до г. Рубцовска. Протяженность канала увеличилась до 38 км. На его основе в 1932–1939 гг. происходило строительство оросительной системы. Было прорыто пять дополнительных отводящих каналов. Общая площадь орошения составляла 11,5 тыс. га. Строительство этой относительно небольшой оросительной системы вписывалось в общую концепцию мелиоративных работ в засушливых районах Западной Сибири.

В начале 1932 г. крайземуправление представило Западно-Сибирскому крайкому ВКП(б) проект своего сотруд-

ника – мелиоратора В.А. Мичкова, в котором предлагалась масштабная реконструкция юго-западных районов, в перспективе позволявшая существенно увеличить производство сельхозпродукции². Предусматривалось создание мощной оросительной сети. В заключении крайземуправления отмечалось: «Одними агротехническими мероприятиями (сухим земледелием) с таким стихийным явлением бороться безусловно невозможно. Агротехника поднимает урожай в наиболее благоприятные годы, но в годы засухи, которых больше чем первых, сухое земледелие бессильно. Для борьбы с засухой в условиях Запсибкрая нужна вода»³. Таким образом мелиорация противопоставлялась другим агротехническим мероприятиям.

Крайземуправление предлагало строительство плотины с гидроэлектростанцией на Оби в районе г. Камня и сети разветвленных каналов. Плотина увеличила бы уровень воды в реке на 25 м, что позволяло вывести ее в каналы для орошения районов Кулундинской степи. Магистральный канал должен был соединять Обь и Иртыш. Удаленные территории орошались методом дождевания. Оросительная сеть могла бы обеспечить водой 7500 тыс. га пахотных земель. Кроме того, испаряющаяся вода должна была повысить влажность воздуха и таким образом увеличить количество осадков и изменить климат Кулунды.

Проект крайземуправления выходил далеко за рамки решения проблемы недородов. Электростанция могла снабжать электроэнергией не только сельскохозяйственные предприятия Кулунды, но и находившееся вблизи промышленное производство; открылась бы водная транспортная магистраль Обь–Иртыш; создавались новые перспективы развития для рыбной промышленности; предполагалось строительство заводов, обеспечивавших оросительную систему необходимым оборудованием, трубами и пр.

Крайком ВКП(б) одобрил проект крайземуправления и предложил детально его проработать, чтобы представить Центру. Летом 1932 г. крайисполком санкционировал изыскательские работы. Тогда же проблема получила отклик от выездной сессии Академии наук СССР и 1-го Энергетического съезда, что послужило стимулом для привлечения новых специалистов для ее решения.

В 1932 г. в Западной Сибири удалось собрать урожай выше, чем в предыдущем году. Тем не менее 14 районов Кулундинской степи вновь подверглись засухе. Средний урожай здесь составлял 2,9 ц/га (в целом по краю – 7 ц/га)⁴.

Ситуация для Западно-Сибирского края изменилась к лучшему в 1933 г., когда удалось получить неплохой урожай. Но часть районов юго-запада, в том числе находившихся на территории Кулундинской равнины, снова подверглась засухе. Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе отметил этот факт в докладной записке, направленной в середине августа на имя И.В. Сталина: «Урожай в этом году в целом лучше прошлогоднего, и по определению райЗО, в среднем по краю получается почти 9 ц с га, но южная часть, прилегающая к Казахста-

² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 352. Л. 132–145.

³ Там же. Л. 135.

⁴ Там же. Л. 280; Сельское хозяйство в СССР: ежегодник. 1935. М., 1936. С. 269.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 352. Л. 133.

ну, в этом году также имеет низкий урожай. В районах Рубцовском, Шипуновском, Волчихинском и некоторых других значительное количество колхозов будет иметь урожай 2–4 ц с га» [6, с. 97–99].

Вновь повторившаяся засуха послужила стимулом для дальнейшей разработки проекта по созданию оросительной сети. В начале 1933 г. Госплан СССР выделил средства на изыскание и проработку рабочей гипотезы Обь-Кулундинской проблемы. В Западно-Сибирском крае проект курировал председатель крайплана В.Ф. Тиунов. В 1934 г. вышла в свет книга В.А. Мичкова, содержащая более детальную проработку проекта. Ее основной целью было ознакомление широкой общественности с данной проблемой, а также привлечение внимания работников центральных организаций [7].

Несмотря на столь активную разработку проблемы, ее решение откладывалось на неопределенный срок. В.А. Мичков, говоря о реализации проекта, заключал, что строительство плотин и ирригационной сети займет не одну пятилетку. В 1935 г. Западно-Сибирский край вновь поразила сильнейшая засуха, превышавшая, по мнению первого секретаря крайкома Р.И. Эйхе, масштабы бедствия 1931 г. По его сведениям, от недорода пострадало 42 района с посевной площадью свыше 2 млн га, что составляло 45 % всех посевных площадей колхозов края [8, с. 613]⁵.

1 декабря 1935 г. выступавший на совещании передовых комбайнеров И.В. Сталин выдвинул лозунг – довести ежегодное производство хлеба до 7–8 млрд пуд. С тех пор в каждом программном постановлении Западно-Сибирского крайкома упоминалась эта задача. Стоит отметить, что ее решение соответствовало личным амбициям Р.И. Эйхе, заявлявшего о желании сделать Западную Сибирь «второй Украиной» по производству пшеницы. Так, в своем выступлении на VI пленуме Западно-Сибирского крайкома 25 июня 1935 г. он сказал: «Что этот лозунг значит? Украина имеет 120 млн га посевной площади. Мы вряд ли можем даже через 20 лет стать краем, который бы имел такую же посевную площадь, эту задачу край даже не может иметь в виду. Но чем мы можем стать второй Украиной? Мы можем стать второй пшеничной базой. Украина имеет 5 миллионов га посевов пшеницы. Мы имеем 3 [миллиона] 700 [тысяч] га посевов пшеницы»⁶. Достижению этой цели препятствовали неурожайные годы, отбрасывавшие аграрное развитие региона назад. Реализация ирригационного проекта в силу огромных трудозатрат и необходимости дальнейшей его технической проработки, как было сказано выше, отодвигалась на неопределенный срок.

В 1935 г. руководство Западно-Сибирского края изменило политику в отношении публичности обсуждения Кулундинской проблемы. Теперь любые упоминания засухи и неизбежности недородов объявлялись «кулацкой пропагандой» «кондратьевско-чаяновских последышей», а невозможность аграрного развития юго-западной части региона без решения вопроса его водоснабжения – «кулацкой идеей». Основанием для такого утверждения являлась позиция районных властей, которые, ссылаясь на неблагоприятные

погодно-климатические условия, поднимали вопрос о снижении посевных и заготовительных планов. Кроме того, ставились под сомнение любые меры краевых властей по развитию сельского хозяйства, если они не включали решение вопроса мелиорации. В.Ф. Тиунов подвергся критике со стороны регионального руководства за то, что в предисловии к вышеупомянутой книге В.А. Мичкова высказался о необходимости мелиорации Кулундинской степи. Крайком ВКП(б) критиковал его за высказывание о «закономерности снижения урожая в Кулундинских степях, обвинял в недопустимом оправдании низких урожаев «недостаточным количеством осадков» и в грубом противопоставлении проблемы орошения Кулундинских степей текущей организационно-хозяйственной и политической работе по повышению урожайности»⁷. Досталось и автору книги за развитие высказанной в 1932 г. в докладе крайземууправления идеи о невозможности решить проблему урожайности без крупномасштабных мелиоративных работ. Так, В.А. Мичков писал в своей работе: «Несмотря на то, что в засушливой зоне на применение агротехнических мероприятий обращается особое внимание, здесь, в этой зоне, агротехника в годы жестоких засух оказывается бессильной. Чтобы ликвидировать недороды, необходимо применить более радикальные меры по борьбе с засухами путем орошения, путем искусственного добавления недостающей влаги Кулундинским плодороднейшим почвам на больших площадях» [7, с. 36].

В 1936 г. ситуация в районах Кулундинской степи в очередной раз осложнилась вследствие недорода. В записке, адресованной И.В. Сталину и В.М. Молотову, первые лица Западно-Сибирского края Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинский отмечали: «При хорошем урожае в большинстве районов края в текущем году все районы Кулундинской степи и значительная часть смежных с ними, подвергшиеся сильной засухе, собрали весьма низкий урожай. 20 районов имеют урожай зерновых в среднем 2,6 цент[еров] с га, а в отдельных районах, как, например, в Славгородском намолочено лишь 1,1 цент[ера] с га и в Ново-Киевском – 0,9 цент[ера] с га»⁸.

В условиях критики идеи создания Обь-Кулундинской оросительной сети в ближайшие годы краевому руководству пришлось искать альтернативные пути решения проблемы повышения урожайности. В середине 1936 г. Западно-Сибирский крайком и крайисполком представили Центру докладную записку «По вопросу повышения урожайности и доходности колхозов в южных и юго-западных районах Западно-Сибирского края», предлагавшую решение Кулундинской проблемы при помощи комплекса агротехнических мероприятий. В Москве посчитали данный проект перспективным, и 28 декабря 1936 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР издали постановление «О мероприятиях по повышению урожайности в юго-западных районах Западно-Сибирского края» [9, с. 200].

Суть проекта заключалась в переходе от паропропашных севооборотов, безуспешно внедрявшихся с 1933 г. в колхозах и совхозах края, к травопольным севооборотам. Кроме увеличения площадей, занятых травами и зерновы-

⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 690 б. Л. 45.

⁶ Там же. Д. 669. Л. 27.

⁷ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 635. Л. 6–6 об.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 796. Л. 7.

ми (в первую очередь пшеницей засухоустойчивых сортов), предполагались создание лесозащитных полос и организация новых МТС. Расширение занятых травами площадей способствовало укреплению кормовой базы для животноводства. В связи с этим Центр просил крайком разработать проект развития животноводства в Кулунде. Он был представлен в начале 1937 г. После его обсуждения и доработки в Москве СНК СССР 13 августа 1937 г. издал постановление «О мероприятиях по развитию животноводства в районах Кулундинской степи»⁹.

Следует отметить, что все вышеназванные постановления не решали проблему засухи, ставшей постоянным явлением для Кулунды. Необходимость мелиорации оговаривалась как в постановлениях Центра, так и в проектах сибирских властей. Но она не связывалась со строительством Обь-Кулундинской оросительной системы. В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 28 декабря 1936 г. краевые власти обязывались провести обводнительные работы в 1937 г. на площади 6 тыс. га и устроить 300 прудов¹⁰. Краевые власти не выходили за рамки установок Центра. 21 января 1937 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) и президиум крайисполкома издали распоряжение о выполнении директивы Москвы, в котором указывалось: «Обязать райкомы ВКП(б) и райисполкомы разработать в разрезе отдельных колхозов конкретные планы оросительных и обводнительных мероприятий, могущих быть проведенными в районе в 1937 году с определением площади возможного полива за счет проектируемых мероприятий, представив эти планы в крайзуду»¹¹. Таким образом, задача мелиорации возлагалась на районные власти. Создание централизованной оросительной сети в рамках новой концепции аграрного развития Кулундинской степи не предусматривалось.

Реализация проекта столкнулась с рядом организационных проблем уже на начальной стадии. На местах по различным причинам не выполнялось постановление по повышению урожайности. Так, 3 июля 1937 г. крайком и крайисполком издали совместное постановление «Об уходе за семенниками трав»¹², в котором констатировали, что районные власти не занимаются заготовкой семян трав. Созданные в колхозах с этой целью специальные звенья распущены, посевы трав зарастали сорняками и уничтожались вредителями.

Несмотря на проблемы, возникавшие при практическом осуществлении проекта, население Кулунды положительно оценило начинания властей. Во всяком случае так докладывал в Москву Р.И. Эйхе в начале 1937 г.: «Постановление СНК и ЦК встречено подавляющим большинством колхозников с горячим одобрением и вызвало среди колхозников огромный подъем активности и инициативы колхозных масс в деле развертывания борьбы за высокий и устойчивый урожай. Резко улучшились политические настроения колхозников, чувствуется значительное укрепление уверенности колхозников в результатах колхозного труда, которую несколько поколебали недород в течение двух лет, низкая доходность

ряда колхозов и острый недостаток продовольствия в большинстве районов Кулундинской степи.

Подтверждением этого может служить тот факт, что за последнее время не только прекратился выезд колхозников из районов, достигший в этом году значительных размеров <...> но имеются даже случаи возвращения выехавших колхозников обратно в свой район»¹³.

Между тем были и негативные оценки действия властей. Так, во время проведения собрания в колхозе «Новая деревня» Купинского района колхозница Блохина при обсуждении постановления ЦК и СНК ВКП(б) и выделенных для его осуществления кредитов заявила: «Откуда эти кредиты? С нас же взяли, нам же дают». Тогда же колхозник Кузнецов сказал: «Вот если бы хлеба нам привезли, было бы лучше». Однако Р.И. Эйхе заключил, что «подобные открытые враждебные выступления являются единичными и не только не находят себе поддержки со стороны подавляющей массы колхозников, но и решительно разоблачаются ими и получают самый резкий отпор»¹⁴. Вполне возможно, первый секретарь крайкома не лукавил, оценивая подобным образом настроения крестьян. По всей видимости, население Кулунды позитивно восприняло новый проект повышения урожайности, так как он предполагал определенные материальные вложения со стороны властей в развитие аграрного производства и улучшение положения сельских жителей в отличие от предыдущих лет, когда государство изымало в ходе заготовок последнее у крестьян, а затем при проведении посевных кампаний выдавало изъятое ранее зерно в форме возвратных натуральных ссуд.

Несмотря на запрет публичного обсуждения неизбежности неурожайных лет вследствие засухи и принятие постановления «О мероприятиях по повышению урожайности в юго-западных районах Западно-Сибирского края», разработка проекта Обь-Кулундинской ирригационной сети продолжалась, а региональное руководство отставало перед Москвой идею необходимости ее строительства. Так, осенью 1937 г. первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Р.И. Эйхе и председатель облисполкома С.А. Шварц просили у народного комиссара земледелия М.А. Чернова выделить средства на проведение инженерно-геологических работ вблизи Новосибирска¹⁵. Руководители только что образованной Новосибирской области отмечали: «Необходимо начать эти работы, которые нужны для составления проекта и принятия окончательных решений, не теряя времени, ибо вопрос с Кулундинской проблемой уже недопустимо затянулся»¹⁶. Несмотря на усилия региональных властей, в последующие годы разработка данной проблемы не получила должного развития.

В 1937 г. Западно-Сибирский край был упразднен. Большинство районов Кулундинской степи вошли в состав Алтайского края. Проблема засухи и низких урожаев в 1930-е гг. не была решена, а проект создания Обь-Кулундинской ирригационной сети оставался только на

⁹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 823. Л. 6–6 об.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 775. Л. 8.

¹² Там же. Д. 840. Л. 14–14 об.

¹³ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 869. Л. 13.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В.А. Мичков рассматривал несколько вариантов строительства плотины, в том числе возле Новосибирска, хотя г. Камень-на-Оби ему казался более выгодным по экономическим соображениям.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 869. Л. 91–92.

бумаге. Тем не менее данный проект получил продолжение. Он лег в основу работ, активизировавшихся в конце 1950-х и в 1960-е гг. В 1973–1983 гг. развернулось строительство Кулундинского магистрального канала, начинавшегося, как и предлагало Западно-Сибирское крайземуправление в 1932 г., вблизи г. Камня-на-Оби. Таким образом, проекты 1930-х гг. в определенной степени были реализованы в позднесоветский период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильиных В.А., Исупов В.А., Ноздрин Г.А. Голод // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. I. С. 396.
2. Гуцин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму. (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1973. 518 с.
3. Гуцин Н.Я., Кошелева Э.В., Чарушин В.Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 288 с.
4. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / под ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: б/и, 2011. 608 с.
5. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / В.А. Ильиных, С.Н. Андреев, В.М. Рышков [и др.]. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2012. 408 с.
6. Голод в СССР. 1929–1934: сб. док.: в 3 т. / отв. сост. В.В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 3: Лето 1933–1934. 960 с.
7. Мичков В.А. Обь-Кулундинская комплексная водохозяйственная проблема / под ред. В.Ф. Тиунова. Новосибирск: Зап-Сиб. краев. изд-во, 1934. 106 с.
8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. / под ред. В.П. Данилова. М.: РОССПЭН, 2002. Т. 4: 1934–1936. 613 с.

9. Ильиных В.А. Проблемы агротехники, специализации и организации сельского хозяйства Сибири в 1920–1930-е гг.: дискурс и выбор // На аграрном фронте Сибири. Кампания 1932–1933 гг.: документально-монографическое издание. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 223 с.

REFERENCES

1. Ilinykh V.A., Isupov V.A., Nozdrin G.A. Famine. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, 2009, vol. 1, p. 396. (In Russ.)
2. Gushchin N.Ya. Siberian village on the way to socialism. (Socioeconomic development of the Siberian village during the socialist reconstruction period of national economy, 1926–1937). Novosibirsk, Nauka, 1973, 518 p. (In Russ.)
3. Gushchin N.Ya., Kosheleva E.V., Charushin V.G. Peasantry of West Siberia in pre-war years (1935–1941). Novosibirsk, Nauka, 1975, 288 p. (In Russ.)
4. Ilinykh V.A., Kavtsevich O.K. (eds.) The Soviet state agrarian policy and Siberian agriculture in 1930s. Novosibirsk, IH SB RAS, 2011, 608 p. (In Russ.)
5. Ilinykh V.A., Andreenkov S.N., Rynkov V.M. et al. Siberian agriculture in the XX century: crises and problems of development. Novosibirsk, IH SB RAS, 2012, 408 p. (In Russ.)
6. Kondrashin V.V. (comp.) Famine in USSR. 1929–1934. Moscow, 2011, vol. 3: Summer of 1933–1934, 960 p. (In Russ.)
7. Michkov V.A., Tiunov V.F. (ed.) The Ob-Kulunda complex water management problem. Novosibirsk, Zap.-Sib. Krai. Izd-vo, 1934, 106 p. (In Russ.)
8. Danilov V.P. (ed.) The Soviet village tragedy. Collectivization and dispossession. 1927–1939. Documents and materials. Moscow, ROSSPEN, 2002, vol. 4: 1934–1936, 613 p. (In Russ.)
9. Ilinykh V.A. Problems of agrotechnics, specialization and organization of Siberian agriculture in 1920s–1930s: discourse and choice. *Na agrarnom fronte Sibiri. Kampaniya 1932–1933 gg.* Novosibirsk, 2016, pp. 155–209. (In Russ.)

Статья принята редакцией 17.09.2018

DOI: 10.15372/HSS20180420
УДК 94 (571.51) "1941/1942"

С. В. КОЖЕВНИКОВ

**РОЛЬ ХИРУРГА-КОНСУЛЬТАНТА В.Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО
В КОНСУЛЬТАТИВНОЙ РАБОТЕ ЭВАКОГОСПИТАЛЕЙ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И Г. КРАСНОЯРСКА (1941–1942 гг.)**

В статье рассмотрена деятельность хирурга-консультанта госпиталей Красноярского края В.Ф. Войно-Ясенецкого на фоне консультативной работы эвакуационных госпиталей края и г. Красноярска в 1941–1942 гг. Приведены принципы и особенности работы врачей-консультантов и В.Ф. Войно-Ясенецкого, отражено реальное содержание консультативной работы в условиях дефицита квалифицированных кадров и большого потока раненых с фронта в первые годы Великой Отечественной войны. Отмечена сложность решения задачи своевременного и квалифицированного консультирования раненых и медперсонала. Выделена исключительная роль хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого в консультативной работе эвакогоспиталей, которая привела к высоким показателям по возвращению на фронт излеченных солдат и офицеров. На основании архивных материалов о В.Ф. Войно-Ясенецком даны опровержения утверждениям Красноярского краевого отдела здравоохранения об отсутствии хирургов-консультантов в Красноярске в 1941–1942 гг.

Ключевые слова: консультативная работа, хирург-консультант, война, раненые, эвакуационные госпитали, В.Ф. Войно-Ясенецкий, Красноярск, Красноярский край, крайздравотдел.

S. V. KOZHEVNIKOV

**V. F. VOYNO-YASENETSKY, A SURGEON-CONSULTANT, ACTIVITY
IN THE ADVISORY WORK OF EVACUATION HOSPITALS
IN THE CITY OF KRASNOYARSK AND THE KRASNOYARSK KRAI
(1941–1942)**

The article describes in detail the activities of V. F. Voyno-Yasenetsky, a surgeon-consultant, performed against the background of advisory work in evacuation hospitals in the city of Krasnoyarsk and the Krasnoyarsk Krai in 1941–1942. It shows principles and features of medical consultants and V.F. Voyno-Yasenetsky work, as well as the actual content of the advisory work under conditions of acute shortage of qualified personnel and a large flow of wounded patients from the front during the first years of the Great Patriotic war. The paper notes difficulties to solve the problems of organising timely counselling of the wounded soldiers and officers. It highlights the specific features of activities of V.F. Voyno-Yasenetsky, who played an exceptional and key role in arranging a qualified and life-saving advisory work given to the medical personnel and the seriously injured persons entered the Krasnoyarsk hospitals by military-sanitary echelons in 1941–1942.

The study objective is to describe and analyze activities of V.F. Voyno-Yasenetsky, a surgeon-consultant, in the field of continuous and systematic work led by consultant doctors at the evacuation hospitals of the city of Krasnoyarsk and the Krasnoyarsk Krai. The author provides evidence of a very special role played by Professor V.F. Voyno-Yasenetsky, without whom the advisory work of Krasnoyarsk doctors would not be so effective. In addition, he corrects a significant error in the report of Krasnoyarsk Regional Department of Health claiming that surgeons-consultants did not work in hospitals of Krasnoyarsk city, but consulted only in regional hospitals. The extant lists of consultations carried out by surgeon V.F. Voyno-Yasenetsky in the hospitals of Krasnoyarsk city refuted this statement.

The author considers that owing to Valentin Feliksovich and other surgeons-consultants, the wounded soldiers and officers' mortality rate was low in the hospitals of both the city and the region.

Key words: advisory work, surgeon-consultant, war, injured and wounded persons, evacuation hospitals, V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk city, Krasnoyarsk Krai, Kraizdravotdel.

Семен Валериевич Кожевников – канд. экон.наук, исполнительный директор ООО «РАМикс», semenk2011@yandex.ru.
Semen V. Kozhevnikov – candidate of economic sciences, executive director, ООО RAMiks.

Научный интерес к фигуре выдающегося хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого не угасает до сих пор. Постоянно открываются новые факты, характеризующие его деятельность. Большинство авторов исследуют красноярский период В.Ф. Войно-Ясенецкого (1941–1943), основываясь, главным образом, на его работе в эвакогоспитале № 1515¹: раскрывают хирургическую, научную работу В.Ф. Войно-Ясенецкого и его духовный подвиг как архиепископа Русской православной церкви². Так, академик РАМН и РАН Ю.Л. Шевченко в историческом очерке, посвященном В.Ф. Войно-Ясенецкому [1], подробно анализирует научно-практическую работу профессора в эвакуационном госпитале (ЭГ) № 1515. В монографии о В.Ф. Войно-Ясенецком [2] И.Д. Косачев, П.Ф. Гладких, А.Е. Яковлев описывают организацию и проблемы красноярских госпиталей, хирургическую деятельность Валентина Феликсовича, выделяют его огромный авторитет, который позволял ему оказывать «влияние на структуру раненых и больных, поступавших в госпиталь» № 1515 [2, с. 310]. Кроме того, рассматривается обширная научная работа профессора, в том числе на базе эвакогоспиталя № 1515, а также его условия жизни в Красноярске и т.д. Т.П. Сизых в личностно-биографическом повествовании «Ровесница лихого века», посвященном Н.А. Бранчевской, работавшей с В.Ф. Войно-Ясенецким, раскрывает состояние и деятельность госпиталя во время войны, отмечает, что «главным хирургом-консультантом всех эвакогоспиталей города Красноярска <...> был назначен проф. В.Ф. Войно-Ясенецкий» [3, с. 444].

В указанных выше работах авторы лишь бегло касаются собственно консультативной работы В.Ф. Войно-Ясенецкого в красноярских эвакогоспиталях. Что касается исследований, посвященных системе эвакогоспиталей Красноярска и Красноярского края, то можно выделить монографию Н.А. Борисенко [4], статьи о работе этих госпиталей М. Аргуновой [5], Е. Семьиной, Т. Ивлевой [6] и других, в которых описаны основные направления и результаты деятельности красноярских эвакогоспиталей в годы Великой Отечественной войны. Но в указанных публикациях недостаточно полно отражена консультативная работа В.Ф. Войно-Ясенецкого и других специалистов в системе красноярских госпиталей.

Нами не ставилась задача представить исчерпывающее исследование о работе красноярских эвакогоспиталей и В.Ф. Войно-Ясенецкого, так как это невозможно в рамках одной статьи. Однако нам впервые удалось выявить документальные свидетельства об организации консультативной работы врачей-специалистов в разветвленной системе красноярских госпиталей в самый тяжелый военный период (1941–1942), а также обнаружить новые сведения, относящиеся к деятельности хирурга-консультанта В.Ф. Войно-Ясенецкого. Это позволило нам впервые описать консультативную работу хирургов красноярских эвакогоспиталей с выделением консультативной деятель-

ности В.Ф. Войно-Ясенецкого, а полученные данные ввести в научный оборот и устранить некоторые пробелы и противоречия в оценке работы хирургов-консультантов на примере В.Ф. Войно-Ясенецкого.

Основными источниками для статьи послужили фонды Государственного архива Красноярского края: фонд Р-1384 отдела здравоохранения исполкома Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся и фонд П-26 Красноярского краевого комитета КПСС за 1941–1943 гг., а также фонд 49 МЭП (местного эвакуационного пункта – 49³) Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

Начавшаяся в июне 1941 г. война неизбежно привела к мобилизации огромного количества врачей и среднего медицинского персонала в разворачиваемые вблизи линии фронта медицинские части ГВСУ Красной армии. В связи с этим в тыловых эвакогоспиталях не хватало не только практикующих хирургов, но и специалистов-консультантов, которые могли бы оказать оперативную консультативную помощь раненым и медперсоналу. Исключением не стали эвакогоспитали в глубоком тылу, развернутые на территории Красноярского края. В начале 1942 г. крайздрав основным принципом в их работе провозгласил борьбу за качество лечебной работы. Вместе с тем по состоянию на 12 марта 1942 г., т.е. в самый разгар поступления в Красноярск раненых солдат и офицеров⁴, в 14 госпиталях города работало всего 182 врача, из которых 37 были хирурги⁵, в Красноярском крае к середине июля 1942 г. насчитывалось всего 989 врачей⁶. Из них нужно было выделить врачей-консультантов, особенно хирургов, для срочной работы в госпиталях.

В справке о нуждах действующих госпиталей Красноярского края за 1942 г. заведующая крайздравотделом Т.М. Астафьева отмечала: «Действующие Эвакогоспитали (эвакогоспитали. – С. К.) хирургами обеспечены на 40 %»⁷, а врачами госпитали укомплектованы только на 80 %⁸. При этом большинство хирургов госпиталей Красноярского края, по прошествии первого года войны (1941–1942), имели незначительный стаж работы, поэтому не были готовы для профессиональной и консультативной деятельности. Распределение 60 хирургов по стажу работы в эвакогоспиталях края по прошествии первого года войны было следующим: со стажем свыше 30 лет – 1 чел.; от 20 до 30 лет – 6 чел.; от 10 до 20 лет – 21 чел.; от 5 до 10 лет – 17 чел.; со стажем от 3 до 5 лет – 15 чел.⁹

Представленные цифры включали также 6 хирургов-гинекологов со стажем свыше 20 лет, челюстно-лицевого хирурга со стажем 17 лет, 4 ортопедов со стажем 8, 12, 15,

³ Местные эвакуационные пункты (МЭПы) – местные органы Главного военно-санитарного управления Красной армии СССР, для Красноярского края это был МЭП-49.

⁴ В 1942 г. в госпитали Красноярска поступило более 99 тыс. раненых и больных, что превышает поступления за 1941, 1943 и 1944 гг.

⁵ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 3. Д. 284. Л. 27.

⁶ Там же. Д. 427. Л. 18.

⁷ Там же. Д. 552 а. Л. 120.

⁸ Там же. Л. 121.

⁹ Там же. Л. 172 об.

¹ Основное место работы В. Ф. Войно-Ясенецкого в Красноярске (1941–1943).

² С 27 декабря 1942 г. епископ Лука (Войно-Ясенецкий) был назначен архиепископом Красноярским.

16 лет и одного профессора по гнойной хирургии¹⁰. Как нам удалось установить, единственным профессором, со стажем свыше 30 лет, был хирург В.Ф. Войно-Ясенецкий, его хирургический стаж к осени 1941 г. составлял 38 лет. Длительная врачебная деятельность В.Ф. Войно-Ясенецкого, начавшаяся с русско-японской войны, и обширные знания в разных областях хирургии (особенно гнойной) пригодились в тыловом Красноярске в практической и консультативной работе в условиях постоянного дефицита врачебных кадров. С апреля 1940 г. Валентин Феликсович отбывал ссылку в пос. Большая Мурта Красноярского края¹¹, а с началом войны предложил свои услуги квалифицированного хирурга. С разрешения руководства ВКП(б) и местного НКВД на имя М.И. Калинина была отправлена телеграмма Валентина Феликсовича. Ответ пришел быстро, и 30 сентября 1941 г. В. Ф. Войно-Ясенецкого доставили в Красноярск для работы в разворачиваемых эвакогоспиталях.

Дефицит консультантов и специалистов-практиков для госпиталей потребовал от крайздравотдела сформировать по всем отделам здравоохранения городов и районов края списки специалистов-врачей, имеющих высшее образование. После этого специалистов распределяли по эвакогоспиталям таким образом, чтобы обеспечить эффективное лечение, которое в значительной степени зависело от профессионального консультирования раненых и врачей, особенно в Красноярске, где было наибольшее количество госпиталей. Одним из поводов для такой целенаправленной работы крайздора послужило обращение, подписанное в ноябре 1941 г. начальником санитарного отдела Сибирского военного округа (СибВО), бригадным врачом Правдиным и главным хирургом СибВО проф. Мануйловым. В обращении ко всем руководителям отделов здравоохранения СибВО¹² настоятельно рекомендовалось постоянно пользоваться консультациями высококвалифицированных специалистов, прибывших на место работы с каким-либо госпиталем либо индивидуально, подобно проф. В.Ф. Войно-Ясенецкому.

Консультативную работу в сформированных госпиталях Красноярского края военно-санитарное руководство СибВО требовало наладить таким образом, чтобы она проводилась повседневно и бесперебойно, с регистрацией в особом журнале посещения госпиталя тем или иным консультантом¹³. Вместе с тем все расходы по приглашению специалистов должны были нести госпитали, которые таких специалистов вызывали¹⁴. Безусловно, основные затраты несли эвакогоспитали, срочно размещавшиеся в первые годы войны за пределами Красноярска на территории края по мере увеличения потока раненых в регион.

¹⁰ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 552а. Л. 172 об.

¹¹ В.Ф. Войно-Ясенецкий (епископ Лука) незаслуженно отбывал третью ссылку за священнический сан. По сфабрикованному делу официальной причиной третьей, пятилетней, ссылки было участие Валентина Феликсовича в антисоветской организации. Стараниями В.А. Лисичкина архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) был официально реабилитирован 12 апреля 2000 г.

¹² В состав СибВО входили следующие регионы: Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская область, Омская область.

¹³ ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 1. Д. 822. Л. 102.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 67. Л. 82.

Так, в мае 1942 г. из Москвы на секретаря Красноярского крайкома ВКП(б) и председателя крайисполкома пришли срочные телеграммы следующего содержания: «Прошу ускорить развертывание новых госпиталей согласно утвержденного Вам плана [в] связи [с] непрерывным поступлением [на] территорию военно-санитарных поездов»¹⁵. Приказы, исходящие свыше, надо было исполнять. Однако летом того же 1942 г. заведующая крайздравотделом констатировала, что за первый год войны «край не получал совершенно ни каких (никаких. – С. К.) пополнений по медикаментам»¹⁶, а эвакогоспитали продолжают работать за счет своих запасов. Более того, одним из негативных итогов работы госпиталей Красноярского края за первый год войны была приостановка части операций в связи с отсутствием наркоза¹⁷.

В обстановке постоянной нехватки кадров и медикаментов требовались как практикующие врачи, так и консультанты, способные своевременно дать совет молодым и неопытным хирургам. Среди таких профессионалов был хирург-консультант В.Ф. Войно-Ясенецкий. Однако по причине ограниченного числа профессиональных консультантов бывали случаи, когда крайздравотдел не реагировал на нужды госпиталей и даже не предоставлял хирургов-консультантов¹⁸, что могло привести к провалу эффективной работы по лечению раненых в первый напряженный год войны.

В ГАКК нами обнаружены отчетные данные крайздравотдела о деятельности эвакогоспиталей Красноярского края за первый год войны (за период с 27 сентября 1941 г.¹⁹ до 1 июля 1942 г.). Отчетные данные оказались определяющими в вопросе рассмотрения и анализа консультативной работы хирургов и В.Ф. Войно-Ясенецкого, который в отчете неоднократно выделялся как крупный специалист, чьи рекомендации надо было применять во всех госпиталях края.

Согласно отчетным данным при самом управлении эвакогоспиталей крайздравотдела имелись собственные консультанты по таким специальностям как: «ортопед, хирург, невропатолог, специалист по ЛФК, отоларинголог (отоларинголог. – С. К.) на ½ ставки и эпидемиолог на ½ ставки»²⁰. Что касается организации консультативной работы по краю, то крайздравотделом была разработана специальная памятка для врачей-консультантов, которые должны были обслуживать эвакогоспитали всего края. В отчете подробно описан принцип организации консультативной работы врачей, особенно специалистов-хирургов. Данный принцип заключался в следующем.

В группе госпиталей, расположенных относительно друг друга на небольшом расстоянии (в так называемом кусте), из каждого госпиталя выделялись лучшие специалисты, которые проводили консультативную работу в своей группе госпиталей, в «кустах»²¹. Например, в г. Минусинске госпиталей с подходящими специалистами было два,

¹⁵ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 427. Л. 55.

¹⁶ Там же. Д. 552 а. Л. 118.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 668. Л. 151.

¹⁹ 27.09.1941 г. красноярские госпитали приняли в свои стены первых раненых с фронта.

²⁰ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 552а. Л. 159.

²¹ Там же.

«в Абаканском кусте госпиталей»²² имелись все специалисты, в Канске специалисты-консультанты были в госпитале № 430, и так во всех центральных населенных пунктах Красноярского края.

Тяжелораненые, поступавшие в определенный «куст», отбирались прибывающими в населенный пункт консультантами и перенаправлялись ими в квалифицированные отделения госпиталей соответствующего профиля. Эвакогоспитали, укомплектованные высококвалифицированными специалистами, в первоочередном порядке принимали наиболее тяжелых больных.

Приказом № 129 по Управлению МЭП-49 от 20 мая 1942 г. была организована краевая врачебно-летняя комиссия под председательством помощника начальника красноярского ЭГ № 1515 по медицинской части Н.А. Бранчевской²³. По результатам вылетов комиссии в ЭГ № 1515 проводились заседания²⁴, на которых выдавались профессиональные рекомендации. Таким образом, самых тяжелых больных из госпиталей края авиацией специально доставляли в Красноярск в госпиталь № 1515, в котором трудился В.Ф. Войно-Ясенецкий, дававший итоговые квалифицированные консультации по лечению доставленных больных.

Однако масштабная консультативная работа В.Ф. Войно-Ясенецкого, с учетом профессиональной значимости профессора и невозможности постоянно оперативно вылетать на вызовы, была, скорее, исключением из общих правил работы консультантов. Так, согласно памятке, консультант не должен был ждать вызова в госпиталь, а должен был сам отправляться туда и проводить там консультативную работу. Но задачи всех консультантов, с учетом дефицита высококвалифицированных специалистов, были общими. Их стоит привести целиком:

1. Полностью обследовать постановку работы госпиталя по своему разделу.
2. Выявленные недостатки по возможности ликвидировать на месте.
3. Обработать тех больных, которых не могут обработать специалисты этого госпиталя <...>.
4. Отобрать больных, не подлежащих лечению и обеспечить их перевод в другие госпитали.
5. Разработать с врачами все сложные случаи.
6. Прочитать ряд лекций и докладов для врачей данного госпиталя (или куста, где имеется несколько госпиталей)²⁵.

Из приведенного перечня задач очевидно, что их качественное и своевременное выполнение при потоке раненых в 1941–1942 гг. было практически за гранью физических возможностей врача, непрерывно занятого на своей основной работе в госпитале. Составители отчета из крайздрава констатировали: «Освобожденные консультанты загружены работой и много помогают госпиталям. Нельзя этого сказать в отношении сверхштатных консультантов, работающих в госпиталях»²⁶. Как видим, таким штатным и сверхштатным консультантом был проф. В.Ф. Войно-Ясенецкий, на-

значенный хирургом-консультантом «всех госпиталей <...> края» [7, с. 337].

Однако, согласно отчетным данным крайздраводела, деятельность консультантов в качестве хирургов-консультантов не распространялась на краевой центр – г. Красноярск. В отчете отмечено, что в «Красноярске имеются специализированные госпитали, ведущие консультации в других госпиталях по своему профилю»²⁷, а что касается хирурга, то «хирург в гор. Красноярске не консультирует. Его работа протекает исключительно на периферии и носит характер инспекторско-консультативной работы»²⁸. Но данное утверждение отчета противоречит проводившейся в г. Красноярске работе хирурга-консультанта В.Ф. Войно-Ясенецкого и расходится с консультативной работой, проводимой в городе другими консультантами-хирургами²⁹.

Так, в фонде крайздраводела ГАКК сохранились далеко не исчерпывающие списки консультаций проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, датируемые декабрем 1941 – мартом 1942 г., т.е. тем периодом, который отражен в выявленных нами отчетных данных о работе эвакогоспиталей Красноярского края за 27.09.1941–01.07.1942 гг. По нашим подсчетам, в сохранившихся списках раненых, получивших консультацию В.Ф. Войно-Ясенецкого в госпиталях Красноярска, значатся 186 чел. Большинство сохранившихся списков консультаций В.Ф. Войно-Ясенецкого в госпиталях Красноярска начинаются фразой: «Консультации профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого»³⁰. В этих списках отражены многочисленные рекомендации Валентина Феликсовича. Далее, в списках отражена именно хирургическая оценка зафиксированного профессором состояния больного, например, «Остеомиелит (остеомиелит. – С. К.)»³¹. Нуждается в оперативном лечении»³², «Необходима операция на тенной кости»³³ и т.д. В-четвертых, В.Ф. Войно-Ясенецкий достаточно часто давал рекомендации о переводе тяжело больного из какого-либо госпиталя Красноярска к себе во второй корпус ЭГ № 1515 (в здание шк. № 10): «Экстренно перевести в 10 школу для операции»³⁴, что подтверждает строгое следование профессора-хирурга выполнению задачи № 4, указанной в приведенной выше специальной памятке для врачей-консультантов. И, наконец, все списки проведенных консультаций в госпиталях Красноярска направлялись В. Ф. Войно-Ясенецким в крайздраводел офи-

²⁷ Там же. Л. 159.

²⁸ Там же. Л. 159 об.

²⁹ Косвенным свидетельством того, что официально в первый год войны хирурги-консультанты в госпиталях Красноярска не должны были консультировать (но консультировали) является предложение начальнику красноярского госпиталя № 985, поступившее от главного хирурга эвакогоспиталей крайздрава, прекратить выплату ½ ставки проф. Киселеву, обслуживавшему госпиталь в качестве хирурга-консультанта. Соответствующее письмо было направлено в октябре 1941 г. (ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 2. Д. 67. Л. 258).

³⁰ ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 1. Д. 822. Л. 207.

³¹ Остеомиелит – «воспаление костного мозга, обычно распространяющееся на компактное и губчатое вещество кости и надкостницу» [8, с. 272].

³² ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 1. Д. 822. Л. 185.

³³ Там же. Л. 205.

³⁴ Там же.

²² ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 552 а. Л. 159.

²³ Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 49 МЭП. Оп. 25053. Д. 7. Там же. Л. 67.

²⁴ Там же.

²⁵ ГАКК. Ф. П-26. Оп. 3. Д. 552 а. Л. 159–159 об.

²⁶ Там же. Л. 160.

Показатель	Сентябрь – март (1941–1942)		Апрель – июнь (1942)	
	абс.	%	абс.	%
Возвращено в часть (часть, батальон выздоравливающих, дом отдыха) из госпиталей края	16 433	69,3	3634	42,6
Всего годных к службе в РККА	17 360	73,2	4186	48,6
Уволено из РККА	4 293	18	2641	30,4
Умерло	76	0,3	40	0,4

циально, с отчетом: «При сем представляю отчет о проведенных консультациях за декабрь 1941 г. (с 9. XII). Проф. В. Войно-Ясенецкий»³⁵.

Обнаруженные в ФЦАМО РФ отчеты по МЭП-49 свидетельствуют о том, что проф. В.Ф. Войно-Ясенецким проводилась большая консультативная работа по госпиталям Красноярска³⁶, что не стыкуется с утверждением крайздрава о том, что консультативная работа хирургов в Красноярске не ведется.

Кроме того, в фонде крайздраводела ГАКК за 1941–1944 гг. сохранились упоминания о консультациях, проводимых другими хирургами-специалистами в г. Красноярске³⁷.

Таким образом, мы можем констатировать, что, во-первых, несмотря на положение ссыльного, проф. В.Ф. Войно-Ясенецкий был крайне востребован в консультативно-хирургической работе эвакогоспиталей и проводил консультации в госпиталях Красноярска; во-вторых, при поступлении в город большого количества тяжелых больных в 1941–1942 гг. требовалась не только немедленная, но профессиональная хирургическая помощь, успех которой во многом зависел от своевременного вмешательства хирурга-консультанта В.Ф. Войно-Ясенецкого и других, менее опытных, но также востребованных в городе консультантов, способных помочь тяжелораненым больным и медперсоналу определиться с выбором правильного и эффективного лечения.

Вполне допустимо, что частая фиксация консультаций проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого в госпиталях Красноярска была связана с тем, что в 1941–1942 гг. видный хирург официально находился на положении ссыльного. Но другие хирурги-консультанты госпиталей Красноярска ссыльными не были, и им не предъявляли строгих требований по оформлению отчетов, поэтому эти документы сохранились в небольшом количестве.

Итак, вынужденная отчетность консультанта В.Ф. Войно-Ясенецкого, помимо ценной информации о деятельности крупного ученого, свидетельствует о непрерывной работе хирургов-консультантов в Красноярске. Важными доказательствами их непрерывной и успешной работы могут быть, во-первых, высокие показатели возвращения в часть и годности к службе вылеченных бойцов и, во-вторых, низкие показатели смертности среди раненых

в 1941–1942 гг. (см. таблицу). Очевидно, что основные показатели приходятся на госпитали г. Красноярска, в котором было развернуто до 50 % от общего числа госпиталей Красноярского края.

Подводя общий итог, можно утверждать, что при большом потоке раненых в 1941–1942 гг., а также в условиях дефицита высококвалифицированных консультантов-хирургов консультативная работа госпитальной системы Красноярского края и особенно Красноярска в короткий срок была поставлена на высокий профессиональный уровень, что привело к высоким показателям по возвращению в строй солдат и офицеров. Важнейшая заслуга в этом принадлежала главному хирургу-консультанту госпиталей края В.Ф. Войно-Ясенецкому, сумевшему при организационной поддержке крайздраводела на базе эвакогоспиталя № 1515 обеспечить своевременное консультирование тяжелых больных госпиталей Красноярска благодаря выездным консультациям, а также оказывать консультативную помощь раненым, доставленным к нему санитарной авиацией из городов и районов края. Консультативная работа хирургов красноярской системы эвакогоспиталей неразрывно связана с именем проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого, оставшегося до его отъезда из Красноярска в феврале 1944 г. хирургом-консультантом с самым большим стажем работы среди коллег в Красноярском крае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевченко Ю.Л. Приветствует вас Святитель Лука, врач-волюбленный. СПб.: Наука, 2007. 623 с.
2. Косачев И.Д., Гладких П.Ф., Яковлев А.Е. Профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий – архиепископ Лука: врачевание и священнослужение (1877–1961) / отв. ред. А. Е. Яковлев. СПб.: ВМедА: Дмитрий Буланин, 2013. 622 с.
3. Сизых Т.П. Ровесница лихого века (личностно-биографическое повествование). Красноярск: ПИК Офсет, 2015. 696 с.
4. Борисенко Н.А. «В памяти нашей...». Красноярск: Изд-во «Версо», 2010, 308 с.
5. Аргунова М. Сибирская медицина в годы Великой Отечественной войны // Тобольск и вся Сибирь: альманах. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2015. Кн. 25: Сибиряки и Победа. Т. 4: В труде как в бою. С. 443–450.
6. Семьина Е., Ивлева Т. Эвакуационные госпитали в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны // Тобольск и вся Сибирь: альманах. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2015. Кн. 25: Сибиряки и Победа. Т. 4: В труде как в бою. С. 463–459.
7. Поповский М.А. Жизнь и житие Святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга. СПб.: Сатисъ, Держава, 2002. 528 с.
8. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. / гл. ред. Б.В. Петровский. М.: Сов. энциклопедия, 1982–1984. Т. 2. 448 с.

³⁵ ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 1. Д. 822. Л. 175.

³⁶ Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (военно-медицинских документов, г. Санкт-Петербург) (ФЦАМО РФ). Ф. 974. Оп. 49575. Д. 1. Л. 100.

³⁷ ГАКК. Ф. Р-1384. Оп. 2. Д. 67. Л. 258 и др.

REFERENCES

1. *Shevchenko I.U.* L. Saint Luka, the beloved physician, welcomes you. Saint Petersburg, 2007, 623 p. (In Russ.)
2. *Kosachev I.D., Gladkikh P.F., Yakovlev A.E.* Professor V.F. Voino-Yasenetskii – archbishop Luka: medicine and priesthood practice (1877–1961). Saint Petersburg, VMedA, Dmitrii Bulanin, 2013, 622 p. (In Russ.)
3. *Sizykh T.P.* Dashing century's contemporary (a personal-biographical narrative). Krasnoyarsk, Ofset, 2015, 696 p. (In Russ.)
4. *Borisenko N.A.* "In our memory...". Krasnoyarsk, Verso, 2010, 308 p. (In Russ.)
5. *Argunova M.* Siberian medicine during the Great Patriotic war. *Tobol'sk i vsya Sibir': al'manakh.* Tobol'sk, 2015, bk. 25, vol. 4, pp. 443–450. (In Russ.)
6. *Sem'ina E., Ivleva T.* Evacuation hospitals in Krasnoyarsk region during the Great Patriotic war. *Tobol'sk i vsya Sibir': al'manakh.* Tobol'sk, 2015, bk. 25, vol. 4, pp. 463–469. (In Russ.)
7. *Popovskiy M.A.* Life and hagiography of St. Luka (Voino-Yasenetsky), Archbishop and surgeon. Saint Petersburg, 2002, 528 p. (In Russ.)
8. *Petrovskiy B.V.* (ed.) Encyclopedian dictionary of medical terms. Moscow, 1983, vol. 2, 448 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.09.2018

Рецензия на кн.: И.Н. Стась. *От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е – начало 1990-х гг.)*. Сургут: Дефис, 2016. 258 с.

Историческая урбанистика как новое направление современной историографии объединяет с каждым годом все большее число молодых историков. Актуализация урбанистической проблематики в гуманитарном знании обуславливается стремлением общественности и молодежи к формированию комфортной городской среды, повышению жизненного уровня горожан, а также трансформацией городского образа жизни в постсоветский период. Эти тенденции урбанизации неоднородны в российских регионах, что связывается с различными стратегиями индустриального освоения страны.

В этом историографическом контексте представляет интерес монография И.Н. Стася, в которой раскрывается региональный ракурс советской градостроительной политики и урбанизационных процессов в условиях становления и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). Автором монографии является сургутский ученый, прошедший научную школу тюменских историков нефтегазового освоения Западной Сибири, среди которых следует выделить Б.А. Нима, Н.М. Пашкова, В.П. Карпова, Н.Ю. Гаврилову, Г.Ю. Колеву, М.В. Комгорт, С.М. Панарина. Во введении И.Н. Стась указывает, что урбанизация и индустриализация нефтяного региона лично отразились на нем и на историках Тюмени, Югры и Ямала, поскольку они, как и нефтяники и газовики, также являлись участниками процесса нефтегазового освоения, включались в социокультурное пространство новых городов.

Инструментарий автора основан на синтезе исторического и градостроительного подходов. Монография написана на большом пласте источников, в первую очередь законодательно-нормативных, делопроизводственных и градостроительных документов, выявленных историком в фондах шести архивов федерального и регионального уровня.

Сильной стороной монографии является подробный историографический анализ работ предшественников, чему посвящена первая глава. Сначала И.Н. Стась выявляет достижения советских ученых в изучении градостроительного развития нефтегазодобывающих районов Западной Сибири, среди которых преуспели архитекторы и географы. Постсоветская историография градостроительного освоения нефтяного региона включает преимущественно работы географов, архитекторов и историков. И.Н. Стась приходит к выводу, что несмотря на значительное количество работ, в науке остались без внимания многие проблемы формирования архитектурно-планировочных пространств, механизмы принятия и реализации градостроительной политики. Вопрос о том, как трансформировалась система расселения в ЗСНГК – от традиционного метода к схеме «базовый город – вахтовый поселок» – оставался открытым в историографии. Поэтому главной задачей в данном исследовании И.Н. Стась ставил раскрытие государственной политики в градостроительном освоении ЗСНГК и репрезентацию

концептуальных подходов этого освоения, которые обуславливали трансформации в системе расселения нефтегазового региона.

Во второй главе монографии рассматриваются вопросы формирования градостроительной политики на начальном этапе нефтегазового освоения Западной Сибири в 1960-е гг., в основе которой лежал традиционный метод расселения, подразумевавший строительство ведомственных рабочих поселков при местах приложения труда, в данном случае нефтяных месторождений. Такая практика расселения рабочих и их семей сложилась в СССР в период первых пятилеток. Традиционный метод расселения реализовывали ведомства, которые осуществляли нефтегазовое освоение – Главтюменнефтегаз и Главтюменнефтегазстрой.

Вместе с тем И.Н. Стась выявил, что руководство Тюменской области в лице облисполкома и обкома КПСС не поддерживало этот вариант расселения, а с помощью градостроительных институтов разрабатывало проект строительства крупных городов как центров нефтегазодобывающих районов при эксплуатации месторождений вахтовым методом. И.Н. Стасю удалось показать, что градостроительная политика формировалась в условиях противостояния ведомственных и региональных интересов. Помимо спора о расселении, краеугольными камнями конфликта были проблемы застройки, возведение жилья и социально-культурных учреждений в новых городах, а также объемы выделяемых ведомствами капитальных вложений на строительство городов и поставка строительных материалов из других регионов страны.

В третьей главе И.Н. Стась реконструирует дискуссию о строительстве городов на трех научно-технических конференциях по проблемам градостроительства в нефтегазоносных районах Тюменской области в 1966, 1968 гг. и о развитии и размещении производительных сил Тюменской области в 1969 г. На конференциях руководство региона и градостроительных институтов смогло убедить Госплан СССР реализовывать в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири схему централизованного расселения со строительством крупных городов, где жили бы рабочие с семьями, а вахтовый метод обеспечивал бы непосредственную эксплуатацию месторождений. Эта концепция расселения была закреплена в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1969 и 1971 гг. по развитию нефтедобывающей промышленности и городов нефтяников. В историографии она получила название «базовый город – вахтовый поселок». Таким образом, согласно И.Н. Стасю, в конце 1960-х гг. произошел переход от строительства ведомственных поселков вблизи месторождений к возведению полноценных городов как центров промышленных районов.

В четвертой главе анализируется процесс реализации концепции централизованного расселения в 1969–1970-е гг. Автор показывает, что градостроительная политика в этот период осуществлялась также в противостоянии региональной власти всемогущим ведомствам, которые неохотно осваивали нефтегазодобывающие районы посредством принятой схемы «базовый город – вахтовый поселок». В 1970-х гг. на

заседаниях Тюменского облисполкома непрерывно обсуждался вопрос о застройке базовых городов нефтяников – Сургута и Нижневартовска, за неудовлетворительное строительство которых жестко критиковались ведомства. Уже тогда ведомства на практике пытались отказаться от реализации концепции централизованного расселения. Сначала они выступили против строительства базового города Южный Балык, вместо которого застраивали вахтовый поселок Мамонтово и г. Нефтеюганск, располагавшийся на непригодной для строительства площадке – прямо на нефтяном месторождении. И.Н. Стась выявляет, что ведомства не понимали суть концепции централизованного расселения: неохотно возводили жилье и социокультурную инфраструктуру в базовых городах, но в то же время осуществляли хаотичную застройку вахтовых поселков, тем самым дублировали жилищное и социокультурное пространство в регионе, превращали поселки вахтовиков в полноценные рабочие поселки и даже в города – Мамонтово, Пойковский, Мегйон и др. В итоге схема расселения «базовый город – вахтовый поселок» не была претворена в жизнь, а хроническое невыполнение заданий по строительству городов вело к пересмотру градостроительной политики.

Процесс принятия новой концепции градостроительного освоения в ЗСНГК воспроизводится в пятой главе. Автор указывает, что в 1980 г. под влиянием нефтяников принимается новая схема группового расселения, в основе которой лежал традиционный метод возведения рабочих поселков и городов при месторождениях. Вот почему в названии книги присутствует слово «обратно»: с принятием этой концепции происходил возврат к ведомственному расселению 1960-х гг. Это вызвало массовое строительство десятков новых рабочих поселков и мелких городов. В монографии показано, что несмотря на принятие концепции централизованного рас-

селения, отстаиваемой региональной властью и градостроительными институтами, в конечном итоге исполнение системы расселения находилось под диктатом ведомств.

Шестая и седьмая главы книги посвящены эволюции застройки и архитектурно-планировочного пространства городов в ЗСНГК. Автор приходит к выводам, что градостроительная история Сургута и других городов нефтяников определялась ведомственной застройкой, постоянной корректировкой генеральных планов, которые никогда не выполнялись. По мнению И.Н. Стась, развитие городской среды отличалось сильной противоречивостью, а в городах региона сформировалась разобщенная ведомственная структура архитектурно-планировочного пространства.

Следует отметить, что исследование И.Н. Стась отличается высоким уровнем культуры исторического исследования, глубиной аналитической проработки материала, строгостью суждений и логичностью выводов, четкостью литературной формы. В целом монография вносит существенный вклад в историографию, дополняет научную картину урбанизации Сибири и градостроительной политики, раскрывает исторические закономерности урбанизационных процессов.

*В.И. Исаев,
д-р ист. наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института истории СО РАН*

*В.А. Исупов,
д-р ист. наук, профессор,
заведующий сектором
историко-демографических исследований
Института истории СО РАН;
профессор кафедры отечественной истории НГУ*

VI СИБИРСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ (г. Красноярск, 24–25 октября 2018 г.)

В октябре 2018 г. в Красноярске состоялся VI Сибирский исторический форум. Его организаторами традиционно выступили Администрация губернатора, Законодательное собрание и Архивное агентство Красноярского края, организационными партнерами – Сибирский федеральный университет и Красноярский педагогический государственный университет им. В.П. Астафьева, Управление общественных связей губернатора Красноярского края, Дом дружбы народов Красноярского края. Форум был посвящен теме «Сибирь многонациональная». В нем приняли участие ученые из Москвы, Новосибирска, Читы, Республики Хакасия и Республики Тыва, Казахстана, а также преподаватели вузов, средних образовательных учреждений Красноярска и других городов края, архивисты, работники музеев, представители органов власти и др. В рамках форума состоялись олимпиада для школьников и студентов «Народы Сибири: история, культура, традиции, обычаи», презентация этноурока «Семья Красноярского края» и мастер-класс по проведению единого краевого урока «День народного единства». Известные ученые читали публичные лекции, в краевом Госархиве работал кинолекторий «Таймырские встречи», а в Институте повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования состоялась конференция «Опыт территорий Красноярского края в гармонизации межнациональных отношений через программы воспитания и социализации образовательных организаций».

Открытие форума сопровождалось музыкальными композициями в «живом» исполнении ансамбля местной филармонии, использовалось видео, иллюстрировавшее этапы освоения Сибири. Участников и гостей приветствовал первый заместитель губернатора Красноярского края С.А. Пономаренко, подчеркнувший необходимость изучения и пропаганды опыта межнациональных отношений в Сибири, где живут более 150 народов. С приветствиями выступили также и.о. ректора Сибирского федерального университета В.И. Колмаков, ректор КГПУ им. В.П. Астафьева В.А. Ковалевский и врио директора Института истории СО РАН В.И. Козодой. Они оценили форум как эффективное мероприятие для интеграции науки и образования, как знаменательное событие для всех интересующихся прошлым и настоящим сибирского региона и подчеркнули, что наша история убедительно показала, каким действенным механизмом сохранения и позитивного развития современной цивилизации является межэтническое сотрудничество.

Центральным событием форума стала научная конференция, прошедшая 24–25 октября в Конгресс-холле Сибирского федерального университета. В его фойе работала выставка «Хоровод народов», подготовленная Госархивом и национально-культурными автономиями Красноярского края. Тема форума привлекла внимание не только историков, но и экономистов, юристов, философов, политологов, филологов. На пленарной сессии (модератор – Н.П. Копцева, д-р филос. наук, проф. СФУ, г. Красноярск) выступили с до-

кладами: В.А. Исупов, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, проф. НГУ (г. Новосибирск) – «Заселение Сибири: исторические тенденции и механизмы реализации»; А.Е. Иванова, д-р экон. наук, проф., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований (ИСПИ) РАН (г. Москва) – «Демографические проблемы Сибирского федерального округа»; Р.Г. Рафиков, канд. ист. наук, заместитель начальника управления общественных связей губернатора Красноярского края (г. Красноярск) – «Формирование этнической карты Красноярского края: история и современность»; И.С. Карабулатова, д-р филос. наук, проф. Российского университета дружбы народов (г. Москва) – «Сибирь и проблемы социализации личности мигранта в современных глобализационных процессах»; М.В. Фомин, канд. полит. наук, старший научный сотрудник ИСПИ РАН (г. Москва) – «“Вторые” и “третьи” города субъектов Сибирского федерального округа: точки роста или зоны равновесия?».

Работа конференции продолжалась в четырех секциях, где было заслушано около 50 докладов и сообщений. Участники секции № 1 «Демографические и миграционные процессы в Сибири» (руководитель – д-р ист. наук, проф. Л.Н. Славина, КГПУ им. В.П. Астафьева) обсуждали такие проблемы, как этнический состав коренных жителей Приенисейской Сибири в первой четверти XVIII в.; особенности демографического развития Хакасии в XX – начале XXI в. (д-р ист. наук, проф. В.А. Кышпанов, ХакГУ им. Н.Ф. Катанова), современные этнодемографические процессы в Хакасии (д-р ист. наук, проф. В.Н. Тугужекова, директор ХакНИИЯЛИ) и этнодемографическая ситуация в Республике Тыва (д-р ист. наук, проф. З.Ю. Доржу, ТувГУ); численность и состав населения г. Красноярска в годы революции и гражданской войны; национально-этнические особенности развития г. Ачинска; национальные аспекты репрессивной политики в 1930-х гг. (на примере польской операции НКВД); историография проблемы влияния сталинских репрессий на формирование этнического состава населения Красноярского края в 1920–1950-х гг.; изменение национального состава сельского населения края в последнем советском тридцатилетии (и конкретно: Курагинского района в 1926–2010 гг.); естественное движение населения края в 1970–2015 гг. и его современный демографический потенциал. Слабое освещение в работе секции, как и всей конференции, получили этнодемографические, в том числе миграционные, процессы, что объясняется в основном отсутствием источников.

На секции № 2 «Этнические процессы в Сибири в дореволюционный период» (руководитель – д-р ист. наук, проф. С.Т. Гайдин, КрасГАУ) рассматривался широкий круг проблем. Д-р ист. наук, проф. Е.П. Мамышева (ХГУ им. Н.Ф. Катанова) отметила слабую изученность процесса формиро-

вания национальной интеллигенции и конфессиональной политики царизма и выделила вопросы, требующие в связи с этим первоочередного анализа. Заслушаны сообщения о роли беломестных казаков в защите южных границ Западной Сибири в XVII–XVIII вв., о динамике численности податных групп населения Енисейской губ. в 1820–1860-х гг., этнокультурных последствиях христианизации (в том числе матримониальном поведении) коренного населения Хакасско-Минусинского края в XVII–XIX вв. (д-р ист. наук, проф. В.Н. Асочакова, ХГУ им. Н.Ф. Катанова); о вкладе жителей Енисейской губ. в основание первого китайского православного женского монастыря. В докладе С.Т. Гайдина об отношениях русских и коренных народов Енисейского Севера в досоветский период в основном рассматривались историко-ведческие аспекты; характеристике источников были посвящены также сообщения: о генеалогии инородцев XIX – начала XX вв. (по документам Госархива Забайкальского края); о документах Красноярского госархива, содержащих информацию о быте и истории народов Сибири, в том числе об этнических процессах в Минусинском уезде Енисейской губ. в XIX – XX вв.

Большинство выступлений на секции № 3 «Народы Сибири в советский период» (руководитель – канд. ист. наук, доц. И.Н. Ценюга, КГПУ им. В.П. Астафьева) посвящалось сюжетам национально-государственного строительства в Сибири и изучению вклада разных народов в решение конкретных задач. Были проанализированы особенности становления национальной политики советского государства в Енисейской губ. в 1920-х гг.: формирование судебной системы на Енисейском Севере; деятельность Красноярского комитета содействия малым народностям окраин Сибири по созданию национальной школы народов Севера; работа национальных школ в Красноярском крае в 1934–1941 гг. А.Г. Рогачев, д-р ист. наук, проф. КрасГАУ, рассмотрел социально-экономическое и правовое развитие народов Енисейского Севера в 1917–1941 гг. как вариант модернизации, а канд. ист. наук А.П. Шекшеев попытался дать новую оценку ходу и результатам национального движения хакасов в тот же период. Заслушаны сообщения о реализации сталинского плана преобразования природы в Хакасии в послевоен-

ные годы; о роли национальных студий в творческих вузах в формировании театральных кадров Восточной Сибири; торговом обслуживании жителей национальных автономий в 1960–1980-х гг.

На секции № 4 «Проблемы межнациональных отношений в Сибири» (руководитель – канд. ист. наук, доц. Л.Э. Мезит, КГПУ им. В.П. Астафьева) характеризовались, прежде всего, отдельные этносы и национальные группы: жившие в Енисейской губернии выходцы из Белоруссии – политссыльные, участники польского восстания 1863 г.; беженцы, прибывшие в Восточную Сибирь в годы Первой мировой войны; эстонцы – жители Енисейской губернии 1920-х гг.; немецкое население Приенисейской Сибири в 1920–1930-х гг.; трудармейцы, присланные в годы Великой Отечественной войны в Красноярский край из Средней Азии. Обсуждались также оценки постсоветской историографией национальных движений в Сибири в годы гражданской войны (д-р ист. наук В.Г. Кокоулин, НВВКУ, г. Новосибирск); советский опыт пропаганды и мобилизации населения в этот же период; результаты этнографических экспедиций Новосибирского краеведческого музея в 1920–1930-х гг.; развитие казахского и русского языков в Казахстане и миграционные настроения его русскоязычного населения (д-р филос. наук, проф. Р.А. Вафеева и канд. филос. наук, доцент Р.Ж. Саурбаева, ПГПУ, г. Павлодар, Республика Казахстан).

Подводя итоги форума, руководитель Архивного агентства Красноярского края А.Б. Казицин подчеркнул его значимость для консолидации исследователей, дальнейшего развития междисциплинарного подхода и ориентации на получение практически значимых результатов. Подготовка и издание обстоятельных научных трудов должны активизировать научные исследования и актуализировать исторический опыт для выработки в регионе адекватной современной политики. По итогам конференции издан сборник «Сибирь многонациональная. Материалы Сибирского исторического форума» (Красноярск, 24–25 октября 2018 г. Красноярск: Резонанс, 2018. 256 с.).

*Д-р ист. наук, профессор Л.Н. Славина,
Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 30 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm; <http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.